

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 2/2024

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С 2007 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

УЧРЕДИТЕЛЬ
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Козлова С.В., доктор экономических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Ахапкин Н.Ю., канд. экон. наук
(заместитель главного редактора)
Андрюшин С.А., докт. экон. наук
Братченко С.А., канд. экон. наук
Колпакова И.А., канд. экон. наук
Пылин А.Г., канд. экон. наук
Грибанова О.М.

СЕКРЕТАРИАТ ЖУРНАЛА
Касьяненко Т.М.
Нефёдова Н.П.

МОСКВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гринберг Р.С.

председатель, член-корреспондент РАН,
научный руководитель Института экономики РАН

Головнин М.Ю.

член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН

Абрамова М.А.

доктор экономических наук, профессор,
зав. кафедрой банковского дела и монетарного регулирования
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Александрова О.А.

доктор экономических наук, заместитель директора Института
социально-экономических проблем народонаселения РАН

Аносова Л.А.

доктор экономических наук, профессор,
начальник отдела Отделения общественных наук РАН

Бахтизин А.Р.

член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-
математического института РАН

Буторина О.В.

член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе
Института Европы РАН

Валентей С.Д.

доктор экономических наук, профессор, руководитель
научно-исследовательского объединения РЭУ имени Г.В. Плеханова

Городецкий А.Е.

доктор экономических наук, профессор, руководитель научного
направления Института экономики РАН

Иващенко Н.П.

доктор экономических наук, профессор, научный руководитель
кафедры экономики инноваций экономического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Калабихина И.Е.

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой народонаселения
экономического факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

Караваева И.В.

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник,
зав. кафедрой экономической теории Института экономики РАН

Кузнецов А.В.

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук,
директор Института научной информации по общественным наукам
(ИНИОН) РАН

Лаврикова Ю.Г.

доктор экономических наук, профессор,
директор Института экономики УрО РАН

Ленчук Е.Б.

доктор экономических наук, руководитель научного направления
Института экономики РАН

Музычук В.Ю.

доктор экономических наук, заместитель директора
по научной работе Института экономики РАН

Некипелов А.Д.

академик РАН, директор Московской школы экономики
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Прокапало О.М.

доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе
Института экономических исследований ДВО РАН

Рубинштейн А.Я.

доктор философских наук, профессор,
руководитель научного направления Института экономики РАН

Цветков В.А.

член-корреспондент РАН, директор Института проблем рынка РАН

Черных С.И.

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института экономики РАН, зав. сектором Института проблем развития
науки РАН

Шабунова А.А.

доктор экономических наук, доцент, директор Вологодского
научного центра РАН

ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Научный журнал

№ 2/2024

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.

ISSN 2073-6487

Каталог «Урал-Пресс», индекс подписной 80713

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук, по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки),

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки),

5.2.4. Финансы (экономические науки),

5.2.5. Мировая экономика (экономические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Все статьи проходят обязательное рецензирование

Высказанные в статьях мнения и суждения
могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Ответственность за подбор и изложение материалов
несут авторы публикаций

Компьютерная верстка: Хацко Н.А.

Подписано в печать 07.05.2024

Формат 70×100/16. Объем 10 п.л. Тираж 250 экз.

Печать офсетная. Заказ № 2309-24

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32

Тел.: 8-499-724-13-91, e-mail: vestnik-ieran@inbox.ru

<https://vestnik-ieran.ru>

© НП

Редакция журнала «Вестник Института экономики Российской академии наук», 2024

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит»,

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88

Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33

E-mail: zakaz@amirit.ru

Сайт: amirit.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

- Кислицына О.А.**
Отношение россиян к роли государства в сфере здравоохранения... 7
- Крупнов Ю.А., Сильвестров С.Н.**
Технологический суверенитет и диффузия технологий..... 31

ФИНАНСЫ

- Беляев В.А.**
Решенные и нерешенные проблемы денежно-кредитной политики:
попытка систематизации 49
- Рычков В.В.**
Анализ влияния новостей о санкциях на финансовые рынки
России 71
- Осадченко Е.А.**
Перспективы организации, регулирования и налогообложения
майнинга в России..... 116

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- Медведев И.В.**
Евразийский интеграционный проект в условиях цифровой
трансформации экономики России 137

К 300-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

- Воейков М.И.**
Роль Института экономики АН СССР в осуществлении
хозяйственной реформы 1965 года 158

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Зеленоборская Л.В.**
Институт экономики Российской академии наук в 2023 году 172

CONTENTS

ECONOMICS AND MANAGEMENT

- Kislitsyna O.A.**
Russians' Attitudes Toward the Role of the State in Healthcare..... 7
- Krupnov Y.A., Silvestrov S.N.**
Technological Sovereignty and Diffusion of Technologies 31

FINANCE

- Belyaev V.A.**
Resolved and Unresolved Problems of Monetary Policy:
an Attempt to Systematize 49
- Rychkov V.V.**
Analysis of the Impact of the Sanctions News on Russian Financial
Markets 71
- Osadchenko E.A.**
Prospects for the Organization, Regulation and Taxation of Mining
in Russia..... 116

WORLD ECONOMY

- Medvedev I.V.**
Eurasian Integration Project in the Digital Transformation Framework
of the Russian Economy..... 137

FOR THE 300TH ANNIVERSARY RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

- Voeikov M.I.**
The Role of the Institute of Economics of the USSR Academy
of Sciences in the Implementation of the Economic Reform of 1965..... 158

SCIENTIFIC LIFE

- Zelenoborskaya L.V.**
The Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
in 2023..... 172

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

О.А. КИСЛИЦЫНА

доктор экономических наук, главный научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН К РОЛИ ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

В статье рассматриваются взгляды россиян на роль государства в обеспечении и финансировании услуг здравоохранения и на успешность деятельности правительства в этой сфере, выявляется изменение общественного мнения с течением времени, исследуется взаимосвязь между позицией россиян и их принадлежностью к различным возрастным группам и социальным категориям, их индивидуальными характеристиками. Анализ опросов, проведенных в 2006 и 2016 г. в рамках Международной программы социальных исследований (ISSP), показывает, что, несмотря на то, что за десятилетний период (2006–2016 гг.) поддержка населением роли государства в обеспечении и финансировании медицинской помощи уменьшилась, и значительная часть опрошенных недовольна действиями правительства в обеспечении лечения больных, большинство россиян по-прежнему поддерживают вовлечение государства в сферу здравоохранения. Выявлены индивидуальные характеристики, связанные с отношением россиян к роли государства в оказании медицинской помощи.

Ключевые слова: здравоохранение, общественное мнение, государственное финансирование, государственные услуги, ответственность правительства, Международная программа социальных исследований, Россия.

УДК: 316.4, 336.5

EDN: AUFPPV

DOI: 10.52180/2073-6487_2024_2_7_30

Введение

Обеспечение социального благополучия является одной из основных задач любого правительства. Государственное содействие играет важную роль в решении этой задачи. Оно может включать в себя различные меры и программы, направленные на поддержку населения, на обеспечение равных возможностей для всех граждан в доступе к качественным услугам, на социальную защиту определенных категорий населения, на борьбу с бедностью. Государственная поддержка может проявляться через такие меры, как социальные пособия,

пенсии, медицинская помощь, образование, жилищные программы, помощь малоимущим семьям и другие социальные программы. Она также может включать в себя регулирование рынка труда, защиту прав работников, контроль за условиями труда и обеспечение социального диалога между работодателями и работниками.

Однако роль правительства в содействии социальному благополучию часто является предметом споров среди политиков, экономистов и граждан. В то время как некоторые считают, что государство должно взять на себя ответственность за обеспечение услугами всех граждан, вне зависимости от уровня их состоятельности или социального статуса, другие утверждают, что правительство должно ограничить свое участие в программах социальной поддержки, оставляя большую часть обязанностей по обеспечению социальных стандартов на индивидуумах и на частном секторе.

В последнее время в литературе увеличивается интерес к изучению отношения населения к роли правительства (государства) в обеспечении социального благополучия. Было проведено множество исследований для проверки различных гипотез о том, почему определенные сообщества или социальные группы с большей или меньшей вероятностью поддерживают ту или иную государственную социальную политику (например: [5; 9; 17; 19; 23; 25]). Эти работы в основном направлены на изучение статистических материалов и данных различных обследований, проводившихся в экономически развитых странах Запада, где помимо различий в общественных взглядах на социальную политику внутри конкретных стран, изучались различия общественных предпочтений между этими странами.

Результаты исследований свидетельствуют о том, что отношение населения к функции государства, осуществляющего социальную политику, отличается в разных странах. Это объясняется в том числе влиянием специфических для каждой страны экономических интересов и опыта социализации [4]. В России отношение общества к роли государства в сфере социальной политики недостаточно изучено (среди немногих исследований можно выделить, например: [3; 29]).

На индивидуальном уровне различия в отношении людей к социальной политике государства объясняют две основные теории – личный интерес и идеология [5; 7; 8].

Согласно теории личного интереса, люди, принимая решение о том, какую политику поддерживать, в первую очередь исходят из того, получат ли они личную пользу от этой политики или нет [21]. Эта выгода может выражаться в форме социальной помощи или уплаты более низких налогов [4]. Люди с меньшей вероятностью поддержат политику, причиняющую им финансовый ущерб или влекущую ситуацию, при которой экономические потери перевешивают социальные выгоды [6].

Теория личного интереса предполагает наличие прямой связи между положением людей в структуре общества и их отношением к политике, которое определяется различной степенью риска. Как правило, люди с более высоким положением (высокие социальный, профессиональный статус, доход, образование) меньше заинтересованы в щедром государстве всеобщего благосостояния, чем люди с более слабой позицией, подвергающиеся более высокому риску стать зависимыми от государственного социального обеспечения [26]. Некоторые исследователи подвергают критике теорию личного интереса, как слишком упрощенную [16]. В качестве альтернативы предлагается теория политической идеологии, согласно которой люди поддерживают политику государства не только из собственных интересов, но и потому, что они придерживаются определенных политических принципов и ценностей, включая, например, эгалитаризм [7], гуманизм [12] и т. д. Хотя в нескольких работах обе теории проверялись одновременно, дебаты о том, какая теория наиболее важна, продолжаются.

Большинство существующих исследований общественных взглядов на роль правительства сосредоточено на программах социального обеспечения в целом, в которых сфера здравоохранения обычно отдельно не выделяется [31]. Остается не совсем понятным, насколько применимы результаты этих исследований по отношению к роли государства в сфере оказания медицинской помощи. Поэтому представляется интересным выяснить оценку населением роли правительства в сфере здравоохранения, тем более что здравоохранение остается краеугольным камнем социальной политики. Опросы общественного мнения во многих странах, в том числе и в России, показывают, что здоровье является одним из главных приоритетов и самой важной характеристикой качества жизни (например: [1; 13]).

Важный вопрос касается того, как меняется со временем отношение россиян к роли государства в обеспечении социального благополучия в целом, и в сфере здравоохранения в частности. По этому вопросу, на основании существующей литературы [29], можно выдвинуть две противоположные гипотезы. С одной стороны, можно ожидать, что россияне будут относиться более скептически, поскольку теперь они получают услуги и поддержку более низкого качества, чем раньше. С другой стороны, в качестве ответа на сокращение государственных расходов на социальное обеспечение россияне могут активнее поддерживать роль государства в обеспечении социального благополучия, потому что они считают это необходимым для улучшения его будущих показателей. Одни европейские исследования демонстрируют, что общественная поддержка роли государства в обеспечении социального благополучия остается стабильной на протяжении долгого времени, другие, напротив, свидетельствуют о том, что она склонна

меняться – становиться более позитивной (или более негативной) [29]. Например, в Латвии наблюдается снижение общественной поддержки политики социального обеспечения за последние 20 лет [22]. В Китае, напротив, расширение системы социального обеспечения привело к росту поддержки роли государства в этой сфере [8].

Цель данного исследования заключается в том, чтобы восполнить существующие на сегодняшний день пробелы в научных работах по вопросам отношения населения к роли государства в социальной политике, в том числе: 1) рассмотреть взгляды россиян на роль государства в обеспечении и финансировании услуг здравоохранения, успешность правительства в этой сфере; 2) выявить изменение этих взглядов с течением времени; 3) исследовать взаимосвязь между убеждениями россиян и их индивидуальными характеристиками.

Данные и методы

Информационная база исследования – Международная программа социальных исследований (International Social Survey Programme (ISSP)) [28]. ISSP является непрерывной ежегодной программой международного сотрудничества, охватывающей темы, важные для исследовательских работ в области социальных наук с 1984 г. ISSP рассматривается как надежный источник информации и широко используется экономистами, социологами и политологами. Данные опросов, проанализированных в этой статье, были собраны в 2006 и 2016 г. (крайние доступные для оценки роли правительства) и охватили в России в общей сложности 2334 и 1576 респондентов в возрасте от 18 лет (соответственно годам проведенных опросов).

В качестве зависимых переменных использовались ответы на три вопроса, касающиеся отношения россиян к роли правительства в здравоохранении.

Первый вопрос касался обязанностей правительства. Респондентам предложили высказать свое мнение: «Должно или не должно быть обязанностью правительства оказывать медицинскую помощь больным?». Ответы включали: «Определенно не должно» (перекодирован как 1), «Наверное, не должно» (2), «Наверное, должно» (3) и «Определенно должно» (4).

Второй вопрос касался государственных расходов на здравоохранение. Респондентов спросили: «Хотите ли вы, чтобы государственные расходы были больше или меньше?». Ответы включали пять категорий: «Намного меньше» (перекодирован как 1), «Меньше» (2), «Так же, как и раньше» (3), «Больше» (4) и «Намного больше» (5).

Третий вопрос имел отношение к эффективности правительства. Участников обследования спросили: «Насколько успешно, по вашему

мнению, правительство в вашей стране в настоящее время занимается оказанием медицинской помощи больным?». Возможные варианты ответов включали: «Очень неуспешно» (перекодирован как 1), «Не вполне успешно» (2), «Ни успешно, ни неуспешно» (3), «Вполне успешно» (4) и «Очень успешно» (5).

Зависимые переменные являются порядковыми: более высокие баллы указывают на большую ответственность правительства в оказании медицинской помощи больным, большую поддержку государственного вмешательства в финансирование здравоохранения и большую эффективность правительства в оказании медицинской помощи.

Независимые переменные были выбраны на основе теоретического анализа ранее опубликованной научной литературы. Демографические переменные включали: пол (мужской/женский); возраст (18–29, 30–39, 40–49, 50–59, 60 и старше); семейное положение (состоящие в браке (зарегистрированном и незарегистрированном)/(одинокие (никогда не состоявшие в браке, вдовы, разведенные)); тип поселения (большой город и его пригороды/небольшой город и поселки городского типа/село, деревня, хутор).

В соответствии с уровнем образования респонденты были распределены по трем группам: те, кто имеет среднее общее образование или ниже, вошли в первую группу; имеющие начальное или среднее профессиональное образование или неполное высшее были отнесены ко второй группе; а имеющие высшее профессиональное образование или выше составили третью группу. Информация о социально-экономическом статусе респондентов была получена из ответа на вопрос о том, какое, по их мнению, они занимают положение в обществе, измеряемое по десятибалльной шкале, где 1 означает низкое, а 10 – высокое социальное положение. Тип занятости включал следующие категории: занятые в государственном секторе; занятые в частном секторе; неработающие пенсионеры; незанятые.

Уровень религиозности респондентов, как характеристика ценностных убеждений, измерялся с помощью вопроса о частоте посещения религиозных служб и сгруппирован в три категории: регулярно посещающие – посещающие службы один раз в месяц или чаще; редко посещающие – посещающие церковь менее одного раза в год; никогда не посещающие. Необходимо отметить, что представители некоторых редких для нашей страны религиозных конфессий (буддисты, индуисты и т. п.) могут попасть в группу никогда не посещающих религиозные службы, несмотря на их религиозность. Но число таких респондентов крайне мало (менее 1%), поэтому они не могут оказать заметного влияния на результат.

Идеология участников обследования была определена с помощью двух аспектов. Первый касался политических предпочтений и был осно-

ван на ответе на вопрос о том, за какую партию респонденты голосовали на последних выборах. В 2006 г. голосовавшие за «КПРФ» и «Аграрную партию России» представляли имеющих левые взгляды; выбравшие «Партию пенсионеров/Российскую партию пенсионеров за социальную справедливость», «Яблоко», «Российскую экологическую партию «Зеленые»», «Народную партию РФ», «Российскую партию жизни», «Родину» относились к левоцентристам; отдавшие свой голос за «Союз правых сил», «Единую Россию» – к правоцентристам; «ЛДПР» – к правым. В 2016 г. те, кто голосовал за «КПРФ» или за «Патриотов России», были отнесены к левым; отдавшие свое предпочтение «Справедливой России» или «Яблоку» – к левоцентристам; голосовавшие за «Единую Россию» или за «Демократический выбор» были рассмотрены как имеющие правоцентристские взгляды; и, наконец, к правым были отнесены голосовавшие за «ЛДПР». Были созданы две фиктивные переменные: «Левая политическая принадлежность» кодируется как 1, если респонденты голосовали за «левых» или за «левоцентристов»; и «правая политическая принадлежность» кодируется как 1, если респонденты голосовали за «правых» или за «правоцентристов». Второй аспект касался выбора респондентами политики эгалитаризма как основы организации социальной жизни. Они, в свою очередь, считают, что государство должно быть («вероятно» или «точно») ответственным за снижение различий в доходах между бедными и богатыми.

В связи с тем, что зависимые переменные являются порядковыми, т. е. ранжируются в определенном диапазоне (например, от 1 до 5), статистический анализ проведен с помощью порядковых моделей логистической регрессии.

Результаты

В табл. 1 представлено мнение респондентов, участвующих в опросах по части обязанности правительства оказывать медицинскую помощь больным. Подавляющее большинство россиян (95,1%) в 2016 г. считало, что правительство должно нести ответственность за оказание медицинской помощи («наверное» (31,0%) и «определенно» (64,1%)). При этом за десять лет доля респондентов, признающих обязанность правительства, немного уменьшилась (на 3,3%), а доля тех, кто отрицает участие правительства в обеспечении медицинской помощи, напротив, выросла на такую же величину (с 1,6% в 2006 г. до 4,9% в 2016 г.).

В табл. 2 показано распределение опрошенных респондентов по их отношению к расходам правительства на здравоохранение. В 2016 г. почти три четверти россиян (75,3%) считали, что правительство должно тратить «больше» (46,9%) и «намного больше» (28,4%) на здравоохранение. Пятая часть респондентов (21,8%) хотела сохранить тот же объем

Таблица 1

В целом, как вы думаете, должно или не должно быть обязанностью правительства оказывать медицинскую помощь больным? (%)

Ответы	2006 г.	2016 г.
Определенно не должно	0,1	1,7
Наверное, не должно	1,5	3,2
Наверное, должно	22,0	31,0
Определенно должно	76,4	64,1
Итого	100,0	100,0

Источник: расчеты автора.

Таблица 2

Хотите ли вы, чтобы государственные расходы на здравоохранение были больше или меньше? (%)

Ответы	2006 г.	2016 г.
Намного меньше	0,3	0,5
Меньше	0,9	2,5
Столько же	9,3	21,8
Больше	41,5	46,9
Намного больше	48,0	28,4
Итого	100,0	100,0

Источник: расчеты автора.

государственных расходов. Это может свидетельствовать о том, что они более удовлетворены текущим состоянием здравоохранения или имеют другие проблемы, которые, по их мнению, вызывают большую общественную озабоченность. Произошедшие за десять лет изменения во взглядах россиян очевидны. Доля респондентов, полагающих, что государство должно тратить на здравоохранение «намного больше», существенно снизилась (с 48% в 2006 г. до 28,4% в 2016 г.), увеличилась доля тех, кто хочет сохранить такой же уровень финансирования (с 9,3 до 21,8%).

Табл. 3 представляет распределение общественного мнения относительно успешной работы правительства по оказанию медицинской помощи больным. Отношение респондентов скорее негативное, чем позитивное. В 2016 г. почти половина (48,9%) участников опроса считали, что правительство действовало «очень неуспешно» (12,2%) или «не вполне успешно» (36,6%), а чуть меньше пятой части (17,8%) оценивали действия правительства как успешные («очень» (2,1%) или «вполне» (15,7%)). При этом в 2016 г. по сравнению с 2006 г. мнение

россиян в отношении действий правительства по оказанию медицинской помощи больным немного улучшилось: доля положительных оценок увеличилась с 13,4 до 17,8%.

Таблица 3

Насколько успешно, по вашему мнению, правительство в настоящее время занимается оказанием медицинской помощи больным? (%)

Ответы	2006 г.	2016 г.
Очень неуспешно	21,0	12,2
Не вполне успешно	37,0	36,6
Ни успешно, ни неуспешно	28,6	33,4
Вполне успешно	10,1	15,7
Очень успешно	3,3	2,1
Итого	100,0	100,0

Источник: расчеты автора.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что большинство россиян выступает за государственное участие в сфере здравоохранения. Если обратиться к литературе, то можно сделать вывод о том, что в постсоциалистических странах люди склонны в большей степени поддерживать государственную политику социального обеспечения по сравнению с респондентами из западных стран (например: [19]), что, возможно, объясняется неадекватностью государственных услуг и неблагоприятным материальным положением, которые по-прежнему остаются проблемами, часто встречающимися во многих постсоциалистических странах [22].

Однако за период 2006–2016 гг. поддержка государственного вмешательства в политику здравоохранения несколько снизилась. Подобные результаты получены в исследованиях общественного отношения к социальной политике правительства в целом, например, в Латвии [22]. Эти изменения, возможно, связаны с трансформацией социальных норм: люди подстраиваются под изменения, становятся более приверженными принципам свободного рынка и индивидуальной ответственности за свое здоровье. Сокращение поддержки государственного вмешательства в политику здравоохранения также может быть обусловлено снижением доверия к государству и его способности эффективно регулировать эту отрасль.

Россия относится к числу стран с низким доверием населения к системе здравоохранения [2; 32]. Экономические факторы могут играть свою роль: увеличение расходов на здравоохранение может вызвать опасения по поводу финансовой устойчивости государства, возможного повышения налогов и сборов для финансирования государственных программ. В качестве еще одной причины можно назвать

вероятные улучшения, произошедшие в системе здравоохранения. Прогресс в медицинских технологиях (например, появление новых и более эффективных методов лечения и лекарств) способен изменить восприятие людей о необходимости государственного регулирования здравоохранения, т. к. можно будет больше полагаться на инновации, чем на государственные программы. В пользу последней причины снижения поддержки государственного вмешательства в политику здравоохранения говорит небольшое увеличение за рассматриваемый период доли тех россиян, которые полагают, что правительство успешно занимается оказанием медицинской помощи больным. Хотя в целом оценка населением успехов правительства в сфере здравоохранения остается негативной. Исследования показывают, что страны Восточной Европы демонстрируют не только требования более сильного государственного вмешательства, но и более низкий уровень удовлетворенности деятельностью правительства по сравнению с Западной Европой [18; 23].

В табл. 4 и 5 представлены результаты многомерной порядковой логистической регрессии отношения населения к политике правительства в сфере здравоохранения в 2006 и в 2016 г. соответственно.

Обязанность правительства обеспечивать медицинскую помощь больным

В 2006 г. (см. табл. 4) мнение россиян об обязанности правительства обеспечивать медицинскую помощь больным связано с такими факторами, как тип поселения, религиозность и предпочтение, отдаваемое эгалитарной политике. Жители сельской местности ($OR=1,63$ $CI:1,21-2,21$), выбирающие эгалитарную политику ($OR=3,11$ $CI:2,39-4,04$), чаще высказывались в пользу ответственности правительства за предоставление медицинской помощи больным. Религиозность, напротив, связана с вероятностью того, что человек не поддерживает обязанность правительства в сфере здравоохранения ($OR=0,64$ $CI:0,44-0,93$ для регулярно посещающих и $OR=0,76$ $CI:0,60-0,97$ для редко посещающих службы).

Через десять лет, в 2016 г. (см. табл. 5), религиозность утратила статистически значимую связь с отношением к обязанностям правительства в обеспечении медицинской помощи больным. По-прежнему важными остаются тип поселения и предпочтение, отдаваемое эгалитарной политике. Новые факторы, которые в 2016 г. предполагают активную роль правительства в здравоохранении, включали возраст, семейное положение, социально-экономический статус. Состоящие в браке ($OR=1,60$ $CI:1,25-2,04$), проживающие в маленьком городе ($OR=1,33$ $CI:1,00-1,77$) или в сельской местности ($OR=1,68$ $CI:1,23-2,28$), предпочитающие эгалитарную политику ($OR=4,09$ $CI:2,97-5,63$) с большей вероятностью были сторонниками ответственности правительства в сфере здравоохранения. Респонденты среднего возраста (40–49 лет) ($OR=0,67$ $CI:0,46-0,99$) с высоким социальным статусом ($OR=0,91$ $CI:0,84-0,98$) реже поддерживали обязанность правительства обеспечивать медицинскую помощь больным.

**Порядковая логистическая регрессия отношения населения
к политике правительства в сфере здравоохранения в 2006 г.:
коэффициенты шансов (OR)
с 95%-ми доверительными интервалами (CI)**

	%	Обязанность правительства		Расходы правительства		Успешность правительства	
		OR	CI	OR	CI	OR	CI
Пол							
женщины	61,4	1,03	(0,82–1,30)	1,05	(0,87–1,26)	1,13	(0,94–1,35)
мужчины	38,6	1		1		1	
Возраст							
18–29	24,7	1		1		1	
30–39	17,1	1,03	(0,74–1,43)	1,01	(0,76–1,33)	0,78	(0,60–1,01)
40–49	17,9	1,21	(0,86–1,71)	1,01	(0,76–1,34)	0,57***	(0,43–0,74)
50–59	18,0	1,41	(0,98–2,02)	1,20	(0,90–1,61)	0,63***	(0,48–0,83)
60 и старше	22,3	1,30	(0,78–1,18)	1,54*	(1,03–2,31)	0,66*	(0,45–0,97)
Уровень образования:							
низкий	38,2	0,95	(0,70–1,29)	0,92	(0,72–1,18)	1,24	(0,98–1,58)
средний	40,1	1,09	(0,82–1,43)	1,01	(0,80–1,27)	1,11	(0,90–1,38)
высокий	21,7	1		1		1	
Семейное положение							
в браке	47,2	1,07	(0,86–1,34)	1,14	(0,95–1,36)	0,95	(0,80–1,12)
одинокие	52,8	1		1		1	
Занятость							
занятые в государственном секторе	23,0	0,72	(0,52–1,02)	1,21	(0,92–1,60)	0,85	(0,66–1,11)
занятые в частном секторе	34,1	0,87	(0,63–1,18)	1,20	(0,93–1,54)	0,87	(0,68–1,10)

	%	Обязанность правительства		Расходы правительства		Успешность правительства	
		OR	CI	OR	CI	OR	CI
пенсионеры	23,7	1,17	(0,71–1,95)	1,11	(0,75–1,63)	0,70	(0,49–1,01)
незанятые	19,2	1		1		1	
Тип поселения							
большой город	56,6	1		1		1	
маленький город	22,7	1,15	(0,88–1,50)	1,18	(0,95–1,47)	1,10	(0,90–1,34)
село	20,7	1,63***	(1,21–2,21)	0,91	(0,73–1,13)	0,84	(0,68–1,04)
Социально-экономический статус	Mean 4,760	0,96	(0,90–1,02)	0,99	(0,94–1,04)	1,12**	(1,06–1,17)
Религиозность							
регулярно посещающие службы	10,1	0,64*	(0,44–0,93)	1,15	(0,83–1,60)	1,59***	(1,18–2,14)
редко посещающие	53,9	0,76*	(0,60–0,97)	1,06	(0,88–1,28)	1,15	(0,96–1,37)
никогда не посещающие	36,0	1		1		1	
Политические взгляды							
левые	12,9	0,92	(0,65–1,32)	1,12	(0,84–1,49)	1,10	(0,84–1,43)
правые	30,7	0,94	(0,74–1,21)	0,76**	(0,63–0,93)	1,15	(0,96–1,39)
Предпочтение концепции эгалитаризма							
да	85,9	3,11***	(2,39–4,04)	1,47***	(1,16–1,87)	0,63***	(0,50–0,79)
нет	14,1	1		1		1	

Значимость *** $P < 0,001$; ** $P < 0,01$; * $P < 0,05$.

Источник: расчеты автора.

**Порядковая логистическая регрессия отношения населения
к политике правительства в сфере здравоохранения в 2016 г.:
коэффициенты шансов (OR)
с 95%-ми доверительными интервалами (CI)**

	%	Обязанность правительства		Расходы правительства		Успешность правительства	
		OR	CI	OR	CI	OR	CI
Пол							
женщины	54,9	1,22	(0,95–1,56)	1,22	(0,99–1,52)	0,99	(0,80–1,22)
мужчины	45,1	1		1		1	
Возраст							
18–29	23,8	1		1		1	
30–39	35,5	0,76	(0,55–1,06)	0,97	(0,73–1,30)	0,78	(0,59–1,04)
40–49	20,2	0,67*	(0,46–0,99)	1,01	(0,72–1,42)	0,69*	(0,50–0,97)
50–59	12,7	1,43	(0,81–2,51)	1,56	(0,96–2,53)	0,33***	(0,21–0,52)
60 и старше	7,9	1,98	(0,98–4,02)	1,79*	(1,00–3,19)	0,30***	(0,17–0,53)
Уровень образования							
низкий	31,6	0,82	(0,59–1,13)	0,78	(0,59–1,04)	1,37*	(1,02–1,76)
средний	42,3	0,81	(0,61–1,08)	0,82	(0,64–1,06)	1,10	(0,87–1,41)
высокий	26,1	1		1		1	
Семейное положение							
в браке	51,6	1,60***	(1,25–2,04)	1,30**	(1,05–1,60)	0,94	(0,77–1,16)
одинокие	48,4	1		1		1	
Занятость							
занятые в государственном секторе	38,5	1,23	(0,88–1,70)	1,15	(0,86–1,55)	0,73*	(0,55–0,97)
занятые в частном секторе	18,6	1,43	(0,97–2,12)	1,53**	(1,09–2,15)	0,72*	(0,51–1,00)

	%	Обязанность правительства		Расходы правительства		Успешность правительства	
		OR	CI	OR	CI	OR	CI
пенсионеры	22,8	0,93	(0,56–1,56)	1,10	(0,70–1,73)	1,50	(0,98–2,32)
незанятые	20,1	1		1		1	
Тип поселения							
большой город	54,4	1		1		1	
маленький город	22,8	1,33*	(1,00–1,77)	1,11	(0,87–1,42)	0,89	(0,70–1,13)
село	22,7	1,68***	(1,23–2,28)	1,54*	(1,05–1,76)	0,77*	(0,60–0,98)
Социально-экономический статус	Mean 4,184	0,91**	(0,84–0,98)	0,93*	(0,87–0,99)	1,11***	(1,05–1,19)
Религиозность							
регулярно посещающие службы	12,2	0,70	(0,48–1,03)	0,95	(0,67–1,34)	1,10	(0,78–1,54)
редко посещающие	55,0	0,96	(0,74–1,25)	1,14	(0,91–1,44)	1,16	(0,93–1,44)
никогда не посещающие	32,8	1		1		1	
Политические взгляды							
левые	11,2	0,71	(0,48–1,04)	0,69	(0,49–1,00)	1,18	(0,84–1,65)
правые	45,6	0,99	(0,76–1,28)	0,71**	(0,57–0,89)	1,50***	(1,20–1,87)
Предпочтение концепции эгалитаризма							
да	86,3	4,09***	(2,97–5,63)	1,37*	(1,03–1,84)	0,71**	(0,53–0,94)
нет	13,7	1		1		1	

Значимость *** $P < 0,001$; ** $P < 0,01$; * $P < 0,05$.

Источник: расчеты автора.

Расходы правительства на здравоохранение

В 2006 г. (см. табл. 4) только три фактора – возраст, политические взгляды и предпочтение, отдаваемое эгалитарной политике, – связаны с вероятностью того, что респонденты поддерживают увеличение расходов правительства на здравоохранение. Участники опроса более старшего возраста ($OR=1,54$ $CI:1,03-2,31$), придерживающиеся эгалитарных взглядов ($OR=1,47$ $CI:1,16-1,87$), предпочитали увеличение государственного финансирования, а имеющие правые политические взгляды, напротив, с меньшей вероятностью выступали за такую политику ($OR=0,76$ $CI:0,63-0,93$).

В 2016 г. (см. табл. 5) число факторов поддержки государственного увеличения финансирования здравоохранения выросло до 7. Возраст, политические взгляды и предпочтение концепции эгалитаризма как основы организации социальной жизни по-прежнему оставались значимыми показателями отношения населения к роли правительства в финансировании здравоохранения. К ним добавились семейное положение, тип поселения, тип занятости, социально-экономический статус. Таким образом, пожилые в возрасте старше 60 лет ($OR=1,79$ $CI:1,00-3,19$), состоящие в браке ($OR=1,30$ $CI:1,05-1,60$), проживающие в сельской местности ($OR=1,54$ $CI:1,05-1,76$), занятые в частном секторе экономики ($OR=1,53$ $CI:1,09-2,15$), предпочитающие эгалитарную политику ($OR=1,37$ $CI:1,03-1,84$), с большей вероятностью поддерживали увеличение расходов правительства на здравоохранение. Имеющие высокий социально-экономический статус ($OR=0,93$ $CI:0,87-0,99$), придерживающиеся правых политических убеждений ($OR=0,71$ $CI:0,57-0,89$), напротив, с меньшей вероятностью высказывались за увеличение государственного финансирования оказания медицинской помощи.

Полученные результаты во многом соответствуют выводам других исследователей, изучавших отношение населения к социальной политике в целом или к политике в сфере здравоохранения. С большей вероятностью поддерживают вмешательство государства в социальную политику наиболее уязвимые группы населения. Это группы, получающие выгоду от такой политики, поэтому они лично заинтересованы в ее существовании. Пожилые люди, как правило, с большей вероятностью выступают за государственное финансирование и предоставление услуг по сравнению с молодежью [26; 27], что, возможно, связано с несхожим отношением у разных поколений к роли государства в сфере здравоохранения, более частым использованием услуг (в том числе и по причине ухудшения здоровья с возрастом). Респонденты, проживающие в сельской местности, с большей вероятностью высказываются за большую ответственность правительства в социальной политике [27; 31], что, возможно, объясняется финансовыми трудностями и низкой доступностью медицинской помощи

в сельской местности. Респонденты с более высоким доходом или более высокого социального статуса, как правило, меньше поддерживают вмешательство правительства [14; 15; 24; 26; 27], так как могут себе позволить оплачивать медицинские услуги без помощи правительства и часто предпочитают иметь больше свободы в их выборе и в контроле за своим здоровьем, а не полагаться на государственные программы. В пользу важности теории личных интересов при объяснении отношения населения к роли государства в обеспечении медицинских услуг свидетельствует и то, что среди состоящих в браке респондентов поддержка выше. Вполне возможно, что это родители с детьми или люди, чьи родственники нуждаются в медицинской помощи.

На основе анализа предыдущих исследований предполагалось, что статус занятости оказывает влияние на мнение респондентов относительно роли государства в здравоохранении: работники, занятые в государственном секторе, с большей вероятностью поддерживают государственные программы социального обеспечения, чем те, кто работает в частном секторе [11; 27]. Полученные результаты свидетельствуют о том, что россияне, занятые в государственном и частном секторах экономики, чаще одобряют идею о том, что государство обязано заботиться о своих гражданах и обеспечивать им необходимое медицинское обслуживание. Для государственного сектора связь была статистически незначима. Возможно, занятые в частном секторе люди имеют более широкие знания о сложностях и опасностях повседневной работы в мире бизнеса. Они могут осознавать, что ни один человек не застрахован от возможных заболеваний и травм. Таким образом, они могут придерживаться мнения, что медицинская помощь должна быть доступна каждому. Возможно, занятые в частном секторе индивиды могут видеть в государственном обеспечении здравоохранения потенциальные выгоды для себя в качестве работодателей: если государство предоставляет более доступное и качественное медицинское обслуживание, то работники будут более здоровыми и производительными, что, безусловно, выгодно для бизнеса.

Приверженность религии сравнительно редко изучается по отношению к поддержке социальной политики в целом и здравоохранения в частности. Установлено, что религиозность, измеряемая частотой посещения церковных служб, статистически значимо связана (по данным 2006 г.) с мнением людей относительно роли правительства в сфере здравоохранения: по сравнению с никогда не посещающими церковь те люди, которые делают это регулярно или редко, не считают правительство ответственным за оказание медицинской помощи больным. Аналогично, например, в США было установлено, что регулярно посещающие церковь, не хотят увеличения государственных расходов на здравоохранение [27]. Полученный результат, возможно, свя-

зан с религиозными убеждениями людей: верующие могут полагать, что забота о больных и нуждающихся является в первую очередь обязанностью общины и религиозных организаций, а не правительства. Они могут верить, что сообщество должно заботиться о своих членах, предлагая помощь, поддержку и медицинское обслуживание через религиозные организации и благотворительные учреждения. Некоторые религиозные группы могут предпочитать альтернативные методы лечения членов своей общины или полагаться на молитву и веру для их выздоровления.

Полученные результаты показывают, что респонденты, симпатизирующие политическим партиям правого толка, с большей вероятностью не поддерживают политику увеличения финансирования здравоохранения. Это соответствует результатам других исследований не только по отношению к здравоохранению, но и социальной политике в целом (например: [18; 19; 27]).

Предпочтение, отдаваемое эгалитарной политике, – единственная переменная, оказывающая последовательное влияние на предпочтения людей в области политики здравоохранения, что подтверждает выводы многих исследований (например: [5; 10; 20]).

Некоторые факторы, обладающие объяснительной силой в других исследованиях отношения населения к социальной политике, такие как пол (например: [15; 26; 31]) и уровень образования [26; 27; 31], оказались незначимыми в нашем исследовании.

Успех правительства в обеспечении медицинской помощи больным

В 2006 г. мнение опрошенных респондентов об успешности правительства в оказании медицинской помощи больным было связано с возрастом, религиозностью, социально-экономическим статусом и предпочтением, отдаваемым эгалитарной политике. Чем старше респонденты (например, для тех, кто старше 60 лет, $OR=0,66$ $CI:0,45-0,97$), тем с меньшей вероятностью они положительно оценивают действия правительства. Предпочитающие эгалитарную политику ($OR=0,63$ $CI:0,50-0,79$) реже выражают уверенность в том, что правительство смогло обеспечить качественную медицинскую помощь. Регулярное посещение церковных служб ($OR=1,59$ $CI:1,18-2,14$) и высокий социально-экономический статус ($OR=1,12$ $CI:1,06-1,17$) увеличивают уверенность в успешности правительства в сфере здравоохранения.

В 2016 г., спустя 10 лет, список факторов отношения к успешности правительства в здравоохранении существенно расширился. По мере увеличения возраста снижается вероятность уверенности в том, что правительство смогло обеспечить медицинскую помощь (например, для тех, кто старше 60 лет, $OR=0,30$ $CI:0,17-0,53$). Аналогичный эффект имели тип поселения, тип занятости, предпочтение, отдаваемое эгалитарной политике: проживающие в сельской местности ($OR=0,77$

CI:0,60-0,98), занятые в государственном ($OR=0,73$ CI:0,55-0,97) или частном секторах ($OR=0,72$ CI:0,51-1,00), выбирающие эгалитарную политику ($OR=0,71$ CI:0,53-0,94) с меньшей вероятностью оценивают программы общественного здравоохранения как успешные. Респонденты с низким уровнем образования ($OR=1,37$ CI:1,02-1,76), имеющие высокий социально-экономический статус ($OR=1,11$ CI:1,05-1,19), придерживающиеся правых политических взглядов ($OR=1,50$ CI:1,20-1,87), более склонны положительно относиться к успехам правительства в обеспечении лечения больных.

Таким образом, наиболее уязвимые группы населения (пожилые, проживающие в сельской местности и имеющие низкий социальный статус), не только с большей вероятностью поддерживают вовлеченность государства в сферу здравоохранения, но и негативно оценивают действия правительства в оказании медицинской помощи, что соответствует результатам, полученным ранее другими авторами [27]. Для пожилых, как правило, чаще посещающих медицинские учреждения по сравнению с другими возрастными группами, отношение к деятельности правительства в здравоохранении может быть обусловлено их негативным опытом использования медицинских услуг. Как предполагают исследователи, возрастной эффект может быть более выражен в России по сравнению с другими европейскими странами, поскольку старшее поколение формировалось в условиях более щедрой системы социального обеспечения, и его сокращение может привести к меньшей удовлетворенности среди пожилых людей [29]. Для жителей сельской местности и имеющих низкий социальный статус такая связь, вероятно, объясняется меньшей доступностью к качественному медицинскому обслуживанию. Уровень образования может влиять на опыт и способность респондентов оценивать качество и доступность медицинских услуг. Высокообразованные респонденты могут быть более критичными и более осведомленными об актуальных проблемах и недостатках системы здравоохранения. То, что работники, независимо от сектора занятости, реже считали правительство успешным в обеспечении медицинской помощи больным по сравнению с неработающими, вероятно, обусловлено тем, что работники могут столкнуться с проблемой ограниченной доступности медицинских услуг, например, из-за долгих очередей. Те, кто регулярно посещает церковь, в 2006 г. имели более низкую вероятность поддержки вмешательства государства в сферу здравоохранения и в то же время более высокую вероятность позитивной оценки успешности правительства в обеспечении медицинской помощи больным по сравнению с нерелигиозными респондентами. Схожий результат получен в США [27], где установлено, что нерелигиозные люди реже положительно оценивают успехи правительства по сравнению с религиозными. Природу такой связи требуется прояснить.

Идеологические убеждения, как было установлено в других исследованиях [27], являются параметрами успешности деятельности правительства: имеющие правые политические взгляды с большей вероятностью, а высказывающие эгалитарные предпочтения, напротив, с меньшей вероятностью положительно оценивают деятельность правительства в здравоохранении.

Заключение

Полученные результаты позволили сделать следующие выводы.

1. Подавляющее большинство россиян поддерживают роль правительства в финансировании и предоставлении медицинских услуг. Однако в последние десятилетия происходит сокращение объема государственного финансирования сферы здравоохранения, что приводит к увеличению оплаты медицинского обслуживания «из кармана» пациентов. Существует также тенденция к увеличению частного оказания медицинской помощи. В результате возникает *несоответствие* между общественным запросом на участие государства в сфере здравоохранения и проводимой государственной политикой в данной сфере. При этом многие россияне не считают правительство успешным в предоставлении медицинских услуг.

2. За период 2006–2016 гг. поддержка государственного вмешательства в систему здравоохранения несколько снизилась, изменились мотивы отношения к роли правительства в этой сфере. Поддержка обязанности правительства в обеспечении медицинской помощи и повышения финансирования здравоохранения в 2006 г. были мотивированы в большей степени ценностными и идеологическими факторами. Однако либерализация здравоохранения привела к тому, что в 2016 г. важную роль стали играть и факторы личного интереса.

3. Результаты исследования подтверждают, что отношение к политике правительства в области здравоохранения тесно связано не только с личным интересом, но и с идеологией. При этом влияние последней представляется более последовательным. Приверженность идеологии перераспределения обеспечивает прочную мотивационную основу для поддержания системы здравоохранения, но также повышает ожидания людей в отношении предоставления большего количества и более качественных услуг.

Исследование, безусловно, не лишено ограничений. Во-первых, оно основано на перекрестных данных, что не позволяет выявить причинно-следственные связи. Во-вторых, мы недостаточно знаем об ожиданиях россиян, чтобы точно понять, что они подразумевают, когда указывают, что правительство обязано обеспечивать медицинскую помощь больным. Например, ничего не упоминается о том, как пра-

вительство должно это делать. Кроме того, не говорится, как правительство должно за это платить. В-третьих, факторы, связанные с отношением населения к роли правительства в здравоохранении, рассмотренные в исследовании, ограничены теми факторами, которые были доступны при анализе, но они не могут полностью охватить сложный процесс формирования общественного мнения.

Несмотря на эти ограничения, результаты исследования представляют не только научный, но и практический интерес, поскольку могут помочь органам, ответственным за принятие решений, лучше понимать ожидания и потребности населения и, как результат, разрабатывать программы и политики, отражающие реальные потребности людей и способствующие эффективному использованию ресурсов, а также повышению уровня удовлетворенности населения действиями правительства.

ЛИТЕРАТУРА

1. ВЦИОМ. Качество жизни россиян: ключевые факторы. 3 декабря 2018. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kachestvo-zhizni-rossiyan-kljuchevye-factory> (дата обращения: 03.02.2024 г.).
2. Кислицына О.А. Факторы, оказывающие влияние на удовлетворенность россиян системой здравоохранения // Социальные аспекты здоровья населения. 2020. № 2. С. 2–8. DOI: 10.21045/2071-5021-2020-66-2-8.
3. Салмина А.А. Поменялись ли взгляды россиян на социальную политику? Анализ динамики и сравнение с другими странами // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 91–103. DOI: 10.31857/SO13216250007748-5.
4. Andreß H.J., Heien T. Four worlds of welfare state attitudes? A comparison of Germany, Norway, and the United States // European Sociological Review. 2001. Vol. 17. No. 4. Pp. 337–356. DOI: 10.1093/esr/17.4.337.
5. Blekesaune M., Quadagno J. Public Attitudes toward Welfare State Policies: A Comparative Analysis of 24 Nations // European Sociological Review. 2003. Vol. 19. No. 5. Pp. 415–427. DOI: 10.1093/esr/19.5.415.
6. Brooks C., Manza J. Why Welfare States Persist: The importance of Public Opinion in Democracies. Chicago: University of Chicago Press. 2007.
7. Calzada I., Gómez-Garrido M., Moreno L., Moreno-Fuentes F.J. It Is Not Only About Equality: A Study on the (Other) Values That Ground Attitudes to the Welfare State // International Journal of Public Opinion Research. 2014. Vol. 26. No. 2. Pp. 178–201. DOI: 10.1093/ijpor/edt044.
8. Dalen K. Changing attitudes towards government responsibility for social welfare in China between 2004 and 2014: Evidence from three national surveys // International Journal of Social Welfare. 2002. Vol. 31. No. 2. Pp. 248–262. DOI: 10.1111/ijsw.12511.
9. Deeming C. Classed Attitudes and Social Reform in Cross-National Perspective: a Quantitative Analysis Using Four Waves from the International Social Survey Programme (ISSP) // Journal of Sociology. 2016. Vol. 53. No. 1. Pp. 162–181. DOI: 10.1177/1440783316632605.

10. *Edlund J.* Trust in Government and Welfare Regimes: Attitudes to Redistribution and Financial Cheating in the USA and Norway // *European Journal of Political Research*. 1999. Vol. 35. No. 3. Pp. 341–370. DOI: 10.1111/1475-6765.00452.
11. *Edlund J.* Trust in the capability of the welfare state and general welfare state support: Sweden 1997–2002 // *Acta Sociol.* 2006. Vol. 49. No. 4. Pp. 395–417. DOI: 10.1177/0001699306071681.
12. *Feldman S., Steenberger M.R.* The Humanitarian Foundation of Public Support for Social Welfare // *American Journal of Political Science*. 2001. Vol. 45. No. 3. Pp. 658–677. DOI: 10.2307/2669244.
13. GALLUP. Top Issues for Voters: Healthcare, Economy, Immigration. November 2, 2018. <https://news.gallup.com/poll/244367/top-issues-voters-healthcare-economy-immigration.aspx> (дата обращения: 03.02.2024 г.).
14. *Hayes B.C., VandenHeuvel A.* Government spending on health care: A cross-national study of public attitudes // *J Health Soc Policy*. 1996. Vol. 7. No. 4. Pp. 61–79. DOI: 10.1300/J045v07n04_05.
15. *Kikuzawa S., Olafsdottir S., Pescosolido B.A.* Similar Pressures, Different Contexts: Public Attitudes toward Government Intervention for Health Care in 21 Nations // *Journal of Health and Social Behavior*. 2008. Vol. 49. No. 4. Pp. 385–399. DOI: 10.1177/00221465080490040.
16. *Kulin J., Svallfors S.* Class, Values, and Attitudes Towards Redistribution: A European Comparison // *European Sociological Review*. 2013. Vol. 29. No. 2. Pp. 155–167. DOI: 10.1093/esr/jcr046.
17. *Lipsmeyer C.S.* Welfare and the Discriminating Public: Evaluating Entitlement Attitudes in Post-Communist Europe // *Policy Studies Journal*. 2003. Vol. 31. No. 4. Pp. 545–564. DOI: 10.1111/1541-0072.00042.
18. *Lipsmeyer C., Nordstrom T.* East versus West: Comparing Political Attitudes and Welfare Preferences across European Societies // *Journal of European Public Policy*. 2003. Vol. 10. No. 3. Pp. 339–364. DOI: 10.1080/1350176032000085342.
19. *Morelock A.* Public Support for Social Welfare Policies: A Cross-National Examination. PhD diss. University of Tennessee. 2016. http://trace.tennessee.edu/utk_graddiss/3951 (дата обращения: 03.02.2024 г.).
20. *Munro N.* Predictors of support for state social welfare provision in Russia and China // *Europe-Asia Studies*. 2017. Vol. 69. No. 1. Pp. 53–75. DOI: 10.1080/09668136.2016.1265643.
21. *Navarro V.* Why some countries have national health insurance, others have national health services, and the US has neither // *Social Science & Medicine*. 1989. Vol. 28. No. 9. Pp. 887–898. DOI: 10.1016/0277-9536(89)90313-4.
22. *Niklass M.* Social Welfare Policy Preferences in Latvia: Evidence from ISSP Surveys // *CBU International Conference Proceedings*. 2018. Vol. 6. Pp. 678–684. DOI: 10.12955/cbup.v6.1232.
23. *Roosma F., van Oorschot W., Gelissen J.* The preferred role and perceived performance of the welfare state: European welfare attitudes from a multidimensional perspective // *Soc Sci Res*. 2014. Vol. 44. Pp. 200–210. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2013.12.005.
24. *Schlesinger M., Lee T.-k.* Is Health Care Different? Popular Support of Federal Health and Social Policies // *Journal of Health Politics Policy and Law*. 1993. Vol. 18. No. 3. Pp. 551–628. DOI: 10.1215/03616878-18-3-551.

25. *Svallfors S.* Welfare regimes and welfare opinions: A comparison of eight Western countries // *Social Indicators Research*. 2003. Vol. 64. Pp. 495–520. DOI: 10.1023/A:1025931414917.
26. *Svallfors S.* Class, attitudes and the welfare state: Sweden in comparative perspective // *Soc Policy Admin*. 2004. Vol. 38. No. 2. Pp. 119–138. DOI: 10.1111/j.1467-9515.2004.00381.x.
27. *Tang J.* Who Cares About Health Care? Sociodemographics and Attitudes Toward Government's Role in Health Care Across Germany, Great Britain, and the United States. Honors thesis, Duke University. 2010. <https://dukespace.lib.duke.edu/server/api/core/bitstreams/d242a7df-a88e-4556-b046-87c5affde8ba/content> (дата обращения: 03.02.2024).
28. The International Social Survey Programme. <http://www.issp.org/> (дата обращения: 03.02.2024 г.).
29. *van Oorschot W., Gugushvili D.* Retrenched, but Still Desired? Perceptions Regarding the Social Legitimacy of the Welfare State in Russia Compared with EU Countries // *Europe-Asia Studies*. 2019. Vol. 71. No. 3. Pp. 345–364. DOI: 10.1080/09668136.2019.1583316.
30. *van Oorschot W.J.H., Laenen T., Roosma F., Meuleman B.* Recent advances in understanding welfare attitudes in Europe. In: Nelson K., Nieuwenhuis R., Yerkes M.A. (Eds.). *Social policy in changing European societies: Research agendas for the 21st century*. Edward Elgar Publishing, 2022. [https://www.elgaronline.com/configurable/content/book\\$002f9781802201710\\$002fbook-part-9781802201710-21.xml?t:ac=book%24002f9781802201710%24002fbook-part-9781802201710-21.xml](https://www.elgaronline.com/configurable/content/book$002f9781802201710$002fbook-part-9781802201710-21.xml?t:ac=book%24002f9781802201710%24002fbook-part-9781802201710-21.xml) (дата обращения: 03.02.2024 г.).
31. *Vilhjalmsson R.* Public views on the role of government in funding and delivering health services // *Scandinavian Journal of Public Health*. 2016. Vol. 44. No. 5. Pp. 446–454. DOI: 10.1177/1403494816631872.
32. *Zhao D., Zhao H., Cleary P.D.* International variations in trust in health care systems // *Int J Health Plann Manage*. 2019. Vol. 34. No. 1. Pp. 130–139. DOI: 10.1002/hpm.2597.

REFERENCES

1. VCIOM. Quality of life of Russians: key factors. 03 December 2018. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kachestvo-zhizni-rossiyan-klyuchevye-factory> (accessed: 03.02.2024 г.). (In Russ.).
2. *Kislitsyna O.A.* Factors influencing Russians' satisfaction with the healthcare system // *Social aspects of population health*. 2020. No. 2. Pp. 2–8. (In Russ.). DOI: 10.21045/2071-5021-2020-66-2-8.
3. *Salmina A.A.* Have Russians' views on social policy changed? Analysis of dynamics and comparison with other countries // *Sociological Research*. 2019. No. 12. Pp. 91–103. (In Russ.). DOI: 10.31857/SO13216250007748-5.
4. *Andrefß H.J., Heien T.* Four worlds of welfare state attitudes? A comparison of Germany, Norway, and the United States // *European Sociological Review*. 2001. Vol. 17. No. 4. Pp. 337–356. DOI: 10.1093/esr/17.4.337.
5. *Blekesaune M., Quadagno J.* Public Attitudes toward Welfare State Policies: A Comparative Analysis of 24 Nations // *European Sociological Review*. 2003. Vol. 19. No. 5. Pp. 415–427. DOI: 10.1093/esr/19.5.415.
6. *Brooks C., Manza J.* *Why Welfare States Persist: The importance of Public Opinion in Democracies*. Chicago: University of Chicago Press. 2007.

7. Calzada I., Gómez-Garrido M., Moreno L., Moreno-Fuentes F.J. It Is Not Only About Equality: A Study on the (Other) Values That Ground Attitudes to the Welfare State // *International Journal of Public Opinion Research*. 2014. Vol. 26. No. 2. Pp. 178–201. DOI: 10.1093/ijpor/edt044.
8. Dalen K. Changing attitudes towards government responsibility for social welfare in China between 2004 and 2014: Evidence from three national surveys // *International Journal of Social Welfare*. 2002. Vol. 31. No. 2. Pp. 248–262. DOI: 10.1111/ijsw.12511.
9. Deeming C. Classed Attitudes and Social Reform in Cross-National Perspective: a Quantitative Analysis Using Four Waves from the International Social Survey Programme (ISSP) // *Journal of Sociology*. 2016. Vol. 53. No. 1. Pp. 162–181. DOI: 10.1177/14407833166632605.
10. Edlund J. Trust in Government and Welfare Regimes: Attitudes to Redistribution and Financial Cheating in the USA and Norway // *European Journal of Political Research*. 1999. Vol. 35. No. 3. Pp. 341–370. DOI: 10.1111/1475-6765.00452.
11. Edlund J. Trust in the capability of the welfare state and general welfare state support: Sweden 1997–2002 // *Acta Sociol.* 2006. Vol. 49. No. 4. Pp. 395–417. DOI: 10.1177/0001699306071681.
12. Feldman S., Steenberger M.R. The Humanitarian Foundation of Public Support for Social Welfare // *American Journal of Political Science*. 2001. Vol. 45. No. 3. Pp. 658–677. DOI: 10.2307/2669244.
13. GALLUP. Top Issues for Voters: Healthcare, Economy, Immigration. November 2, 2018. <https://news.gallup.com/poll/244367/top-issues-voters-healthcare-economy-immigration.aspx> (accessed: 03.02.2024 г.).
14. Hayes B.C., VandenHeuvel A. Government spending on health care: A cross-national study of public attitudes // *J Health Soc Policy*. 1996. Vol. 7. No. 4. Pp. 61–79. DOI: 10.1300/J045v07n04_05.
15. Kikuzawa S., Olafsdottir S., Pescosolido B.A. Similar Pressures, Different Contexts: Public Attitudes toward Government Intervention for Health Care in 21 Nations // *Journal of Health and Social Behavior*. 2008. Vol. 49. No. 4. Pp. 385–399. DOI: 10.1177/00221465080490040.
16. Kulin J., Svallfors S. Class, Values, and Attitudes Towards Redistribution: A European Comparison // *European Sociological Review*. 2013. Vol. 29. No. 2. Pp. 155–167. DOI: 10.1093/esr/jcr046.
17. Lipsmeyer C.S. Welfare and the Discriminating Public: Evaluating Entitlement Attitudes in Post-Communist Europe // *Policy Studies Journal*. 2003. Vol. 31. No. 4. Pp. 545–564. DOI: 10.1111/1541-0072.00042.
18. Lipsmeyer C., Nordstrom T. East versus West: Comparing Political Attitudes and Welfare Preferences across European Societies // *Journal of European Public Policy*. 2003. Vol. 10. No. 3. Pp. 339–364. DOI: 10.1080/1350176032000085342.
19. Morelock A. Public Support for Social Welfare Policies: A Cross-National Examination. PhD diss. University of Tennessee. 2016. http://trace.tennessee.edu/utk_graddiss/3951 (accessed: 03.02.2024).
20. Munro N. Predictors of support for state social welfare provision in Russia and China // *Europe-Asia Studies*. 2017. Vol. 69. No. 1. Pp. 53–75. DOI: 10.1080/09668136.2016.1265643.
21. Navarro V. Why some countries have national health insurance, others have national health services, and the US has neither // *Social Science & Medicine*. 1989. Vol. 28. No. 9. Pp. 887–898. DOI: 10.1016/0277-9536(89)90313-4.
22. Niklass M. Social Welfare Policy Preferences in Latvia: Evidence from ISSP Surveys // *CBU International Conference Proceedings*. 2018. Vol. 6. Pp. 678–684. DOI: 10.12955/cbup.v6.1232.

23. *Roosma F., van Oorschot W., Gelissen J.* The preferred role and perceived performance of the welfare state: European welfare attitudes from a multidimensional perspective // *Soc Sci Res.* 2014. Vol. 44. Pp. 200–210. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2013.12.005.
24. *Schlesinger M., Lee T.-k.* Is Health Care Different? Popular Support of Federal Health and Social Policies // *Journal of Health Politics Policy and Law.* 1993. Vol. 18. No. 3. Pp. 551–628. DOI: 10.1215/03616878-18-3-551.
25. *Svallfors S.* Welfare regimes and welfare opinions: A comparison of eight Western countries // *Social Indicators Research.* 2003. Vol. 64. Pp. 495–520. DOI: 10.1023/A:1025931414917.
26. *Svallfors S.* Class, attitudes and the welfare state: Sweden in comparative perspective // *Soc Policy Admin.* 2004. Vol. 38. No. 2. Pp. 119–138. DOI: 10.1111/j.1467-9515.2004.00381.x.
27. *Tang J.* Who Cares About Health Care? Sociodemographics and Attitudes Toward Government's Role in Health Care Across Germany, Great Britain, and the United States. Honors thesis, Duke University. 2010. <https://dukespace.lib.duke.edu/server/api/core/bitstreams/d242a7df-a88e-4556-b046-87c5affde8ba/content> (accessed: 03.02.2024).
28. The International Social Survey Programme. <http://www.issp.org/> (accessed: 03.02.2024).
29. *van Oorschot W., Gugushvili D.* Retrenched, but Still Desired? Perceptions Regarding the Social Legitimacy of the Welfare State in Russia Compared with EU Countries // *Europe-Asia Studies.* 2019. Vol. 71. No. 3. Pp. 345–364. DOI: 10.1080/09668136.2019.1583316.
30. *van Oorschot W.J.H., Laenen T., Roosma F., Meuleman B.* Recent advances in understanding welfare attitudes in Europe. In Nelson K., Nieuwenhuis R., Yerkes M.A. (Eds.). *Social policy in changing European societies: Research agendas for the 21st century.* Edward Elgar Publishing. 2022. [https://www.elgaronline.com/configurable/content/book\\$002f9781802201710\\$002fbook-part-9781802201710-21.xml?t:ac=book%24002f9781802201710%24002fbook-part-9781802201710-21.xml](https://www.elgaronline.com/configurable/content/book$002f9781802201710$002fbook-part-9781802201710-21.xml?t:ac=book%24002f9781802201710%24002fbook-part-9781802201710-21.xml) (accessed: 03.02.2024).
31. *Vilhjalmsson R.* Public views on the role of government in funding and delivering health services // *Scandinavian Journal of Public Health.* 2016. Vol. 44. No. 5. Pp. 446–454. DOI: 10.1177/1403494816631872.
32. *Zhao D., Zhao H., Cleary P.D.* International variations in trust in health care systems // *Int J Health Plann Manage.* 2019. Vol. 34. No. 1. Pp. 130–139. DOI: 10.1002/hpm.2597.

Дата поступления рукописи: 05.03.2024 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кислицына Ольга Анатольевна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-4144-237X
olga.kislitsyna@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Olga A. Kislitsyna – Dr. Sci. (Econ.), Chief Researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-4144-237X
olga.kislitsyna@gmail.com

RUSSIANS' ATTITUDES TOWARD THE ROLE OF THE STATE IN HEALTHCARE

The aim of the study was: 1) to consider the views of Russians on the state's role in providing and financing health care services and the success of the government in this area; 2) to identify changes in these views over time; 3) to explore the relationship between the Russians' opinions and their individual characteristics. The analysis of International Social Survey Programme (ISSP) data collected in 2006 and in 2016 shows that support for the government's role in providing and financing health care has slightly declined over a ten-year period and a significant part of the respondents are dissatisfied with the government's success in ensuring treatment to those in need of medical attention. However, despite this, most Russians still support government involvement in health care. Individual characteristics associated with the attitude to the role of the state in healthcare have also been identified.

Keywords: *healthcare, public opinion, government funding, public services, government responsibility, International Social Survey Programme (ISSP), Russia.*

JEL: E62, H11, H51.

Ю.А. КРУПНОВ

доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Института экономической политики и проблем экономической
безопасности Факультета экономики и бизнеса Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации

С.Н. СИЛЬВЕСТРОВ

доктор экономических наук, профессор, директор Института
экономической политики и проблем экономической безопасности
Факультета экономики и бизнеса Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации

**ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ
И ДИФфуЗИЯ ТЕХНОЛОГИЙ¹**

Рассматривается проблема снижения технологической зависимости России за счет использования диффузии технологий. В условиях санкционного давления такая диффузия является одним из важных направлений формирования технологического суверенитета российской экономики. Проведен анализ способов заимствования технологий и показана роль прямых инвестиций в сочетании с локализацией иностранного производства. Обоснованы направления наиболее полного использования эффекта диффузии технологий. Сделан вывод о том, что дальнейшая динамика технологического развития и возможность достижения более высокого уровня суверенитета зависят от способности органов государственного и корпоративного управления адаптироваться к быстроменяющимся условиям мирового хозяйствования.

Ключевые слова: *экономическое развитие, технологический суверенитет, диффузия технологий, локализация иностранного производства.*

УДК: 339.94

EDN: СВНКJQ

DOI: 10.52180/2073-6487_2024_2_31_48

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Отечественный технологический феномен состоит в том, что наряду с выдающимися достижениями в сфере высоких технологий сохраняется существенное общее технологическое отставание. Между тем прорывные достижения в области высоких технологий не могут заменить способность разрабатывать и производить средства производства, прежде всего машины и оборудование, необходимые для выпуска конкурентной продукции широкого потребления в массовых объемах. Наиболее отчетливо отмеченный феномен проявился в середине прошлого века, когда Советский Союз добился выдающихся результатов в самых передовых и высокотехнологичных сферах. При этом проблема общего технологического отставания так никогда и не была преодолена и имеет исторически устойчивый характер [1, с. 18].

В постсоветский период Россия в значительной мере полагалась на заимствования, то есть диффузию иностранных технологий, под которой понимается процесс передачи технологий зарубежными компаниями – инноваторами отечественным компаниям – имитаторам. В первую очередь такой процесс был характерен для машиностроения и особенно – автомобилестроения. Рабочая гипотеза исследования состоит в том, что среди многих факторов, обуславливающих технологическое отставание и делающих его устойчивым, важное место занимает низкая результативность диффузии технологий, которая особенно заметно снижается в периоды экономических кризисов, а также в условиях, когда отношения между Россией и странами – источниками технологий утрачивают доверительный партнерский характер.

Развитие отраслей российской экономики разного технологического уровня и процессы импортозамещения

Анализ развития отраслей российской экономики показывает, что максимальный рост отмечается в тех из них, которые, согласно классификации Росстата, относятся к высокому технологическому уровню². В период 2020–2023 гг. индекс производства здесь рос заметно быстрее, чем в обрабатывающих отраслях (см. табл. 1). При этом доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП составила в 2023 г. 23,5% (см. табл. 1), а доля производства субъектов экономической деятельности, относящихся к средневысокому технологическому уровню, составляет более 50%, что и обуславливает их определяющее влияние на общий уровень экономического развития и благосостояния населения. Именно

² Официальный сайт Росстата. Технологическое развитие отраслей экономики. Система показателей Росстата для статистической оценки уровня технологического развития отраслей экономики. <https://rosstat.gov.ru/folder/11189> (дата обращения: 28.02.2024 г.).

низкие темпы роста средневысоких по технологическому уровню отраслей сдерживают спрос на высокотехнологичные продукты, ограничивая возвратность средств, направляемых на исследования и разработки [2, с. 472].

Таблица 1

Динамика развития видов экономической деятельности высокого технологического уровня и обрабатывающего производства в 2020–2023 гг.

Показатели	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Индекс производства по видам экономической деятельности высокого технологического уровня (в % к предыдущему году)	110,7	115,2	106,8	121,8
Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП (%)	25,0	23,4	22,2	23,5
Индекс производства по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» (в % к предыдущему году)	101,3	107,4	100,3	107,5

Источники: составлено авторами по: данные Росстата: Индексы производства по видам деятельности высокого технологического уровня. <https://rosstat.gov.ru/folder/11189>; Промышленное производство. https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial (дата обращения: 28.02.2024 г.).

Ввиду недостаточной конкурентоспособности отдельных отечественных производств и их продукции, а также невозможности заимствования передовых иностранных технологий существенная часть потребительского спроса удовлетворяется за счет импорта товаров и услуг [3, с. 33–36]. Это подтверждается статистическими данными об их доле в системе отечественной розничной торговли (см. табл. 2).

Таблица 2

Доля импорта в товарных ресурсах розничной торговли в 2021 г. (%)

Категория товара	Доля импортных товаров
Автозапчасти	95
Игры и игрушки	92
Обувь	87
Телекоммуникационное оборудование	86
Одежда	82
Текстиль и галантерея	73
Парфюмерия, косметика, моющие средства	57
Спорттовары	48
Товары повседневного спроса	75

Источник: Салихов М.Р., Кондратьев С.В. Импортная продукция: доля в розничных продажах. Анализ НИУ ВШЭ. <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/530397994.pdf> (дата обращения: 28.02.2024 г.).

С началом специальной военной операции экспорт в Россию наиболее крупных стран-партнеров сократился на 20 и более процентов, а поставки товаров, например, из Германии по итогам 2022 г. снизились на 65% [4, с. 291]. Это, однако, компенсируется за счет поступления товарной продукции из Китая и других стран. Что касается доли импортной промежуточной продукции в отечественных товарах, то в целом она относительно невысока. Тем не менее по отдельным товарным группам (прежде всего это автомобили, резины и пластмассы, электроника) зависимость России от импорта сохраняется на критически высоком уровне³.

Импортозамещение, которое на большинстве предприятий является сложной многоплановой задачей, не сводится только к замещению импортируемой продукции и сырья отечественными аналогами. В широком смысле импортозамещение предполагает как реструктуризацию торгово-экономических связей, так и прямую кооперацию в форме контрактного производства [5, с. 24]. Импортозамещение невозможно также без активных инноваций и освоения новых технологий. Большинство среднетехнологичных производств в России и в мире представлено зрелыми компаниями с ограниченной склонностью к инновациям, и это существенно затрудняет заимствование технологий. Среднестатистическая организация уже встроилась в рынок, и контролируют его определенную часть. Переход на инновационную продукцию несет неопределенности и риски и с высокой степенью вероятности может снизить спрос на традиционные товары. Кроме того, даже незначительные инновации предполагают существенную перестройку технологических процессов, которая невозможна без обновления средств производства не только производителя, но и поставщиков материалов и комплектующих. Совокупность связанных с этим организационных, технических и финансовых проблем на зрелых предприятиях бывает весьма существенна. Таким образом, заимствование и внедрение новых знаний и технологий в хозяйствующих субъектах с точки зрения их мотивации «не являются беспрепятственными, бесплатными или мгновенными» [6, с. 93].

Несовершенство стратегического планирования и недостаточное развитие современной российской инновационной системы не позволяют в полной мере использовать объективные ресурсные возможности макроуровня для решения актуальных задач технологической модернизации экономики и повышения народного благосостояния [7, с. 3–5]. Все же, «принятие программ поддержки инвестиционных проектов

³ Карпов Д. Зависимость России от импорта промежуточной продукции и внешнеторговые шоки. Центральный банк Российской Федерации, 2023.: https://cbr.ru/Content/Document/File/149496/analytic_note_20230628_dip.pdf (дата обращения: 28.02.2024 г.).

в ключевых отраслях промышленности, а также мер государственной промышленной политики, ориентированных на беспрепятственное поступление в производственный сектор новых знаний и компетенций» [8, с. 111], стимулирует приток молодых и инновационных компаний. Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в период 2017–2022 гг. увеличился с 20,8 до 22,8% (см. табл. 3).

Таблица 3

Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, по видам экономической деятельности в 2017–2022 гг. (%)

Виды экономической деятельности	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Сельское хозяйство	н/д	16,3	8,9	5,2	12,6	15,6
Промышленное производство	19,6	18,5	20,0	21,5	20,9	20,9
Из них:						
добыча полезных ископаемых	9,5	9,0	9,7	9,5	10,3	10,0
обрабатывающие производства	28,8	27,9	28,0	29,2	28,5	27,7
Из них:						
производство химических веществ и химических продуктов	39,8	38,6	36,9	35,8	32,5	32,7
производство электрического оборудования	53,2	51,8	51,8	52,3	49,1	50,4
производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	55,0	53,1	51,4	54,4	53,5	50,7
производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	40,1	45,1	43,7	45,9	47,7	46,0
производство прочих транспортных средств и оборудования	31,7	29,5	30,0	38,5	36,6	38,2
По всем видам экономической деятельности	20,8	19,8	21,6	23,0	23,0	22,8

Источник: составлено авторами по: данные Росстата: Наука, инновации и технологии. Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации. <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 28.02.2024 г.).

Максимальная инновационная активность отмечается в машиностроении, где инновационная деятельность осуществляется примерно в половине хозяйствующих субъектов. Это позволяет ежегодно наращивать совокупность используемых передовых технологий, особенно технологий производства, обработки, транспортировки и сборки (табл. 4). Однако активность инновационной деятельности не всегда гарантирует достижение желаемого уровня конкурентоспособности

продукции, что подтверждается статистическими данными о структуре импорта и экспорта РФ по перечню групп товаров. Наименее конкурентоспособная отечественная продукция относится именно к группе «машины, оборудование и транспортные средства», где торговый баланс в период с 2000 по 2021 г., по данным Росстата, изменился с 1,6 до 111,8 млрд долл. США в пользу импорта⁴.

Таблица 4

**Используемые передовые производственные технологии
Российской Федерации по основным группам технологий (ед.)**

Используемые передовые производственные технологии	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Всего	242931	256582	269541
Проектирование и инжиниринг	37556	36773	39953
Производство, обработка, транспортировка и сборка	79691	86612	89732
Технологии автоматизированной идентификации, наблюдения и/или контроля	20857	21605	22350
Связь, управление и геоматика	61364	54695	56072
Производственная информационная система и автоматизация управления производством	20625	29529	29721
Технологии промышленных вычислений и больших данных	7269	9037	10364
Передовые методы организации и управления производством	12148	14508	16993

Источник: составлено авторами по: данные Росстата: Наука, инновации и технологии. Используемые передовые производственные технологии в целом по Российской Федерации по группам передовых производственных технологий. <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 28.02.2024 г.).

Нужно отметить, что отечественная экономика располагает достаточными мощностями, которые часто остаются незагруженными в связи с отсутствием современных технологий и недостаточной конкурентоспособностью выпускаемой продукции (см. табл. 5). Но все же по отдельным группам продукции (тракторы, станки металлорежущие, машины кузнечнопрессовые, средства автотранспортные грузовые, автобусы) в период 2017–2022 гг. загрузка мощностей увеличи-

⁴ Официальный сайт Росстата. Товарная структура экспорта и импорта Российской Федерации. Россия в цифрах (2021 г.). <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12993>; Экспорт и импорт Российской Федерации. https://rosstat.gov.ru/statistics/vneshnyaya_torgovlya (дата обращения: 28.02.2024 г.). Данные за 2022–2023 гг. Росстатом не публикуются.

валась. До 2021 г. отмечался также динамичный рост использования мощностей по производству холодильников и легковых автомобилей. Это произошло в значительной мере благодаря трансграничному заимствованию передовых иностранных технологий и знаний, которое, как известно из истории экономического и технологического развития отдельных динамично развивающихся стран и регионов, является наилучшим способом преодоления технологического отставания [9, с. 34–35]. Причем среди инструментов такого заимствования важное место занимают привлечение прямых зарубежных инвестиций и локализация производства.

Таблица 5

Использование среднегодовой производственной мощности организаций по выпуску продукции производства машин и оборудования, электрооборудования, электронного и оптического оборудования, транспортных средств и оборудования (%)

Производство машин и оборудования, электрооборудования, электронного и оптического оборудования, транспортных средств и оборудования	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2020 г./2017 г.
Турбины на водяном паре и прочие паровые турбины	22	18	5,8	23	17	9,8	0,45
Подшипники шариковые или роликовые	27	24	22	18	22	25	0,93
Краны мостовые электрические	25	29	22	20	22	17	0,68
Тракторы для сельского хозяйства	16	15	19	32	27	37	2,31
Станки металлорежущие	20	27	23	27	26	25	1,25
Машины кузнечнопрессовые	14	13	16	7	12	16	1,14
Экскаваторы	19	22	34	27	38	18	0,95
Холодильники и морозильники бытовые	47	51	54	56	62	40	0,85
Автомобили легковые	47	55	56	51	60	22	0,47
Средства автотранспортные грузовые	41	44	48	45	35	45	1,09
Автобусы	20	28	22	20	29	23	1,15

Источник: составлено авторами по: данные Росстата: Промышленное производство. Среднегодовой уровень использования производственной мощности. https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial (дата обращения: 28.02.2024 г.).

Привлечение иностранных инвестиций и локализация производства как инструменты диффузии технологий

Мировой опыт показывает, что наилучшие возможности для ускорения диффузионных процессов открываются при совмещении прямых зарубежных инвестиций и локализации производства. Рассмотрим пример такого совмещения в сфере производства легковых автомобилей.

Период активной диффузии технологий в сфере автомобилестроения в постсоветской России начался с 2005 г. Российские власти весь этот период осуществляли активное регулирование в рассматриваемой сфере, стремясь придать процессу диффузии технологий динамичный характер. С этой целью были привлечены лучшие мировые производители автомобилей и в ряде регионов страны созданы кластеры и промышленные агломерации, где отечественные работники трудились бок о бок с иностранными специалистами. Так, по данным автомобильного Интернет-портала Дром, в 2019 г. автомобильное производство функционировало в рамках 15 промышленных технопарков, число которых к 2023 г. должно было увеличиться вдвое⁵. Наряду с зарубежными комплектующими использовались детали, производимые на смешанных предприятиях, успешно локализованных в Российской Федерации. Эффект от локализации становился все более заметным, так как «открывался доступ к получению новых знаний, а также копированию продуктов, улучшений в оборудовании, процессах и общей организации бизнеса» [10, с. 172].

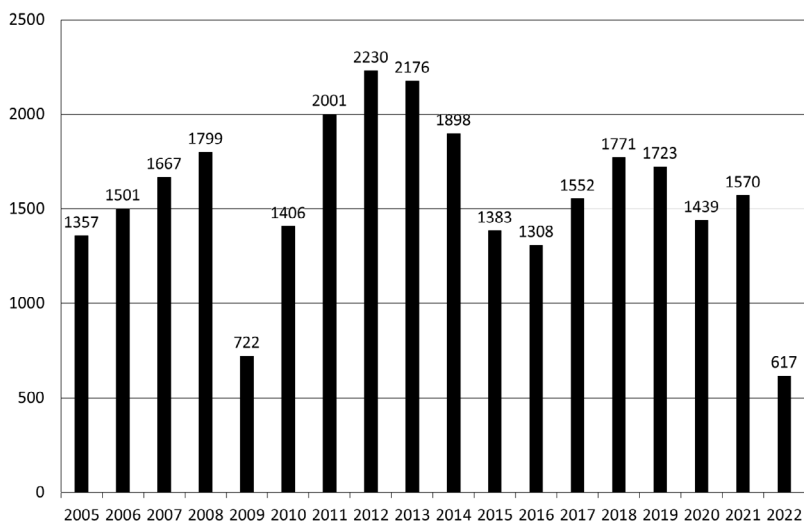
Благодаря привлечению передовых знаний и технологий в период 2005–2012 г. удалось обеспечить существенный рост производства автомобилей: с 1357 тыс. до 2230 тыс. (см. рис.). В дальнейшем выпуск стабилизировался ввиду насыщения спроса, а усилия властей были направлены преимущественно на повышение уровня локализации производства комплектующих.

Резкие спады производства наблюдались в 2009 г., 2016 г. и 2022 г., что соответствует периодам экономических кризисов и началу специальной военной операции (2022 г.), которая сопровождалась эскалацией санкционных ограничений, уходом некоторых иностранных компаний из России и сокращением выпуска легковых автомобилей на 67% (до 450 тыс.) по сравнению с уровнем 2021 г.⁶ Это не позволило обеспе-

⁵ Интернет-портал Дром. Made in Russia, или Локализация автокомпонентов для иностранных автопроизводителей. География производства. 20.12.2019. <https://www.drom.ru/info/misc/made-in-russia-73122.html?ysclid=ljrjh7bes1t807955769> (дата обращения: 28.02.2024 г.).

⁶ Официальный сайт Росстата. Динамика промышленного производства в 2022 году. <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/196621> (дата обращения: 28.02.2024 г.).

читать достижение поставленных целей по освоению и внедрению иностранных технологий в отрасли. Уровень локализации по большинству образцов автомобильной техники составил менее 50% (см. табл. 6).

Источник: составлено авторами по: данные Росстата: Промышленное производство за 2010–2022 гг. http://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial (дата обращения: 28.02.2024 г.).

Рис. Производство автомобилей в России в 2005–2022 гг. (тыс.)

Таблица 6

Уровень локализации производства наиболее массовых моделей автомобилей в России в 2019 г.

Марка	Модели	Регион	Показатель локализации (%)
BMW	Седаны 3, 5, и 7 серий, X1, X3, X4, X5, X6, X7	Калининград	18–25
Citroen	C4 седан	Калуга	35
	Citroen Jumpy, Citroen SpaceTourer		40
Haval	F7, F7x, H9	Тульская обл.	30
Hyundai	Solaris, Creta	Санкт-Петербург	48
Kia	Rio	Санкт-Петербург	48
Mitsubishi	Outlander, Pajero Sport	Калуга	29
Nissan	Qashqai, X-Trail, Murano	Ленинградская обл.	68
	Terrano	Москва	68

Марка	Модели	Регион	Показатель локализации (%)
Peugeot	408	Калуга	35
	Peugeot Expert, Peugeot Traveller		40
Renault	Duster, Captur, Arkana	Москва	66
	Logan, Sandero	Тольятти	68
VW-Group	VW Polo, VW Tiguan, Skoda Rapid	Калуга	45
Toyota	Camry, RAV-4	Ленинградская обл.	30

Источник: составлено авторами по: данные Интернет-портала Дром. Made in Russia, или Локализация автокомпонентов для иностранных автопроизводителей. География производства. 20.12.2019. <https://www.drom.ru/info/misc/made-in-russia-73122.html?ysclid=ljrh7bes1t807955769> (дата обращения: 28.02.2024 г.).

Как видно из табл. 6, инноваторы были представлены преимущественно компаниями стран Запада. Производство китайских автомобилей и заимствование технологий китайских компаний практически не осуществлялось. Только в 2017 г. была предпринята оказавшаяся неудачной попытка открыть производство Chery, Lifan, Brilliance и НТМ на черкесском заводе Derways, а позже приступил к работе бизнес Naval под Тулой, объем выпуска которого оценивается как незначительный. Следовательно, расчет на технологии стран, отношения с которыми характеризуются в настоящее время как конфронтационные и санкционные, оказался ошибочным, а потенциал Китая – недооцененным.

Дифференцированный подход к формированию технологического суверенитета и диффузия технологий

В условиях снижения доступности передовых технологий, ставшего следствием санкционного давления на Россию, возникает необходимость в разработке нового, являющегося дифференцированным, подхода к решению проблемы снижения технологической зависимости. Его реализация предполагает использование следующих механизмов: разработка отечественных технологий и защита прав на них; совместная (с союзниками и нейтральными странами) разработка технологий и систем управления хозяйственными процессами; организация параллельного технологического импорта [11, с. 229]; обеспечение непрерывности производственной деятельности при отказе иностранных учредителей и акционеров продолжать производственную деятельность в России; принудительное лицензирование и воз-

мездное безлицензионное использование объектов патентной охраны без согласия правообладателей [12, с. 56]. Такой подход предполагает также наличие высокого уровня согласованности действий органов управления на направлениях внутренней и внешней политики, международных отношений, экономики, науки и образования, национальной безопасности [13, с. 121].

Сталкиваясь с санкционными запретами, современная Россия энергично устраняет торговые барьеры с союзными и нейтральными странами. Максимально используются возможности заимствования знаний, которые предоставляют бурно развивающиеся информационно-коммуникационные технологии. Преодоление и минимизация последствий санкционных ограничений требует использования как апробированных, так и новых инструментов стимулирования технологической диффузии.

Реализуя дифференцированный подход к формированию технологического суверенитета важно учитывать, что производство во всем мире становится все более технологичным, а технологии — все более сложными, многочисленными и дорогостоящими. Любая национальная экономика лишь отчасти функционирует на основе национальных знаний и технологий. Все остальное подлежит заимствованию, которое происходит тем успешнее, чем более открыта экономика для технологической диффузии. Быстрое распространение материализованной технологии, получившей высокий коммерческий эффект в странах – инноваторах, служит мощным источником экономического развития экономики в других странах. Технология, имеющая высокий коммерческий результат на рынке в виде нового продукта или процесса, становится доступной для компании – имитатора, обретающей возможность выпуска конкурентоспособной продукции.

Заимствование открывает широкие возможности для развивающихся стран, так как позволяет добиваться существенной экономии времени и ресурсов на проведение исследований, опытно-конструкторских разработок и реализацию венчурных проектов. Среднетехнологические бизнесы с иностранным участием обычно развиваются более динамично, так как опираются на привнесенные инновации и комплектующие. Следовательно, максимальный эффект от трансграничной диффузии технологий наступает в случае, когда передача знаний сопровождается совместным и максимально локализованным производством. Процесс локализации не может быть скоротечным, так как затрагивает большую группу предприятий – поставщиков и кооперации, а также предполагает развитие большого числа смежных технологий и производств. Без выполнения вышеуказанных условий невозможно обеспечить реальный технологический суверенитет.

Выделим следующие важнейшие условия формирования технологического суверенитета России на основе наращивания диффузии технологий, особенно в форме локализации передовых иностранных производств.

Во-первых, это преодоление эффекта инновационной и модернизационной инертности компаний со средним уровнем технологичности. В отличие от высокотехнологичных новых предприятий, которым обычно нечего терять, и они во многих случаях только приступают к формированию рынка, среднетехнологичные производства чаще демонстрируют консервативность и инновационную инертность, обусловленную рисками потерь на уже сформировавшихся рынках. Вынужденная фокусировка на внутренних ресурсах, рост концентрации на внутреннем рынке и ограниченный санкциями доступ к лучшим источникам знаний способны сильно осложнить прогресс технологического развития.

Во-вторых, обеспечение устойчивого поступательного экономического развития, смягчение негативных эффектов экономических кризисов, сопровождающихся дефицитом бюджета, обесцениванием национальной валюты и снижением уровня инвестиционной активности. В условиях нестабильной экономической конъюнктуры хозяйствующие субъекты обычно воздерживаются от инноваций и становятся менее восприимчивыми к диффузии знаний. Состояние перманентной конфликтности отношений Советского Союза, а затем и России со странами – обладателями современных технологий сильно ограничивает интенсивность диффузии.

В-третьих, диверсификация источников новых знаний, технологий и товаров, а также выбор партнеров – инноваторов на основе анализа и прогнозирования характера долгосрочных международных отношений на предмет наличия конфликта интересов. Бизнес из стран коллективного Запада заинтересован в локализации собственных производств в странах по всему миру. Другой интерес предпринимателей состоит в предотвращении ущерба от сотрудничества с подсанкционными компаниями. В отдельные исторические периоды России удавалось установить доверительные отношения с некоторыми странами Запада и это способствовало активизации процессов диффузии технологий, например, в области транспортировки нефти и природного газа, автомобилестроения и машиностроения в целом. Однако каждый раз, когда международные отношения обретали конфронтационный характер, диффузия становилась менее интенсивной. Подтверждением этого стал резкий спад производства автомобилей в 2022 г., когда эскалация конфликта на Украине положила конец активным диффузионным процессам. Локализованные производства продемонстрировали неспособность к самостоятельному продолжению выпуска продукции, что обусловлено недостаточно высоким уровнем локали-

зации и кратковременностью периода совместного производства. Все же важным вторичным эффектом диффузии стал рост знаний и квалификации отечественных специалистов и рабочих, многие из которых прошли обучение на передовых автомобилестроительных производствах. Локализация способствовала росту занятости на сборочных предприятиях, а также на производствах — поставщиках сырья и материалов для автомобильной промышленности.

В целом сотрудничество зарубежных и отечественных компаний обеспечило доступ последних к инновациям и производственным навыкам. Текущий спад сотрудничества не означает, что заимствование стало невозможным, ведь сохранился теневой рынок технологий и возможность их параллельного импорта. Однако заимствование действительно передовых технологий попало под жесткие санкционные ограничения, а китайские аналоги и субституты существенно выросли в цене. Ставка на импортозамещение без привлечения иностранного опыта и знаний оказалась недостаточно оправданной, так как в подавляющем большинстве отраслей замещение оказалось неравнозначным ввиду низкого качества и высокой цены отечественных замещающих образцов. Решение задачи обеспечения технологического суверенитета должно осуществляться на основе дифференцированного подхода и совокупности механизмов стимулирования трансграничной диффузии технологий.

Важно, что России удалось сохранить стабильность в бюджетно-финансовой и банковской сферах, а также избежать резкого сокращения экономики [14, с. 28]. Отмечается стремительное развитие сложных процессов цифровизации, коммуникации, формирования и развития цифровых платформ [15, с. 83], что создает благоприятные предпосылки для минимизации негативных эффектов санкционной блокады и переориентации на новые источники товаров, технологий и знаний. Географически изолированные отечественные компании все шире используют возможности интернета для поиска новых партнеров и знаний. Это не может в полной мере заменить тесный контакт с технологически развитыми партнерами в рамках одной промышленной агломерации, но сильно уменьшает ущерб от изоляции. Ведь на смену западным инноваторам спешат новые партнеры с Востока. Теперь новые знания и технологии, легально привнесенные западными разработчиками в Китай и Индию, приходят в Россию вместе с новыми образцами машин и оборудования. Для их сборки, а в дальнейшем и изготовления используются те же мощности, которые были созданы совместно с западными производителями. Согласно афористичному тезису авторов монографии «Knowledge Transfer and Technology Diffusion» [16, с. 27], «...знание кажется текущим подобно воде, иногда полностью блокируемой, но часто выбирающей альтернативные, но более длинные пути, когда сталкивается с препятствиями».

Выводы

В отличие от сферы высокого технологического уровня, где отечественные достижения обусловлены мощью и фокусированием ресурсов крупных компаний и государственных корпораций, ответственность за развитие в сфере среднетехнологичного производства лежит преимущественно на частном бизнесе, который в условиях санкционных ограничений испытывает серьезные трудности с притоком новых знаний и современных технологий. Конфронтация со странами коллективного Запада замедлила технологическое развитие отдельных секторов отечественного народного хозяйства. Вместе с тем масштабы российского рынка, географические преимущества его локации (на стыке Европы и Азии), доступность и дешевизна сырья, наличие квалифицированной рабочей силы составляют совокупность очевидных преимуществ, привлекающих в отечественные регионы передовые знания и технологии. В целях наиболее полной реализации вышеуказанных преимуществ необходимо ускоренное принятие масштабных программ поддержки предпринимательства в ключевых отраслях народного хозяйства.

Важным фактором стимулирования диффузии технологий является повышающаяся роль властей в их партнерстве с бизнесом. Активный протекционизм и целенаправленная государственная политика способны обеспечить достижение наилучших результатов. Так, межстрановые несанкционные барьеры на пути знаний легко устраняются благодаря реализации властями «дружественной» налоговой и тарифной политики. Привлекательность партнерства и международного сотрудничества с отечественными компаниями обусловлена также государственной финансовой поддержкой инноваций, получателями которой являются преимущественно организации среднего уровня технологичности [17, с. 69].

Благодаря научно-техническому прогрессу знания в средневысокотехнологичных сферах, которые еще недавно считались прорывными и новаторскими, со временем становятся рутинными, обеспечивая переход отраслей в средненизкотехнологичный сегмент обрабатывающей промышленности. Роботизация, усовершенствованная механизация и автоматизация процессов позволяют снижать численность работников и корректировать требования к их квалификации. Все это существенно снижает вредоносность санкций и повышает шансы стран, реализующих политику догоняющего технологического развития, на ускорение экономического роста.

Одной из важных причин сохраняющейся тенденции технологического отставания отечественной экономики является низкая результативность трансграничной диффузии знаний. Как показали результаты исследования, подтвердившие выдвинутую научную гипотезу, сотруд-

ничество с иностранными компаниями – инноваторами носит конъюнктурный характер, то есть зависит от макроэкономической конъюнктуры, состояния международных отношений, санкционной политики государств, а также корректности выбора стран и компаний – инноваторов. Устойчивость и долговременность диффузионных процессов должны обеспечиваться повышением уровня локализации среднетехнологических и средневысокотехнологических иностранных производств. Дальнейшая динамика технологического развития отечественной экономики и возможности достижения более высокого уровня суверенитета зависит от способности органов государственного управления и бизнеса адаптироваться к быстроменяющимся условиям мирового хозяйствования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сорокин Д.Е. Политическая экономия технологической модернизации России // Экономическое возрождение России. 2020. № 1 (63). С. 18–25. <https://elibrary.ru/jyy1za>.
2. Robertson P., Pol E., Carroll P. Receptive capacity of established industries as a limiting factor in the economy's rate of innovation // Industry and Innovation. 2003. № 10. Pp. 457–474. DOI: 10.1080/1366271032000163685.
3. Симачев Ю., Кузык М., Зудин Н. Импортозависимость и импортозамещение в российской обрабатывающей промышленности: взгляд бизнеса // Форсайт. 2016. Т. 10. № 4. С. 25–45. DOI: 10.17323/1995-459X.2016.4.25.45.
4. Оруч Т.А. Исследование показателей и результатов импортозамещения в промышленности России // Инновации и инвестиции. 2023. № 1. С. 289–293. EDN: TBVIM.
5. Амирханова Ф.С., Теняков И.М. Вопросы импортозамещения в контексте российско-китайского экономического сотрудничества // Российский экономический журнал. 2023. № 2. С. 24–39. DOI: 10.52210/0130-9757_2023_2_24.
6. Tunzelmann N. Development and diffusion of technology, in Lazonick W. (ed.), The IEBM Handbook of Economics. London: Thomson International. 2002. Pp. 90–97.
7. Винслав Ю.Б. Год 2020-й: о сохраняющихся воспроизводственных угрозах и об их нейтрализации на путях совершенствования стратегического планирования и промышленной политики, развертывания национальной инновационной системы и ее отраслевых и региональных подсистем // Российский экономический журнал. 2020. № 1. С. 3–53. DOI: 10.33983/0130-9757-2020-1-3-53.
8. Заздравных А.В. Факторы развития динамики предприятий в российской обрабатывающей промышленности // Российский экономический журнал. 2022. № 6. С. 111–128. DOI: 10.33983/0130-9757-2022-6-111-128.
9. Портяков В.Я. Коммунистическая партия Китая и политика внешнеэкономической открытости // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 7. С. 34–44. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-34-44.
10. Marshall A. Principles of economics. 9th (Variorum) ed. / with annotations by C.W. Guillebaud. Macmillan for the Royal Economic Society. 1961. https://openlibrary.org/books/OL13776798M/Principles_of_economics.
11. Могилевский Г.А. Параллельный импорт как форма реализации международного принципа исчерпания исключительного права // Международный журнал

- гуманитарных и естественных наук. 2022. № 4–2 (67). С. 229–231.
DOI: 10.24412/2500-1000-2022-4-2-229-231.
12. *Латынцев А.В.* Отличие правовой природы принудительного лицензирования и возмездного безлицензионного использования объектов патентной охраны // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 3. С. 56–68. DOI: 10.12737/jrp.2023.029.
 13. *Крупинов Ю.А.* Принципы и механизмы технологического развития российской экономики // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2023. № 2 (68). С. 121–127. <https://elibrary.ru/fvzems>.
 14. *Валова Ю.И.* Современный мировой экономический кризис: вероятность и возможные последствия // Банковское дело. 2023. № 6. С. 24–31. <https://elibrary.ru/aftqhz>.
 15. *Волкова Т.И.* Результативное функционирование цифровых инновационных технологических платформ: институциональное измерение // Российский экономический журнал. 2022. № 5. С. 83–100. DOI: 10.33983/0130-9757-2022-5-83-100.
 16. *Robertson P., Jacobson D.* Knowledge Transfer and Technology Diffusion. Edward Elgar Publishing. 2011.
 17. *Зудин Н.Н.* Взаимосвязь технологического уровня сектора с характеристиками компаний и государственной поддержкой // Инновации. 2015. № 6 (200). С. 61–70. EDN: <https://elibrary.ru/uhppcf>.

REFERENCES

1. *Sorokin D.E.* Political Economy of Russia's Technological Modernization. Economic Renaissance of Russia. 2020. No. 1. Pp. 18–25. <https://elibrary.ru/jyylza>. (In Russ).
2. *Robertson P., Pol E., Carroll P.* Receptive capacity of established industries as a limiting factor in the economy's rate of innovation // Industry and Innovation. 2003. No. 10. Pp. 457–474. DOI: 10.1080/1366271032000163685.
3. *Simachev Yu., Kuzzyk M., Zudin N.* Import dependence and import substitution in the Russian manufacturing industry: a business perspective // Foresight. 2016. No. 10(4). Pp. 25–45. (In Russ). DOI: 10.17323/1995-459X.2016.4.25.45.
4. *Oruch T.A.* Study of indicators and results of import substitution in Russian industry. Innovations and investments. 2023. No. 1 Pp. 289–293. EDN: TBIVIM. (In Russ).
5. *Amirkhanova F.S., Tenyakov I.M.* Issues of import substitution in the context of Russian Chinese economic cooperation. Russian Economic Journal. 2023. (2). Pp. 24–39. (In Russ). DOI: 10.52210/0130-9757_2023_2_24.
6. *Tunzelmann N.* Development and diffusion of technology. In: Lazonick W. (ed.). The IEBM Handbook of Economics. London: Thomson International. 2002. Pp. 90–97.
7. *Vinslav Yu.B.* Year 2020: on persistent reproductive threats and their neutralization on ways to improve strategic planning and industrial policy, deploy the national innovation system and its sectoral and regional subsystems. Russian Economic Journal. 2020. No. 1. Pp. 3–53. (In Russ). DOI: 10.33983/0130-9757-2020-1-3-53.
8. *Zazdravnykh A.V.* Factors of development of the dynamics of enterprises in the Russian manufacturing industry. Russian Economic Journal. 2022. No. 6. Pp. 111–128. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-6-111-128>. (In Russ).
9. *Portyakov V.Ya.* The Communist Party of China and the policy of foreign economic openness. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2021. No. 65 (7). Pp. 34–44. (In Russ). DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-34-44.
10. *Marshall A.* Principles of economics. 9th (Variorum) ed. with annotations by C.W. Guillebaud. Macmillan for the Royal Economic Society. 1961. https://openlibrary.org/books/OL13776798M/Principles_of_economics.

11. *Mogilevsky G.A.* Parallel import as a form of implementation of the international principle of exhaustion of the exclusive right. *International Journal of the Humanities and Natural Sciences*. 2022. No. 4–2(67). Pp. 229–231. (In Russ). DOI: 10.24412/2500-1000-2022-4-2-229-231.
12. *Latyntsev A.V.* The difference between the legal nature of compulsory licensing and paid unlicensed use of objects of patent protection. *Journal of Russian Law*. 2023. No. 27(3). Pp. 56–68. (In Russ). DOI: 10.12737/jrp.2023.029.
13. *Krupnov Yu.A.* Principles and mechanisms of technological development of the Russian economy. *Innovative economy: prospects for development and improvement*. 2023. No. 2(68). Pp. 121–127. <https://elibrary.ru/fvzems>. (In Russ).
14. *Valova Yu.I.* Modern world economic crisis: probability and possible consequences. *Banking*. 2023. No. 6. Pp. 24–31. <https://elibrary.ru/aftqhz>. (In Russ).
15. *Volkova T.I.* Effective functioning of digital innovative technological platforms: institutional dimension. *Russian Economic Journal*. 2022. No. 5. Pp. 83–100. (In Russ). DOI: 10.33983/0130-9757-2022-5-83-100.
16. *Robertson P., Jacobson D.* *Knowledge Transfer and Technology Diffusion*. Edward Elgar Publishing, 2011.
17. *Zudin N.N.* The relationship of the technological level of the sector with the characteristics of companies and state support. *Innovations*. 2015. No. 6. Pp. 61–70. <https://elibrary.ru/uhppcf>. (In Russ).

Дата поступления рукописи: 21.02.2024 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Крупнов Юрий Александрович – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института экономической политики и проблем экономической безопасности Факультета экономики и бизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-9524-3747
yukrupnov@mail.ru

Сильвестров Сергей Николаевич – доктор экономических наук, профессор, директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности Факультета экономики и бизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-7678-1283
silvestrsn@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Yuriy A. Krupnov – Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Institute of Economic Policy and Economic Security Problems, Faculty of Economics and Business, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-9524-3747
yukrupnov@mail.ru

Sergey N. Silvestrov – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Institute of Economic Policy and Economic Security Problems, Faculty of Economics and Business, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: 000-0002-7678-1283
silvestrsn@gmail.com

TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY AND DIFFUSION OF TECHNOLOGIES⁷

The problem of reducing technological dependence is considered based on the use of the effect of technology diffusion. Under sanctions, this is one of the important areas of reducing the dependence of the economy. The analysis and prioritization of methods for borrowing technologies is carried out and the role of direct investment in combination with the localization of foreign production is shown. The directions for the most complete use of the effect of technology diffusion are substantiated. The stability and longevity of diffusion processes must be ensured by increasing the level of localization of high-tech foreign production. It is concluded that the further dynamics of technological development and the possibility of achieving a higher level of sovereignty depend on the ability of government and corporate governance bodies to adapt to the rapidly changing conditions of the global economy.

Keywords: *economic development, technological sovereignty, diffusion of technologies, localization of foreign production.*

JEL: F15, F52, G28.

⁷ The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

ФИНАНСЫ

В.А. БЕЛЯЕВ

научный сотрудник Международной научной лаборатории
«Новые тренды в международных финансах» МГИМО МИД России

РЕШЕННЫЕ И НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ: ПОПЫТКА СИСТЕМАТИЗАЦИИ¹

В статье рассматриваются основные этапы развития денежно-кредитной политики на протяжении последних ста лет. Автор проводит анализ влияния кризисов на изменение ее инструментария, рост роли банков, а также прослеживает эволюцию теоретического аппарата ДКП под влиянием различных экономических школ и концепций, начиная с классической школы и до формирования мейнстрима экономической теории. Отдельно рассматривается влияние развития мейнстрима экономической теории, кризиса 2008 г., а также пандемии COVID-19 на проводимую денежно-кредитную политику.

Ключевые слова: денежно-кредитная политика, центральные банки, мейнстрим экономической теории.

УДК: 336.711

EDN: TRGYNJ

DOI: 10.52180/2073-6487_2024_2_49_70

Введение

Денежно-кредитная политика играет ключевую роль в экономическом развитии страны, воздействуя на уровень инфляции, безработицы, стабильность финансовых рынков и другие аспекты экономики. С момента появления первых центральных банков и формирования денежно-кредитной политики как отдельного направления экономической политики государства, она претерпела значительные изменения под воздействием эволюции экономической мысли, институциональных и технологических изменений.

¹ Статья подготовлена при поддержке Программы развития МГИМО «Приоритет-2030».

В данной статье мы представим обзор эволюции роли центральных банков и денежно-кредитной политики на протяжении последних 100 лет, проиллюстрируем процесс их формирования в русле мейнстрима экономической теории, изменение ее мейнстрима после финансового кризиса 2008 г., а также влияние пандемии COVID-19 на политику центральных банков. Мейнстрим в экономической теории до финансового кризиса обычно связывали с синтезом достижений неоклассической и новой кейнсианской экономических школ, где фокусом денежно-кредитной политики являлось инфляционное таргетирование. В данной статье под мейнстримом в экономической теории понимается совокупность основных теорий, моделей и методов анализа, которые определяют основные направления и подходы в экономической науке, принимаемые большинством экономистов.

После финансового кризиса 2008 г. многие страны пересмотрели свои подходы к денежно-кредитной политике, придав большее значение регулированию финансовых рынков и защите потребителей. Во время пандемии COVID-19 многие страны столкнулись с необходимостью принятия экстренных мер по стимулированию экономики и обеспечению финансовой стабильности, снова прибегнув к нетрадиционным инструментам денежно-кредитной политики. Однако резкий рост инфляции на фоне восстановления мировой экономики поставил перед центральными банками сложную задачу по быстрому переходу от стимулирующей к жесткой денежно-кредитной политике.

Возникновение и эволюция денежно-кредитной политики

Денежно-кредитная политика неразрывно связана с денежной системой страны, с полномочиями и целями центрального банка, а также со степенью интегрированности государства в международную торговлю. Внутренние и внешние экономические шоки также оказывают значительное влияние на формирование ДКП и развитие экономической мысли в сфере повышения эффективности используемых инструментов для достижения заявленных целей. Развитие мировой экономики и торговли, значительный рост банковского сектора, отмена золотого стандарта, а также развитие финансового рынка явились катализаторами усиления роли денежно-кредитной политики в регулировании экономики за последнее столетие.

Ограничения, налагаемые денежной системой с привязкой к золотому стандарту, а также недостаточная развитость банковской системы, сужали возможности денежно-кредитной политики и ставили ее на второй план по отношению к фискальной политике до второй половины XX в. При золотом стандарте фокус политики государства, с точки

зрения денежного регулирования, как правило, находился в области накопления драгоценных металлов внутри страны, а проблема инфляции зачастую возникала лишь в случае непропорциональной эмиссии банкнот для финансирования государственных расходов или при снижении содержания драгоценных металлов в выпускаемых монетах.

Другая причина ограниченного использования денежно-кредитной политики связана с эволюцией роли центральных банков. Исторически, первые центральные банки возникли на рубеже XVII–XVIII вв., их функции заключались в эмиссии банкнот, продаже государственных ценных бумаг и коммерческом кредитовании. В XIX в. периметр задач центральных банков постепенно увеличивался, и они стали играть ключевую роль в поддержании золотого стандарта. К концу XIX в. банковская система приобрела более привычный вид, где центральные банки перестали выполнять функции коммерческих банков и стали «кредиторами последней инстанции» для других банков. После Второй мировой войны ряд центральных банков был национализирован, и они получили официальный мандат на поддержание ценовой стабильности, а некоторые из них еще и на обеспечение полной занятости. Например, акт о занятости (англ. Employment Act) от 1946 г. в США объявлял целью налогово-бюджетной и денежно-кредитной политик достижение безработицы в 4% или ниже этого уровня [1].

Однако после «Великой инфляции» 1970-х годов роль большинства центральных банков в развитых странах стала ограничиваться поддержанием ценовой стабильности, а их независимость в принятии решений значительно усиливалась. В 1990-е годы центральные банки стали переходить к инфляционному таргетированию, окончательно сформировав принципы современной денежно-кредитной политики. После финансового кризиса 2007–2008-х годов полномочия центральных банков были расширены и стали включать более широкий контроль над финансовыми рынками [2].

Таким образом, денежно-кредитная политика как инструмент поддержания макроэкономической стабильности стала активно использоваться после конца Второй мировой войны, а ее роль значительно выросла в 1970-е годы после перехода к Ямайской валютной системе – в период, когда мир столкнулся со значительным ростом инфляции.

Несмотря на то, что денежно-кредитная политика еще долго не являлась и не могла быть ведущим инструментом поддержания макроэкономической стабильности, в период с конца XIX в. закладывалась теоретическая основа ДКП, которая во многом станет фундаментом мейнстрима.

На рубеже XIX и XX вв. доминирующей экономической школой являлась классическая школа. Представители классической школы считали, что объем производства определяется основными факторами

производства (трудовые и природные ресурсы, загрузка мощностей) и изменения в них происходят только в долгосрочной перспективе. Они также утверждали, что изменение в количестве денег в экономике может повлиять только на уровень внутренних цен, а не на объем производства и скорость обращения денег. Представители классической школы призывали правительство заботиться о сбалансированном государственном бюджете, чтобы избежать дефицита, и считали денежно-кредитную политику неэффективной. Тем не менее, важно отметить, что такие экономисты, как Дэвид Юм, рассматривали возможность воздействия изменения количества денег на спрос и инвестиции в краткосрочной перспективе. Этот принцип позднее был включен монетаристами в свою концепцию в виде краткосрочной нейтральности денег [3]. Работа И. Фишера внесла ключевой вклад в развитие идеи классической школы о нейтральности денег и формулирование количественной теории денег. Фишер предложил формулу экономического денежного баланса $MV = PQ$, где M – предложение денег, V – скорость обращения денег, P – уровень цен, Q – объем производства товаров и услуг в экономике. Согласно данной формуле, пропорциональное изменение номинального количества денег вызовет лишь пропорциональное изменение абсолютного уровня цен при условии постоянной скорости денег. Данное уравнение стало ключевым элементом в концепции монетаристов [4].

В период до Великой депрессии роль центральных банков заключалась в поддержании золотого стандарта, осуществлении международных расчетов, а также исполнении функции кредитора последней инстанции для банковского сектора. Так, центральный банк Франции осуществил спасение банка Comptoir D'Escompte в 1889 г. предоставив экстренное финансирование, банк Англии профинансировал Barings bank в 1890 г. для недопущения банкротства [2; 5]. Основное внимание центральных банков было приковано к регулированию оттока и притока золота в страну, которое они осуществляли с помощью процентной ставки. Вопросы регулирования экономики с точки зрения снижения безработицы или стимулирования экономического роста являлись второстепенными для центральных банков [6].

Великая депрессия 1929–1933-х годов стала вызовом для классической теории, которая не предусматривала возможности затяжных кризисов и вынужденной безработицы в рыночной экономике. Кроме того, классическая количественная теория денег и цен оказалась неспособной решить проблемы, вызванные кризисом, а именно угрозу дефляции и кризис перепроизводства. В ответ на это правительства развитых стран начали использовать меры государственного регулирования, которые не соответствовали ортодоксальной классической доктрине. Книга Джона Мейнарда Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» стала основой новой экономической теории, кото-

рая предполагала, что экономика может попасть в состояние равенства совокупного спроса и совокупного предложения, при котором фактический выпуск продукции оказывается ниже потенциального и значительная часть рабочей силы состоит из вынужденно безработных. В отличие от классической теории Кейнс считал, что экономика может «застрять» в ситуации низкого выпуска и хронической безработицы, поскольку отсутствует механизм быстрого восстановления полной занятости и использования производственных мощностей. Правительство может воздействовать на состояние экономической активности, используя методы денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики для изменения совокупного спроса [7].

Согласно Кейнсу, увеличение предложения денег в краткосрочном периоде в условиях кризиса с целью активизации экономического роста перестает влиять на норму процента и, следовательно, экономика может попасть в «ловушку ликвидности» – ситуацию, в которой реальная процентная ставка не может быть уменьшена из-за общих ожиданий дефляции. В данной ситуации денежно-кредитная политика сама по себе становится бесполезной для стимулирования экономического роста и необходимо прибегнуть к увеличению государственных расходов, которые могут финансироваться за счет заемных средств. Таким образом, в кризисной ситуации, согласно данной теории, денежно-кредитная политика имеет ограниченный эффект.

В своих работах Кейнс следующим образом высказывался о роли денежно-кредитной политики в регулировании экономики. Он считал, что правительство должно использовать ее в сочетании с другими инструментами, например, с налогово-бюджетной политикой, для достижения стабильности и роста экономики. Однако он отрицал традиционную концепцию денежной политики, основанную на контроле за уровнем инфляции, и придавал большее значение бюджетно-налоговой политике, а основную задачу видел в достижении полной занятости и устойчивого экономического роста. Кейнс считал, что в условиях кризиса методы классической школы по регулированию и стимулированию экономики потерпели крах, и изменения налоговой системы и государственные инвестиции являются более эффективными способами стабилизации экономики [8; 9].

Важным элементом теории Кейнса является идея о предпочтении ликвидности, согласно которой экономические агенты склонны сохранять не только запасы денег, но и создавать спекулятивные остатки для защиты от возможных рисков. Количество этих остатков зависит от изменений на рынке процентных ставок, которые, по мнению Кейнса, имеют психологическую природу. Путем регулирования количества денег в обращении государство может влиять на предпочтение ликвидности и управлять инвестиционными процессами, стимулируя

или сдерживая их в зависимости от экономической конъюнктуры. Согласно Кейнсу, повышение ключевой ставки является эффективным средством борьбы с инфляцией, в то время как при дефляции снижение ставки не имеет значительного эффекта. Кроме того, Кейнс выступал прежде всего за осуществление ДКП с помощью изменения краткосрочной процентной ставки, так как считал, что изменения в долгосрочной ставке окажут значительное воздействие на ожидания экономических агентов и, как результат, приведут к снижению спроса и темпов роста экономики [10].

Великая депрессия 1930–1933 гг. стала катализатором значительных изменений в денежно-кредитной политике и роли Федеральной резервной системы (ФРС), которые имели значительные последствия также и для всего мира. Прежде всего в 1933 г. был отменен золотой стандарт для граждан и организаций в США – в соответствии с Исполнительным указом 6102 практически все золото в монетах и слитках изымалось у населения и организаций по цене 20,66 долл. за тройскую унцию, после чего официальная цена золота была зафиксирована на уровне 35 долл. за тройскую унцию. Иными словами, доллар был девальвирован на 40% по отношению к золоту, а Казначейство США получило положительный эффект в размере 2,8 млрд долл. от переоценки золотых резервов. Данная мера позволила увеличить предложение денег со стороны ФРС, так как в соответствии с Законом о Федеральном резерве (англ. Federal Reserve Act) – закон, учредивший Федеральную резервную систему – банкноты, выпускаемые ФРС, должны быть подкреплены золотыми резервами как минимум на 40%, в то время как ФРС практически достиг предела эмиссии банкнот к данному времени. Кроме того, в соответствии с законом Гласса – Стиголла от 1933 г. (англ. Glass-Steagall Act) ФРС могла использовать государственные ценные бумаги в качестве обеспечения выпускаемых банкнот, что значительно увеличивало возможности по дополнительной эмиссии со стороны ФРС. Конвертация долларов в золото сохранялась для международных расчетов со странами, поддерживающими золотой стандарт [11]. В соответствии с поправками Томаса в Закон о регулировании сельского хозяйства, ФРС получила новый инструмент управления денежно-кредитной политикой – регулирование обязательных резервов коммерческих банков. Данный инструмент активно использовался ФРС во второй половине 1930-х годов для сдерживания кредитования.

Результатом Великой депрессии стали коренные изменения прежде всего в существовавшей денежной системе, которые увеличили возможности осуществления денежно-кредитной политики. Целью политики ФРС после Великой депрессии было «стремление достичь такой степени смягчения денежно-кредитной политики, которая способствовала бы экономическому восстановлению, но не разжигала

бы инфляцию или спекуляции». Одним из основных индикаторов, помимо инфляции, на который ориентировалась ФРС при принятии своих решений, были свободные резервы банков, а такие показатели, как общие резервы, денежная база, денежная масса и реальные процентные ставки почти не учитывались. Помимо этого, при существовавшей денежной системе движение капитала и в первую очередь баланс золота у центральных банков оказывал значительное влияние как на макроэкономическую стабильность, так и на кредитование и свободные резервы банков [12].

Кейнсианский подход, основанный на активной роли государства, возник в ответ на вызовы, которые представляла Великая депрессия. Идеи Кейнса также стали особенно актуальными во время Второй мировой войны. Кейнсианцы подчеркивали важность государственных расходов, связь между потреблением и инвестициями, а также регулирование агрегатного спроса для достижения полной занятости и стимулирования экономического роста. Однако в последующие десятилетия экономическая ситуация изменилась. В 1970-х годах мир столкнулся с двумя шоками предложения нефти – в 1973 г., когда арабские страны–экспортеры нефти ввели эмбарго на экспорт нефти в страны Запада из-за поддержки Израиля в арабо-израильском конфликте, и в 1979 г., когда произошла исламская революция в Иране. Кратный рост цен на нефть нанес значительный удар по экономическому росту в Западных странах и привел к ускорению инфляции, что, в конечном итоге, вызвало стагфляцию. Стагфляция характеризовалась низким экономическим ростом и высокой инфляцией, что создавало сложности для традиционного применения кейнсианской политики стимулирования спроса.

Однако, стоит отметить, что постепенный рост инфляции начался с конца 1960-х годов (еще до шоков на нефтяном рынке), как результат мягкой денежно-кредитной политики и высоких государственных расходов ведущих экономик мира, что стимулировало чрезмерный рост спроса. Так, инфляция в США в 1967 г. составляла 2,8%, а в 1970 г. увеличилась уже до 5,9% [13]. Данная политика была инициирована последователями Кейнса, считавшими ключевой целью достижение низкой безработицы даже с учетом возможного повышения инфляции [14]. Налогово-бюджетная политика была мощным инструментом для достижения желаемых макроэкономических результатов, а денежно-кредитная политика полностью зависела от налогово-бюджетной и не была независимой. Так, на протяжении 1950–1970-х годов ФРС продолжала поддерживать ставки по государственным ценным бумагам на искусственно низком уровне, что позволяло монетизировать дефицит бюджета за счет новых заимствований по низкой ставке [12]. В данный период появилась знаменитая фраза: «Деньги не имеют

значения» по отношению к денежно-кредитной политике [15]. Все это свидетельствует о том, что в тот период уже возникла реальная необходимость в повышении роли денежно-кредитной политики в обуздании инфляции и более серьезном отношении к концепциям монетаристов, но понимания этого еще не произошло.

Другая объективная причина усиления роли монетаристов и более широкого использования денежно-кредитной политики заключалась в окончании действия Бреттон-Вудской валютной системы в 1971 г. и переходе к режиму плавающих валютных курсов, окончательно оформленному в 1976 г. подписанием поправок к уставу МВФ на Ямайской конференции. Исправное функционирование Бреттен-Вудской системы, при которой доллар США использовался в качестве основной конвертируемой валюты в мире, было во многом основано на контроле за движением капитала. Основные страны-партнеры США испытывали дефицит счета текущих операций и стремились нарастить долларовые резервы для обеспечения своей торговли, а также снизить отток долларов. Кроме того, в данных условиях возможности по проведению своей независимой денежно-кредитной политики были весьма ограничены. Однако по мере роста международной торговли и движения капитала «трилемма международных финансов» стала очевидной. Она сводится к тому, что из трех желаемых целей: – (1) фиксированный обменный курс; (2) свободное движение капитала; (3) независимая денежно-кредитная политика – можно одновременно достичь лишь двух [16]. Фиксированный курс доллара к золоту создавал ограничения и для США, так как рост долларовой массы опережал накопление золотовалютных резервов за счет постоянного финансирования дефицита бюджета, что в итоге привело к необходимости неоднократной девальвации доллара в процессе отвязки доллара от золота и переходу к плавающему курсу.

Кроме того, поддержание единой цены золота требовало значительных интервенций со стороны так называемого Gold Pool (ФРС и 7 европейских ЦБ), которое поддерживало цену золота в 35 долл. за тройскую унцию. После спекулятивных атак на золото в 1968 г., когда центральные банки из Gold Pool продали золота на 3 млрд долл., а золотые запасы США и Англии снизились на 18%, было принято решение отказаться от поддержки паритета цены золота на физическом рынке металлов и на межбанковском рынке, что привело к возникновению диспропорции между двумя рынками, так как цена золота на рынке металлов выросла до 40 долл. за тройскую унцию. Более того, валюты европейских стран также подвергались спекулятивным атакам, что вынуждало центральные банки девальвировать местные валюты [17].

Одной из главных причин принятия Ямайской системы было признание того, что фиксированные курсы обмена валют не всегда

могут быть устойчивыми и способными адаптироваться к изменяющимся экономическим условиям. Вместо этого, Ямайская система установила более гибкую валютную систему, основанную на рыночных факторах. Вместо обязательства поддерживать определенный фиксированный курс обмена страны стали регулировать свои валютные курсы в соответствии с рыночным спросом и предложением.

В данных обстоятельствах роль центральных банков значительно увеличивалась и перед ними вставали новые вызовы и задачи. Проблема высокой инфляции обуславливала возвращение приоритета центральных банков к обеспечению ценовой стабильности вместо стимулирования роста экономики. Кроме того, плавающий валютный курс позволяет проводить более независимую денежно-кредитную политику, давая возможность реагировать на экономические изменения более гибко. Как результат, центральные банки получили больший простор с точки зрения влияния на денежную массу. Однако, стоит отметить, что с переходом к Ямайской валютной системе доллар США стал свободно плавающей валютой, в то время как большинство стран Европы сформировали европейский механизм валютных курсов (англ. European Exchange Rate Mechanism) в 1979 г., в рамках которого каждая участвующая страна должна была поддерживать свою национальную валюту в определенных пределах фиксированного курса относительно остальных участников, что во многом ограничивало свободу местных центральных банков. Другими словами, европейские валюты были де-факто привязаны к доллару США.

В данных условиях идеи монетаристов закономерно получали все большую популярность. Монетаристы подчеркивали, что основным фактором, определяющим уровень инфляции, является денежная масса в экономике. Они призывали к строгому контролю за денежным предложением и предлагали использовать денежно-кредитные инструменты, такие как уровень процентных ставок и ограничения на денежное предложение, для борьбы с инфляцией. Монетаристы также подчеркивали важность свободных рынков и предлагали ограничить вмешательство государства в экономику.

Переход к мейнстриму экономической теории

Кейнсианцы считали, что инфляция может возникнуть не только из-за денежного фактора, но и вследствие переизбытка агрегатного спроса или других факторов, и поэтому подходили к борьбе с инфляцией более широко, в то время как для монетаристов инфляция является результатом избытка денежного предложения в экономике. Кроме того, для монетаристов приоритетом является стабильность

цен и низкая инфляция. Кейнсианцы, в свою очередь, больше акцентируют внимание на общем экономическом росте и достижении полной занятости как на основных целях экономической политики. Они полагают, что более активная роль государства может быть оправдана в необходимости стимулирования экономики и смягчения кризисов. Переход к идеям монетаристов обусловил закрепление сфокусированности центральных банков на ценовой стабильности как на главном факторе, позволяющем обеспечить экономический рост.

В основе монетаризма лежит количественная теория денег, разработанная И. Фишером. Основываясь на данной теории, монетаристы разработали ряд ключевых принципов, некоторые из которых стали частью мейнстрима экономической теории [18]:

- долгосрочная нейтральность денег: увеличение денежной массы приводит к увеличению общего уровня цен в долгосрочной перспективе;
- краткосрочная ненейтральность денег: увеличение денежной массы оказывает временное воздействие на реальный объем производства и занятость в краткосрочной перспективе;
- правило постоянного роста количества денег в обращении: ФРС должна нацелить темпы роста количества денег в обращении на уровень, равный темпам роста реального ВВП, оставляя уровень цен неизменным;
- гибкость процентных ставок: процентные ставки должны быть гибкими, чтобы позволить заемщикам и кредиторам учитывать ожидаемую инфляцию и изменения реальных процентных ставок.

«Великая инфляция» в США достигла пика в 1980 г. и составляла 13,5%. В этот период пост председателя ФРС занял Пол Волкер, который использовал жесткую денежно-кредитную политику для борьбы с инфляцией. Волкер инициировал поднятие процентной ставки до 20% в 1981 г., что привело к замедлению инфляции в 1982 г. уже до 6,2% с 10,3% в 1981 г. Вместе с тем данная политика вызвала рецессию – ВВП США снизился в 1982 г. на 1,9%, а безработица выросла до 9,7%. Однако уже в 1983 г. инфляция достигла уровня 3,2%, а экономика показала рост в 4,5%. Результатом работы Волкера стало усиление идей монетаристов и роли денежно-кредитной политики. Стоит отдельно отметить, что проблема роста инфляции в 1960-х годах и сама «Великая инфляция» 1970-х годов были во многом результатом зависимости ФРС от налогово-бюджетной политики и недоверия экономических агентов к проводимой денежно-кредитной политике [19]. Успешная работа Волкера по преодолению кризиса значительно усилила независимость ФРС и эффективность проводимой монетарной политики. Основная роль денежно-кредитной политики сместилась с обеспечения экономического роста к поддержанию стабильности цен и кон-

тролю за инфляцией [20]. Тем не менее, мандат ФРС сохранил цель обеспечения полной занятости².

В данный период центральные банки в своей политике перешли на таргетирование денежной массы, согласно рекомендациям Фридмана – «правило К-процентов», в соответствии с которым денежная масса ежегодно должна увеличиваться на заранее определенный процент (4–5%) вне зависимости от состояния экономики [21]. Основная цель подобного таргетирования денежной массы, в конечном итоге, заключалась в контроле над инфляцией. Исследования показали, что за изменением в объеме денежной массы с определенным лагом следует изменение в ценах и инфляции. Однако, несмотря на тот факт, что благодаря идеям монетаристов, жесткой денежно-кредитной политике, а также контролю за ростом зарплат и цен в США и Европе удалось победить инфляцию, таргетирование денежной массы было сопряжено с рядом сложностей, прежде всего с проблемой определения состава денежной массы и выбору денежного агрегата для таргетирования.

Стоит отметить, что основная причина, которая привела к отказу от таргетирования денежной массы, заключалась в том, что наблюдаемая связь между динамикой денежной массы и инфляцией нарушилась в 1980-е годы. Таргетирование денежной массы эффективно только в том случае, если взаимосвязь между денежной массой и номинальным ВВП, а, следовательно, и инфляцией, стабильна и предсказуема. Другими словами, за ростом денежной массы должен следовать рост номинального ВВП, и наоборот. Однако для достижения этого прямого эффекта скорость обращения денег должна быть предсказуемой. Если в период с 1970-х по 1980-е годы скорость обращения денег росла с одинаковой скоростью ежегодно, то в конце 1980-х годов с развитием финансового рынка и появлением ряда новых сберегательных и инвестиционных продуктов как альтернативы депозитам скорость движения денег стала волатильной, что не позволяло использовать уравнение Фишера и делало таргетирование денежной массы неэффективным [18; 22].

Необходимо подчеркнуть, что переход к таргетированию денежной массы являлся поворотным моментом с точки зрения осуществления денежно-кредитной политики – дискреционный подход (англ. *discretionary monetary policy*), когда центральные банки принимали решения исходя из своих оценок макроэкономической ситуации, стал уступать место проведению политики, основанной на определенных правилах (англ. *rule-based monetary policy*), а именно на цели по росту денежной массы. Тем не менее, центральные банки сохраняли воз-

² The Federal Reserve's Dual Mandate <https://www.chicagofed.org/research/dual-mandate/dual-mandate>.

возможность выхода за рамки поставленных правил, данное изменение являлось важным этапом эволюции денежно-кредитной политики.

Основная цель центральных банков при осуществлении денежно-кредитной политики заключалась в контроле за ценовой стабильностью и, соответственно, инфляцией, а контроль за денежной массой рассматривался промежуточной ступенью в данном процессе. Когда таргетирование денежной массы стало неэффективным, центральные банки перешли непосредственно к таргетированию инфляции. Переход к данной политике сопровождался появлением «номинального якоря» – долгосрочной цели по инфляции, к которой стремился центральный банк. Появление долгосрочной цели по инфляции укрепляло доверие к центральному банку и снижало инфляционные ожидания, а также улучшало координацию денежно-кредитной и налогово-бюджетной политик.

Немаловажно, что появление долгосрочной цели по инфляции позволяло оценивать эффективность работы центрального банка. Несмотря на тот факт, что центральные банки заявляли своей целью поддержание ценовой стабильности и до перехода на инфляционное таргетирование, зачастую эта цель не была четко определена и не имела количественных индикаторов. Более того, появление цели по инфляции являлось стимулом к большему раскрытию информации со стороны центральных банков касательно проводимой политики и макроэкономических данных, а роль управления ожиданиями экономических агентов через вербальные заявления касательно будущей инфляции и действий центральных банков значительно усилилась [23].

Важным фактором, способствующим переходу к инфляционному таргетированию, являлось распространение плавающих валютных курсов в Европе. Поддержание фиксированного валютного курса ограничивает возможности центрального банка в эффективном применении доступных инструментов. Кроме того, одновременное поддержание фиксированного курса и инфляционное таргетирование могут конфликтовать с точки зрения необходимых действий, требуемых от центрального банка. Управление валютным курсом может также иметь разнонаправленный эффект для экономики и финансового сектора в странах с высокой долговой нагрузкой в иностранной валюте [24]. Более того, поддержание фиксированного курса связано с уже упомянутой «трилеммой международных финансов», которая значительно осложняла поддержание фиксированного курса в 1990-е годы в Европе с учетом быстрого роста международного движения капитала и развития международной торговли на фоне активной глобализации.

Фокус на поддержание ценовой стабильности при стремлении сохранить фиксированный курс валют при растущих дефицитах бюджета привел к очередной волне спекулятивных атак на европей-

ские валюты. В 1992–1993 г. практически все крупнейшие европейские страны подверглись спекулятивным атакам. Результатом данных атак стало расширение пределов курсовых колебаний европейских валют. Значительное расширение границ колебания валютных курсов и последующий переход на единую валюту в странах Европы позволили центральным банкам сфокусировать основное внимание на инфляционном таргетировании [25; 26].

К концу 1990-х годов были окончательно сформированы основные принципы современной денежно-кредитной политики [27]:

- инфляция является преимущественно монетарным феноменом;
- стабильность цен выгодна для экономики;
- в долгосрочном периоде не существует выбора между безработицей и инфляцией;
- важнейшим фактором инфляции и действия механизмов трансмиссии ДКП являются ожидания экономических агентов;
- в соответствии с принципом Тейлора реальные процентные ставки следует повышать при росте инфляции;
- важной проблемой при проведении ДКП является проблема временной несогласованности;
- независимость центрального банка повышает эффективность ДКП;
- ключевым фактором успеха ДКП является использование «номинального якоря»;
- в деловом цикле важную роль играет несовершенство финансового рынка.

С точки зрения влияния экономических школ на формирование принципов мейнстрима в области денежно-кредитной политики подход монетаристов заложил основу в отношении природы инфляции – «инфляция всегда и везде представляет собой денежный феномен» [28]. Другим важным принципом является отрицание выбора в долгосрочном периоде между безработицей и инфляцией. Данный принцип относится к долгосрочной форме кривой Филипса. Следование обратному принципу, предложенному Самуэльсоном, о том, что существует компромисс между инфляцией и безработицей в долгосрочной перспективе из-за того, что экономические агенты изменяют свои инфляционные ожидания, во многом привело к «Великой инфляции» в 1970-е годы, когда использовалась мягкая денежно-кредитная и фискальная политики с целью снизить уровень безработицы [29]. Фридман предложил концепцию естественного уровня безработицы, в соответствии с которой попытки снизить долгосрочный уровень безработицы ниже данного уровня приводили бы лишь к росту инфляции [30]. Концепция Фридмана во многом привела к отказу центральных банков от цели по поддержанию низкой безработицы.

Мейнстрим с точки зрения осуществления денежно-кредитной политики объединил в себе достижения широкого спектра экономических теорий. В первую очередь, неоклассического синтеза, основанного на идеях монетаристов и представителей неоклассической школы, а также некоторые идеи кейнсианской и новой кейнсианской школ. Основные идеи кейнсианской школы заключаются в использовании денежно-кредитной политики для борьбы с экономическими кризисами и, прежде всего, это относится к снижению процентных ставок для стимулирования экономического роста, а к идеям новой кейнсианской школы относятся теории управления ожиданиями экономических агентов, а также внимание к финансовым рынкам с точки зрения обеспечения экономической стабильности. Кроме того, новая кейнсианская школа предложила теоретическое оформление концепции инфляционного таргетирования, в соответствии с которой независимый центральный банк управляет краткосрочной ключевой ставкой с целью минимизации негативных социальных последствий инфляции (разница между реальной и целевой инфляцией) и разрыва ВВП (англ. output gaps – разница между номинальным и реальным ВВП) [31; 32].

Эволюция ДКП после Мирового финансового кризиса

Мировой финансовый кризис 2007–2008 гг. являлся катализатором значительных изменений в регулировании финансовой системы, а также использовании новых подходов в осуществлении ДКП. Однако сформулированные принципы мейнстрима не подверглись сомнению. При этом кризис наглядно продемонстрировал, что одна лишь цель сохранения инфляции на низком уровне не является залогом макроэкономической стабильности [33].

Финансовый кризис показал рост взаимозависимости между финансовыми рынками и реальным сектором экономики. Этот кризис подчеркнул проблему нелинейности процессов во время высокой волатильности, значительное воздействие цен активов на финансовую стабильность банков и проблемы, связанные с основными источниками ликвидности на финансовых рынках в период кризиса. Мировая банковская система столкнулась с явлением "финансового заражения". Резкое снижение цен на активы на финансовых рынках быстро привело к кризису в банковском секторе, который распространился далеко за пределы США.

Учитывая тот факт, что финансовый кризис 2008 г. начался на финансовых рынках и быстро перекинулся на банковский сектор, а центральные банки зачастую не осуществляли надзор за финансовыми рынками, после кризиса начался процесс превращения центральных банков в «мегарегуляторов» – наделение центральных бан-

ков полномочиями по надзору за финансовыми рынками. Кроме того, происходит переход от осуществления микропруденциальной к макропруденциальной политике, которая фокусируется на контроле не только за отдельными финансовыми институтами, но и за всей финансовой системой в целом. К задачам центральных банков по обеспечению стабильности инфляции добавляются новые задачи по управлению системными рисками и обеспечению устойчивости финансовой системы.

Для снижения системного риска были применены различные меры. Основным методом заключался в ужесточении нормативов в банковском секторе, который является основным источником системного риска. В основе этих мер лежит внедрение стандартов Базель III, которые увеличивают требования к уровню капитала и ликвидности банков. Например, минимальный уровень первого уровня капитала был повышен с 2 до 4,5%, и были введены дополнительные требования, такие как контрциклический буфер и дополнительные требования к капиталу для системно значимых банков. Также были введены регулярные стресс-тесты для оценки устойчивости банков при изменении макроэкономических параметров. Кроме того, усиливалось регулирование бирж, финансовых посредников и рейтинговых агентств [34].

Помимо усилий по снижению системного риска, центральные банки столкнулись с задачей восстановления стабильности финансовой системы. Этот кризис показал, что межбанковский рынок, как источник ликвидности для банков, может не справиться в периоды высокой волатильности, когда участники рынка стремятся минимизировать риски контрагентов. Центральные банки по всему миру были вынуждены в экстренном порядке вводить предоставлять ликвидность банкам через такие инструменты как, экстренные кредиты банкам, покупка ценных бумаг и расширенные операции РЕПО.

Одновременно с расширением балансов центральных банков за счет программ по покупке ценных бумаг, процентная ставка была понижена до околонулевого уровня. Это означало, что центральные банки больше не могут использовать свой основной инструмент в рамках инфляционного таргетирования – управление краткосрочной процентной ставкой. Однако за данным шагом не последовало роста спроса на кредитование со стороны населения а, соответственно, и роста потребительского спроса, на который рассчитывали центральные банки для оживления ситуации в экономике [35].

Таким образом, после кризиса 2008 г. денежно-кредитная политика претерпела значительные изменения. Основным инструментом инфляционного таргетирования – краткосрочная процентная ставка – перестала быть эффективной, так как находилась в околонулевой зоне. Центральные банки начали осуществлять программу количественного

смягчения, покупая активы на сотни миллиардов долларов для стимулирования экономического роста. Важность вербальных интервенций центральных банков увеличилась в контексте управления ожиданиями экономических агентов. Теоретическая основа инфляционного таргетирования, предложенная новой кейнсианской школой, временно утратила актуальность. Несмотря на сохранение центральными банками цели по инфляции, в период кризиса основную угрозу макроэкономической стабильности они видели в других аспектах, а не в инфляции.

В течение более десяти лет экономика США и Европы функционировала при практически нулевых процентных ставках и быстро растущих балансах ФРС и ЕЦБ. Рост экономики в значительной степени зависел от мер денежно-кредитного стимулирования, и изменение этой политики угрожало входом в рецессию. ФРС первой начала возвращение к традиционной денежно-кредитной политике в 2016 г., постепенно повышая процентные ставки на фоне улучшения макроэкономических показателей и достижения инфляции целевого уровня. Уменьшение баланса происходило за счет сокращения объема реинвестиций ценных бумаг с наступающим сроком погашения, находящихся на балансе ФРС. Действия ФРС в период с 2016 г. по 2019 г. успешно продемонстрировали опыт выхода из нетрадиционной денежно-кредитной политики с минимальными негативными последствиями для экономики и финансовых рынков.

Следующим вызовом для денежно-кредитной политики стала эпидемия COVID-19, в результате которой центральные банки снова прибегли к ее нетрадиционным инструментам, таким как количественное смягчение и снижение ключевой процентной ставки до нуля. Действия центральных банков были подкреплены значительными фискальными стимулами со стороны правительств различных стран с целью смягчения негативных последствий от существенного замедления роста реального сектора экономики и поддержки населения.

Подобно ситуации в 2008 г., в период с 2020 г. по 2021 г. сверхмягкая денежно-кредитная политика не оказала воздействия на инфляцию из-за резкого падения промышленного производства и спроса со стороны домохозяйств, а также из-за увеличения неопределенности относительно будущего восстановления экономики. Однако, в отличие от кризиса 2008 г., центральные банки быстрее реагировали на ситуацию, предпринимая более обширные меры поддержки. Тем не менее, после снятия карантинных мер в мире и одновременном росте промышленного производства, вызвавшем резкий рост спроса на энергоресурсы, инфляция начала расти быстрыми темпами, превысив целевые уровни ФРС и ЕЦБ, а также практически всех центральных банков в развитых и развивающихся странах. Центральные банки

были вынуждены оперативно вернуться к политике инфляционного таргетирования, поднимая ключевую ставку для борьбы с инфляцией.

Стоит отметить, что данный всплеск инфляции оказался самым большим со времен «Великой инфляции» 1980-х годов в США. Однако для борьбы с инфляцией после пандемии COVID-19 центральные банки не следовали одному из принципов мейнстрима экономической теории, а именно принципу Тейлора, в соответствии с которым номинальная процентная ставка должна была превышать уровень инфляции для сдерживания инфляции [36]. Данное поведение центральных банков ведущих стран мира объясняется несколькими факторами. В первую очередь, ЦБ считали, что основная причина резкого роста инфляции заключается в проблемах с логистическими цепочками и инфляция начнет спад, после решения данных проблем. Другая причина заключается в кратном увеличении системного риска при резком росте ключевой ставки, учитывая высокий уровень долга у экономических агентов [37]. Помимо подъема ключевой ставки ведущие центральные банки активно прибегали к вербальным интервенциям для снижения инфляционных ожиданий. Несмотря на тот факт, что инфляция действительно пошла на спад, возникают закономерные вопросы касательно способности ведущих центральных банков эффективно использовать управление краткосрочной ключевой ставкой для борьбы с инфляцией в чрезвычайных условиях на фоне значительного роста уровня государственного и частного долга.

Заключение

Эволюция денежно-кредитной политики определялась меняющимися экономическими условиями, теоретическими разработками, развитием финансового рынка и банковского сектора. За последнее столетие центральные банки перешли от пассивного подхода к денежно-кредитной политике, ориентированного на поддержание золотого стандарта, к активному подходу, направленному на стабилизацию производства и инфляции, а сама денежно-кредитная политика заняла доминирующее положение по отношению к налогово-бюджетной.

Кризисы являлись катализаторами изменений в денежно-кредитной политике и, как правило, увеличивали роль центральных банков. Так, Великая депрессия 1930-х годов привела к изменению функционирования золотого стандарта, расширив возможности ФРС по проведению денежно-кредитной политики. Великая инфляция 1970-х годов усилила независимость центральных банков, а денежно-кредитная политика стала базироваться на таргетировании денежной массы. Полный отказ от золотого стандарта и последующий переход

к режиму плавающих валютных курсов, а также переход к таргетированию инфляции привели к формированию принципов современной денежно-кредитной политики.

В последние десятилетия глобальный финансовый кризис и пандемия COVID-19 привели к дальнейшей эволюции денежно-кредитной политики, когда центральные банки перешли к использованию нетрадиционных инструментов денежно-кредитной политики, таких как количественное смягчение и отрицательные процентные ставки для стимулирования экономики. В то же время растущее признание взаимосвязи между финансовой системой и реальной экономикой привело к появлению макропруденциальной политики, направленной на смягчение системных рисков и содействие финансовой стабильности.

В целом, эволюция денежно-кредитной политики отражает продолжающиеся усилия центральных банков по адаптации к меняющимся экономическим условиям и поиску новых способов обеспечения стабильности, роста и занятости. Хотя конкретные инструменты и основы могут со временем меняться, фундаментальные цели денежно-кредитной политики остаются прежними: поддерживать стабильность цен, способствовать финансовой стабильности и поддерживать устойчивый экономический рост.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Meltzer A.* Origins of the Great Inflation // *Federal Reserve Bank of St. Louis Review*. 2005. Vol. 87. No. 2. Pp. 145–176. DOI:10.20955/r.87.145-176.
2. *Bordo M., Siklos P.* Central banks: Evolution and innovation in historical perspective // *NBER Working Paper 23847*. 2017. DOI: 10.3386/w23847.
3. *McGee R.W.* The Economic Thought of David Hume: A Pioneer in the Field of Law & Economic // *Hume Studies*. 1989. Vol. 15. No. 1. Pp. 184–204. DOI: 10.1353/hms.2011.0475.
4. *Laidler D.* Professor Fisher and the quantity theory: A significant encounter // *The University of Western Ontario, Department of Economics, London (Ontario)*. 2011. No. 1. DOI: 10.1080/09672567.2012.708772
5. *Hautcoeur P., Riva A., White E.N.* Floating a “lifeboat”: The Banque de France and the crisis of 1889 // *Journal of Monetary Economics*. 2014. Vol. 65. Pp. 104–119. DOI:10.1016/j.jmoneco.2014.04.015.
6. *Bordo M.* An Historical Perspective on the Quest for Financial Stability and the Monetary Policy Regime // *The Journal of Economic History*. 2018. Vol. 78. No.2. Pp. 319–357. DOI: 10.1017/S0022050718000281.
7. *Keynes J.* The general theory of employment, interest and money // *Macmillan*. 1936.
8. *Исхаков П.Ю.* Эволюция теории денег: мейнстрим и альтернатива // *Экономика, предпринимательство и право*. 2011. №2 (2). С. 3–16. EDN: NXWCHN.
9. *Pettenati P.* Alternative theories of a money-capital economy: Keynes, Tobin, and the Neoclassics // *Oxford University Press*. 1977. Vol. 29. No. 3. Pp. 357–369.
10. *Moggridge D., Howson S.* Keynes on monetary policy, 1910–1946 // *Oxford Economic Papers*. 1974. Vol. 26. No. 2. Pp. 226–247. DOI: 10.1093/oxfordjournals.oep.a041285.

11. *Cooper R., Dornbusch R., Hall R.* The Gold Standard: Historical Facts and Future Prospects // *Brookings Papers on Economic Activity*. 1982. Vol. 13(1). Pp. 1–56. DOI: 10.2307/2534316.
12. *Calomiris C., Wheelock D.* Was the Great Depression a Watershed for American Monetary Policy? // *NBER Chapters*, in: *The Defining Moment: The Great Depression and the American Economy in the Twentieth Century*. 1998. Pp. 23–65. DOI: 10.3386/w5963.
13. *Barsky B., Kilian L.* Do We Really Know that Oil Caused the Great Stagflation? A Monetary Alternative // *NBER Macroeconomic Annual 2001*, Cambridge: MIT Press. 2002. Pp. 137–183. DOI: 10.1086/654439.
14. *Romer D., Romer C.* The Evolution of Economic Understanding and Postwar Stabilization Policy // *Proceedings – Economic Policy Symposium – Jackson Hole*, Federal Reserve Bank of Kansas City. 2002. Pp. 11–78. DOI: 10.3386/w9274.
15. *Bordo M., Orphanides A.* *The Great Inflation: The Rebirth of Modern Central Banking* // University of Chicago Press, 2013. DOI: 10.1057/ej.2014.19.
16. *Mundell R.* *Uncommon Arguments for Common Currencies* // Routledge. 1973. Pp. 19–38.
17. *Peter M., Garber A.* The Collapse of the Bretton Woods Fixed Exchange Rate System // University of Chicago Press. 1993. Pp. 461–494. DOI: 10.7208/9780226066905-010.
18. *Papageorgiou S.* What Is Monetarism? // *Finance and Development International Monetary Fund*. 2014. Vol. 51. No. 1. DOI: 10.5089/9781484312025.022.
19. *Taylor J.* Review of Allan H. Meltzer's *A history of the Federal Reserve* // *Journal of Monetary Economics*. 2010. Vol. 58. Pp. 183–189. DOI:10.1016/j.jmoneco.2010.10.009.
20. *Blanchard O.* The Lucas Critique and the Volcker Deflation // *The American Economic Review*. 1984. Vol. 74. No. 2. Pp. 211–215.
21. *Friedman M.* *A Program for Monetary Stability* // Fordham University Press. 1959. Pp. 1–132.
22. *Friedman B.* *Monetary Policy* // NBER Working Paper No. w8057. 2002. DOI: 10.3386/w8057.
23. *Thiessen G.* Can a bank change? The evolution of monetary policy at the Bank of Canada 1935-2000 // University of Western Ontario. 2000. Pp. 1–13.
24. *Kearns J. Patel N.* Does the Financial Channel of Exchange Rates Offset the Trade Channel? // *BIS Quarterly Review*. 2016. DOI: 10.1016/j.inteco.2023.100475.
25. *Obstfeld M. Rogoff K.* The Mirage of Fixed Exchange Rates // *Journal of Economic Perspectives*. 1995. Vol. 9. No. 4. Pp. 73–96. DOI: 10.2307/2138391.
26. *Taylor J.* The Role of the Exchange Rate in Monetary Policy Rules // *American Economic Review*. 2001. Vol. 91. No. 2. Pp. 263–267.
27. *Mishkin F.* *Will Monetary Policy Become More of a Science?* // *Monetary Policy Over Fifty Years: Experiences and Lessons*, Routledge. 2009. Pp. 81–107.
28. *Friedman M.* *Inflation: Causes and Consequences* // New York: Asia Publishing House, 1963.
29. *Samuelson P., Solow R.* Analytical Aspects of Anti-Inflation Policy // *American Economic Review*. 1960. Vol. 50. Pp. 177–194.
30. *Friedman M.* The Role of Monetary Policy // *American Economic Review*. 1968. Vol. 58. Pp. 1–17.
31. *Goodfriend M., King R.* The New Neoclassical Synthesis and the Role of Monetary Policy // *NBER Macroeconomics Annual*. Cambridge: MIT Press. 1997. Pp. 231–283.
32. *Woodford M.* *Interest and Prices: Foundations of a Theory of Monetary Policy* // Princeton University Press, 2003.
33. *Mishkin F.* *Monetary Policy Strategy: Lessons from the Crisis* // NBER Working Papers 16755, National Bureau of Economic Research, 2011. DOI: 10.3386/w16755.

34. *Slovik P., Cournède B.* Macroeconomic Impact of Basel III // OECD Economics Department Working Papers. 2011. No. 844. OECD Publishing, Paris. DOI: 10.1787/5kghwnhkkjs8-en.
35. *Korinek A., Simsek A.* Liquidity Trap and Excessive Leverage // American Economic Review. 2016. Vol. 106. No. 3. Pp. 699–738. DOI: 10.1257/aer.20140289.
36. *Taylor J.* Discretion versus Policy Rules in Practice // Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy. 1993. Vol. 39. Pp. 195–214. DOI: 10.1016/0167-2231(93)90009-1.
37. *Walsh C.* Inflation Surges and Monetary Policy // IMES Discussion Paper Series 22-E-12, Institute for Monetary and Economic Studies, Bank of Japan, 2022.

REFERENCES

1. *Meltzer A.* Origins of the Great Inflation // Federal Reserve Bank of St. Louis Review. 2005. Vol. 87. No. 2. Pp. 145–176. DOI: 10.20955/r.87.145-176.
2. *Bordo M., Siklos P.* Central banks: Evolution and innovation in historical perspective // NBER Working Paper 23847, 2017. DOI: 10.3386/w23847.
3. *McGee R.W.* The Economic Thought of David Hume: A Pioneer in the Field of Law & Economic // Hume Studies. 1989. Vol. 15. No. 1. Pp. 184–204. DOI: 10.1353/hms.2011.0475.
4. *Laidler D.* Professor Fisher and the quantity theory: A significant encounter // The University of Western Ontario, Department of Economics, London (Ontario), 2011. No. 1. DOI: 10.1080/09672567.2012.708772.
5. *Hautcoeur P., Riva A., White E.N.* Floating a “lifeboat”: The Banque de France and the crisis of 1889 // Journal of Monetary Economics. 2014. Vol. 65. Pp. 104–119. DOI: 10.1016/j.jmoneco.2014.04.015.
6. *Bordo M.* An Historical Perspective on the Quest for Financial Stability and the Monetary Policy Regime // The Journal of Economic History. 2018. Vol. 78. No. 2. Pp. 319–357. DOI: 10.1017/S0022050718000281.
7. *Keynes J.* The general theory of employment, interest and money // Macmillan, 1936.
8. *Iskhakov P.Yu.* Evolution of the theory of money: mainstream and alternative // Economics, entrepreneurship and law. 2011. No. 2 (2). C. 3–16. (In Russ.). EDN: NXWCHH.
9. *Pettenati P.* Alternative theories of a money-capital economy: Keynes, Tobin, and the Neoclassics // Oxford University Press. 1977. Vol. 29. No. 3. Pp. 357–369.
10. *Moggridge D., Howson S.* Keynes on monetary policy, 1910–1946 // Oxford Economic Papers. 1974. Vol. 26. No. 2. Pp. 226–247. DOI: 10.1093/oxfordjournals.oep.a041285.
11. *Cooper R., Dornbusch R., Hall R.* The Gold Standard: Historical Facts and Future Prospects // Brookings Papers on Economic Activity. 1982. Vol. 13(1). Pp. 1–56. DOI: 10.2307/2534316.
12. *Calomiris C., Wheelock D.* Was the Great Depression a Watershed for American Monetary Policy? // NBER Chapters, in: The Defining Moment: The Great Depression and the American Economy in the Twentieth Century. 1998. Pp. 23–65. DOI: 10.3386/w5963.
13. *Barsky B., Kilian L.* Do We Really Know that Oil Caused the Great Stagflation? A Monetary Alternative // NBER Macroeconomic Annual 2001, Cambridge: MIT Press. 2002. Pp. 137–183. DOI: 10.1086/654439
14. *Romer D., Romer C.* The Evolution of Economic Understanding and Postwar Stabilization Policy // Proceedings – Economic Policy Symposium – Jackson Hole, Federal Reserve Bank of Kansas City. 2002. Pp. 11–78. DOI: 10.3386/w9274.

15. *Bordo M., Orphanides A.* The Great Inflation: The Rebirth of Modern Central Banking // University of Chicago Press, 2013. DOI: 10.1057/ej.2014.19.
16. *Mundell R.* Uncommon Arguments for Common Currencies // Routledge. 1973. Pp. 19–38.
17. *Peter M., Garber A.* The Collapse of the Bretton Woods Fixed Exchange Rate System // University of Chicago Press. 1993. Pp. 461–494. DOI: 10.7208/9780226066905-010.
18. *Papageorgiou S.* What Is Monetarism? // Finance and Development International Monetary Fund. 2014. Vol. 51. No. 1. DOI:10.5089/9781484312025.022.
19. *Taylor J.* Review of Allan H. Meltzer's A history of the Federal Reserve // Journal of Monetary Economics. 2010. Vol. 58. Pp. 183–189. DOI: 10.1016/j.jmoneco.2010.10.009.
20. *Blanchard O.* The Lucas Critique and the Volcker Deflation // The American Economic Review. 1984. Vol. 74. No. 2. Pp. 211–215.
21. *Friedman M.* A Program for Monetary Stability // Fordham University Press. 1959. Pp. 1–132.
22. *Friedman B.* Monetary Policy // NBER Working Paper No. w8057, 2002. DOI:10.3386/w8057.
23. *Thiessen G.* Can a bank change? The evolution of monetary policy at the Bank of Canada 1935-2000 // University of Western Ontario. 2000. Pp. 1–13.
24. *Kearns J. Patel N.* Does the Financial Channel of Exchange Rates Offset the Trade Channel? // BIS Quarterly Review. 2016. DOI: 10.1016/j.inteco.2023.100475.
25. *Obstfeld M. Rogoff K.* The Mirage of Fixed Exchange Rates // Journal of Economic Perspectives. 1995. Vol. 9. No. 4. Pp. 73–96. DOI: 10.2307/2138391.
26. *Taylor J.* The Role of the Exchange Rate in Monetary Policy Rules // American Economic Review. 2001. Vol. 91. No. 2. Pp. 263–267.
27. *Mishkin F.* Will Monetary Policy Become More of a Science? // Monetary Policy Over Fifty Years: Experiences and Lessons, Routledge. 2009. Pp. 81–107.
28. *Friedman M.* Inflation: Causes and Consequences // New York: Asia Publishing House, 1963.
29. *Samuelson P., Solow R.* Analytical Aspects of Anti-Inflation Policy // American Economic Review. 1960. Vol. 50. Pp. 177–194.
30. *Friedman M.* The Role of Monetary Policy // American Economic Review. 1968. Vol. 58. Pp. 1–17.
31. *Goodfriend M., King R.* The New Neoclassical Synthesis and the Role of Monetary Policy // NBER Macroeconomics Annual. Cambridge: MIT Press. 1997. Pp. 231–283.
32. *Woodford M.* Interest and Prices: Foundations of a Theory of Monetary Policy // Princeton University Press, 2003.
33. *Mishkin F.* Monetary Policy Strategy: Lessons from the Crisis // NBER Working Papers 16755, National Bureau of Economic Research, 2011. DOI: 10.3386/w16755.
34. *Slovik P., Cournède B.* Macroeconomic Impact of Basel III // OECD Economics Department Working Papers. 2011. No. 844. OECD Publishing, Paris. DOI: 10.1787/5kghwnhkkjs8-en.
35. *Korinek A., Simsek A.* Liquidity Trap and Excessive Leverage // American Economic Review. 2016. Vol. 106. No. 3. Pp. 699–738. DOI: 10.1257/aer.20140289.
36. *Taylor J.* Discretion versus Policy Rules in Practice // Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy. 1993. Vol. 39. Pp. 195–214. DOI: 10.1016/0167-2231(93)90009-1.
37. *Walsh C.* Inflation Surges and Monetary Policy // IMES Discussion Paper Series 22-E-12, Institute for Monetary and Economic Studies, Bank of Japan, 2022.

Дата поступления рукописи: 27.02.2024 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Беляев Владимир Андреевич – научный сотрудник Международной научной лаборатории «Новые тренды в международных финансах» МГИМО МИД России, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-7422-5515
v.a.belyaeff@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Vladimir A. Belyaev – Researcher at the International Scientific Laboratory “New Trends in International Finance” MGIMO Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-7422-5515
v.a.belyaeff@gmail.com

RESOLVED AND UNRESOLVED PROBLEMS OF MONETARY POLICY:
AN ATTEMPT TO SYSTEMATIZE³

The article examines the main stages in the development of monetary policy over the past century. The author analyzes the impact of crises on changes in its instruments, the growth of the role of banks, and also traces the evolution of the theoretical apparatus of monetary policy under the influence of various economic schools and concepts, starting from the classical school and to the formation of mainstream economic theory. The impact of the development of mainstream economic theory, the 2008 crisis, as well as the COVID-19 pandemic on the ongoing monetary policy is separately considered.

Keywords: *monetary policy, central banks, mainstream economic theory.*

JEL: E580, E520.

³ The publication was supported by MGIMO University “Priority-2030” programme.

В.В. РЫЧКОВ

кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, кредита
и биржевого дела Пермского государственного национального
исследовательского университета

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ НОВОСТЕЙ О САНКЦИЯХ НА ФИНАНСОВЫЕ РЫНКИ РОССИИ^{1,2}

В исследовании обосновывается гипотеза о том, что новости о планируемом введении санкций в режиме реального времени оказывают не меньшее негативное воздействие на финансовые рынки, чем сами факты их введения. В работе предлагается методология количественной стоимостной оценки взаимосвязи между новостями о планах введения санкций, об их фактической реализации и последующей реакции валютного, фондового и кредитного рынков РФ на эти события. Подтверждена гипотеза о том, что сами новости о санкциях, не требуя анализа тональности и эмоциональной составляющей, являются движущей силой изменений на финансовых рынках вне зависимости от факта их введения. На основании сделанных автором расчетов обосновываются два вывода: 1) санкции Запада перестали быть избирательными, а главным образом направлены на максимальное ограничение экономических связей; 2) еще не введенные санкции, рассмотренные в данном исследовании, наиболее ярко иллюстрируют то, что новости о планах санкций сами по себе уже оказывают негативное воздействие и являются движущей силой рынка, независимо от их введения. В работе используется разработанный ранее санкционный новостной индекс (SNI) на основе количества публикаций на эту тему, с помощью которого оценивается влияние новостей о введении санкций на финансовые рынки России. Для подтверждения причинно-следственной связи между новостями о санкциях и финансовыми рынками, измеряемой индексом SNI, использовался метод Грейнджера. В работе значимость фактора санкций, измеряемого индексом SNI, и их влияния на курс рубля была подтверждена посредством построения регрессионной модели с этим показателем в качестве одной из независимых переменных. На основании количественного контент-анализа индекса SNI была предложена методика выделения наиболее значимых санкций для оценки их влияния на финансовые рынки. Также автором была разработана, эмпирически подтверждена и теоретически обоснована единая двухстадийная модель влияния новостей о санкциях на финансовые рынки, объясняющая динамику финансовых рынков на разных этапах объявления и введения санкций.

¹ Публикация подготовлена при поддержке Программы развития МГИМО «Приоритет-2030».

² Автор искренне благодарит рецензентов за огромный труд и помощь в структуризации статьи и полезные обсуждения, редакторов – за тщательную работу с текстом. Автор также выражает благодарность Василине Верхоланцевой – студентке магистерской школы ВШЭ «Финансовые стратегии и аналитика» – за помощь в сборе и обработке данных.

Ключевые слова: Россия, санкции, новости о санкциях, российский рубль, влияние санкций, оценка влияния санкций на валютный рынок, оценка влияния санкций на рынок акций, оценка влияния санкций на кредитный рынок.

УДК: 336.1, 338.1, 339.1

EDN: YKILCZ

DOI: 10.52180/2073-6487_2024_2_71_115

Введение. Анализ существующих теоретических подходов

В своем исследовании автор опирается на существующие теоретические разработки в данной области, но вносит новый элемент, рассматривая не только сами санкции, но и новости о планах их введения в качестве отдельного фактора воздействия. Это в целом согласуется с работами других ученых, таких как Д. Лейси [21], Н.А. Бапата и др. [12], исследовавших возможность разделения процесса введения санкций на несколько этапов, среди которых можно выделить этапы угроз и применения. В частности, особо подчеркивается важность этапа угроз в работе Д. Лейси [21], что в контексте данного исследования можно рассматривать как информирование через каналы СМИ о планах введения торговых санкций.

В большинстве существующих на сегодня работ анализируется влияние уже введенных санкций. Например, во всеобъемлющем исследовании Н.А. Бапата [13] представлены данные, касающиеся 1 412 санкционных мер, введенных с 1945 по 2005 г. Обновленная версия базы данных TIES позволяет более подробно исследовать долгосрочные эффекты и последствия санкций, а также проверять более сложные гипотезы об их применении и успешности. При этом в подобных работах не уделяется должного внимания санкционным новостям и эффекту от них. Между тем, как показывает практика, именно новости о возможных ограничительных мероприятиях часто вызывают большую реакцию на финансовых рынках, чем сами санкции, поскольку «финансовый рынок живет ожиданиями», как отмечается в работе Р.М. Бастиан [14]. Данное обстоятельство не получило достаточного освещения в литературе. В работах таких авторов, как А.В. Алтухов и др. [1], С.А. Афонцев [2], И.Н. Тимофеев и др. [5], Н.А. Соколов и др. [6], рассматриваются либо сами санкции, либо, как в работах Е.А. Федоровой и др. [7; 8; 17], М. Хейрандиш и др. [20], анализируется тональность и эмоциональная составляющая новостей, но не выделяется отдельно влияние именно новостей о планируемых или о возможных санкционных ограничениях.

Для целей данного исследования было очень важно подобрать количественный измеритель санкций, который можно было бы четко

связать с финансовыми рынками. Безусловно, существует большое количество индикаторов санкций. В качестве примера можно привести исследования А.Н. Омельченко и Е.Ю. Хрусталёва [4], Е.А. Федоровой и др. [8; 17], М. Бали и Н. Рапеланоро [10; 11]. Рассмотрим их более подробно. Так, российские ученые А.Н. Омельченко и Е.Ю. Хрусталёв [4] разработали модель индекса интенсивности санкций на примере России, учитывающую не только информацию о доле стран во внешней торговле с Россией, но и такие факторы, как валютный состав внешнего долга, масштабы затронутых санкциями компаний и банков, роль страны в добыче нефти и газа. Результаты исследований показали, что наибольшее влияние оказывают санкции против крупных российских банков. Меньшее значение имеют санкции в нефтегазовом секторе.

Группа других отечественных исследователей выпустила несколько работ, посвященных влиянию санкций на российские финансовые рынки. В исследовании Е.А. Федоровой и др. [8] о влиянии тональности новостей на кредитный рынок в период санкций отмечается, что, несмотря на существенность тональности освещения событий в СМИ, экономические факторы имеют большую значимость, чем эмоциональная окраска новостей в процессе формирования процентных ставок. Выявленное воздействие сентимент-признаков на процентные ставки по кредитам и депозитам тем не менее оказывалось менее значимым, чем влияние прочих экономических факторов. В другой работе Е.А. Федоровой и др., выполненной в 2023 г. и посвященной влиянию санкций на капитализацию отечественных компаний [17], представлены индексы освещения санкций в СМИ (SAN0, SAN1, SAN2) на основе текстового анализа новостных публикаций. Проведено моделирование влияния индексов санкций и тональности новостей на отраслевые фондовые индексы Московской биржи. Показано значительное негативное влияние санкций и тональности новостей на отраслевые индексы. Выявлено, что информация о санкциях и ее тональность влияют на рынок больше, чем фундаментальные макропоказатели. К сожалению, эмпирическая база исследования составила новостные публикации только из одного источника – отечественного интернет-портала *lenta.ru.*, что, на наш взгляд, является значительным ограничением. Также отметим противоречивую оценку значимости влияния санкций на рассмотренные рынки – кредитный и фондовый. Сеем предположить, что, возможно, это объясняется изменением методологии или эмпирической базы данных исследований.

Не обошли своим вниманием данную тему зарубежные исследователи. Так, М. Бали и Н. Рапеланоро [10] предложили мультисценарный индекс санкций, который строится как сумма воздействий отдельных санкций, учитывающих их тип, экономическое влияние страны-инициатора, фактор времени и др. Показано, что новый индекс объ-

ясняет значительно большую долю изменчивости ВВП России. В дальнейшем эти исследователи продолжили развивать свои идеи в новой работе, посвященной санкциям ЕС против России [11], в которой предлагается методология построения индекса экономических санкций путем взвешивания санкций с учетом их типа, способности оказывать экономическое давление и влияния фактора времени. Для проверки эффективности индекса были построены векторные авторегрессионные модели с использованием индекса, как ключевой переменной. Анализ импульсно-ответных функций и декомпозиции дисперсии ошибок прогноза показал, что новый индекс более точно объясняет изменения промышленных цен по сравнению с ранее используемым индексом.

Оценка влияния новостей о введении санкций на финансовые рынки России (авторский подход)

Во многих исследованиях, оценивающих влияние новостей о введении санкций на финансовые рынки, используются макропеременные и показатели экономической статистики, которые выходят с запаздыванием и отражают взгляд в «зеркало заднего вида». При этом сами измерители могут быть разработаны для оценки реакции макропеременных на санкционное воздействие. Например, в работе М. Бали и Н. Рапеланоро [11] указано, что «новый индекс позволяет объяснить до 5% колебаний промышленных цен в России», что не подходит для целей нашего исследования. При этом из всех новостных каналов СМИ в работах в качестве источника информации используется только один российский интернет-ресурс и/или анализ тональности. А результат оценки значимости влияния новостей различается на разных рынках. Это говорит о том, что до сих пор не удалось подобрать единую теоретическую модель для объяснения данного эффекта на всех финансовых площадках. В контексте решения данной задачи, на наш взгляд, для анализа реакции финансовых рынков на новости о санкциях целесообразно использовать профессиональные новостные ресурсы, предназначенные для участников финансовых рынков. Кроме того, учитывая, что инициаторами санкций являются западные страны, логично предположить, что новости о санкционных событиях появятся сначала в зарубежных СМИ, а российские СМИ будут вынуждены быть импортерами данной информации, что неминуемо приведет к ее временному запаздыванию.

В то же время современный этап развития финансовых рынков России характеризуется электронной системой доступа к торгам, большим количеством участников и проведением сделок в режиме реального времени, о чем говорит в своей работе М.А. Лауфер [3]. Это

приводит к тому, что котировки индексов могут меняться чаще, чем раз в секунду. В этой ситуации возникают особые требования к выбору индикатора санкций для нашего исследования, поскольку «при анализе санкционного эффекта (или эффективности санкций) основной проблемой, на наш взгляд, является сложность количественной оценки их влияния. В подавляющем большинстве случаев точно определить их эффект крайне сложно по причине огромного количества факторов, одновременно влияющих (прямо и косвенно)» [4, с. 63]. Как верно отмечается в исследовании Н. Маринова, чтобы надежно оценить влияние санкций, нужен статистический подход, который позволял бы сравнивать результаты при наличии и отсутствии санкций, контролируя влияние других факторов [23]. В нашем исследовании выбор пал на SNI (Sanctions News Index), разработанный нами, подробный расчет которого описан в статье «Оценка влияния торговых санкций на российские финансовые рынки» [27].

Причины, по которым мы выбрали SNI, следующие. Во-первых, индекс SNI был разработан нами для оценки влияния новостей о введении санкций на финансовые рынки России. Для его расчета было проанализировано 37 137 публикаций из 106 новостных источников за период с января 2014 г. по октябрь 2023 г., отобранных по тегам «Россия + Санкции» («Russia + Sanctions»). Значение индекса SNI рассчитывается как количество новостей о санкциях за указанный период, из отобранных по оригинальной методике информационных ресурсов. То есть SNI может рассчитываться в том же режиме – режиме реального времени, как и происходят торги на финансовых рынках (см. Приложение С).

Во-вторых, методом Грейнджера была статистически подтверждена причинно-следственная связь (см. приложение С) индекса SNI с курсом доллара США к рублю (USD/RUB), индексом Мосбиржи (IMOEX)³, индикаторами кредитного рынка RGBI Index (Индекс государственных облигаций России) и RUONIA Index (ставка по депозитам овернайт в рублях), что делает SNI количественным показателем-предиктором для оценки влияния новостей о санкциях на финансовые рынки.

В-третьих, согласно исследованию, проведенному нами ранее [28], значимость фактора санкций, измеряемого индексом SNI, и их влияния на курс рубля была подтверждена посредством построения регрессионной модели с этим показателем в качестве одной из независимых переменных. Коэффициент при SNI в модели оказался статистически

³ Индекс МосБиржи (IMOEX) – взвешенный по капитализации композитный индекс, рассчитываемый на основе цен наиболее ликвидных российских акций крупнейших и динамично развивающихся российских эмитентов, представленных на Московской бирже. Количество участников в индексе может быть разным, но не должно превышать 50.

значимым, а сама модель демонстрирует высокую точность прогноза, подтвердив тем самым вклад фактора санкций в движение рынка (см. Приложение D).

Мы провели расчет индекса SNI с 01 января 2014 г. до 31 октября 2023 г. За этот период, по расчетам автора, в 95 зарубежных новостных источниках, на которых строится SNI, появилось более 9 тыс. новостей о санкциях, относящихся к РФ (см. табл. 1).

Таблица 1

Количество новостей о санкциях до и после начала СВО

Период	Временной диапазон	Количество лет	Количество новостей по тегу «Россия + Торговые санкции» («Russia+ Trade Sanction»)	Количество новостей, вошедших в SNI
До начала СВО	01.01.2014–31.01.2022	8,09	19 936	4 025
После начала СВО	01.02.2022–31.10.2023	1,75	17 201	5 282
Итого		10	37 137	9 307

Источник: рассчитано автором по: данные Bloomberg: <https://www.bloomberg.com>

Как видно из табл. 1, новости с тегами «Россия + Торговые санкции» («Russia + Trade Sanction») стали публиковаться гораздо чаще после начала СВО. Количество значимых новостей, вошедших в SNI после начала СВО, превышает количество новостей, вошедших в SNI до февраля 2022 г., за значительно меньший временной период. Это позволяет сделать вывод об использовании зарубежных СМИ, как важного элемента в механизме вводимых санкций.

Количественный контент-анализ SNI для оценки влияния новостей о введении санкций на финансовые рынки России

Для целей настоящего исследования не представляется возможным проанализировать весь объем антироссийских санкций, поэтому для выделения наиболее значимых санкций мы воспользовались количественным контент-анализом SNI. Это согласуется с исследованиями Н.А. Бапата и др. [12], Ю. Мядвецкой, К. Шале [24], в которых отмечается, что не все ограничительные меры призваны нанести реальный ущерб: некоторые носят демонстративный или предупредительный характер, как часть долговременной стратегии разрешения международных споров.

Учитывая, что SNI является предиктором к финансовым рынкам, мы считали, что если максимальное значение SNI за семь дней до анализируемой даты превышало критический уровень, то это служит сигналом к выявлению значимой санкции (см. табл. 2).

Поскольку в феврале 2022 г. произошло качественное и количественное изменение характера санкций, о чем пишет И.Н. Тимофеев и др. [5], то мы решили повысить значение критического уровня, отсекающего новостной шум от чего-то действительно важного. Критический уровень SNI составил 7 до начала СВО и 30 – после даты начала СВО.

Таблица 2

Изменение характера санкций в отражении SNI до и после начала СВО

Временной диапазон	SNI до 31.01.2022 г.	SNI после 01.01.2022 г.
	Январь 2014 г. – январь 2022 г.	Февраль 2022 г. – октябрь 2023 г.
Среднее значение	1	13
Максимальное значение	30	282
Минимальное значение	0	1

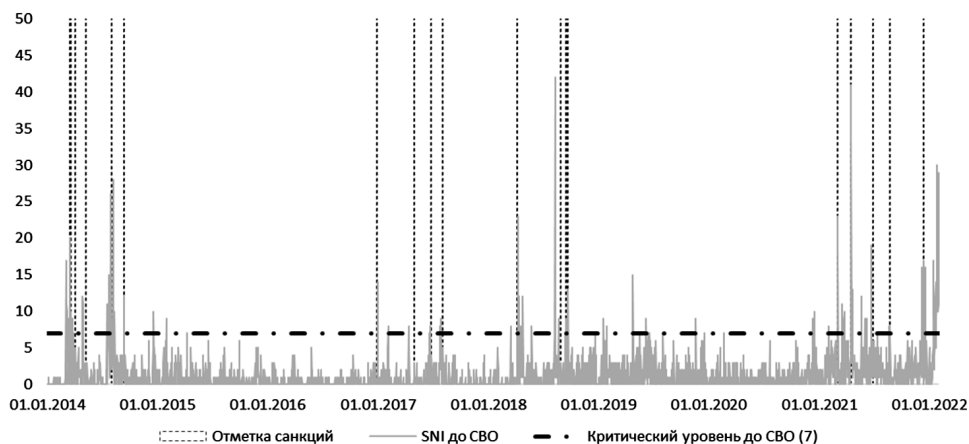
Примечание. Отдельно хотели отметить, почему в качестве критерия между «До» и «После» начала СВО была взята дата 1 февраля 2022. Причина в том, что еще до начала СВО несколько крупных международных информационных агентств выходили с сообщениями о ее начале, которые в последствии оказывались ложными, например 5 февраля Bloomberg. Это повлияло на характер информационного поля до начала СВО. Получилось, что новости о событии опередили фактическое начало.

Источник: рассчитано автором.

Для наглядности мы построили графики SNI до и после начала СВО с отметкой критического уровня (см. рис. 1, 2).

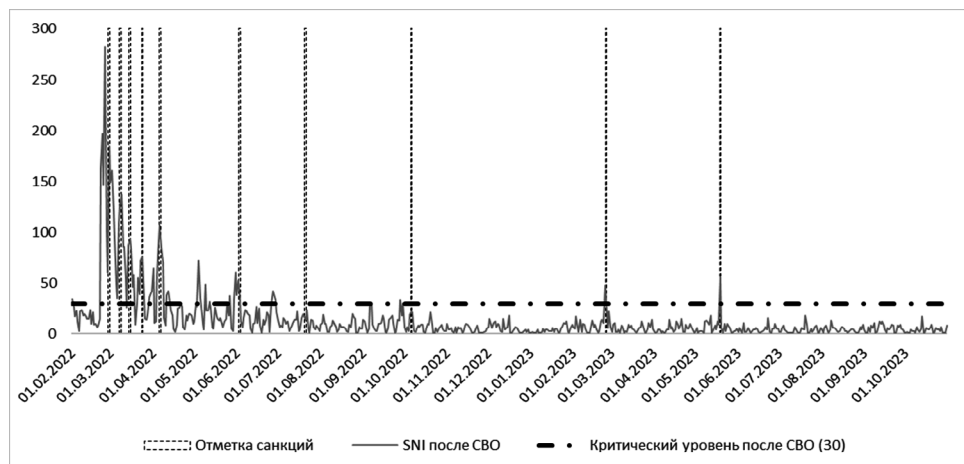
Изменение качества санкций в целом согласуется с мнением российских исследователей данной проблематики, например с мнением И.Н. Тимофеева и др.: «Новое качество санкций. Санкции Запада, во многом оставаясь «таргетированными», «точечными», стали сегодня оружием массового поражения. Их открыто заявляемая цель – нанести максимальный ущерб российской экономике. «Экономические санкции ставят целью создать тяжелые последствия для России за ее действия и эффективно подорвать ее способность продолжать агрессию», – формулирует, например, такую задачу Евросоюз» [5, стр. 10]. Кроме изменения качества санкций, произошло изменение и их количества. Примером может служить расчет количества санкций до и после СВО – 2 695 и 16 077⁴ соответственно.

⁴ <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard> (дата обращения: 27.12.2023 г.).

Источник: рассчитано автором.

Рис. 1. SNI до начала СВО и критический уровень (7) для выявления значимых санкций

Источник: рассчитано автором.

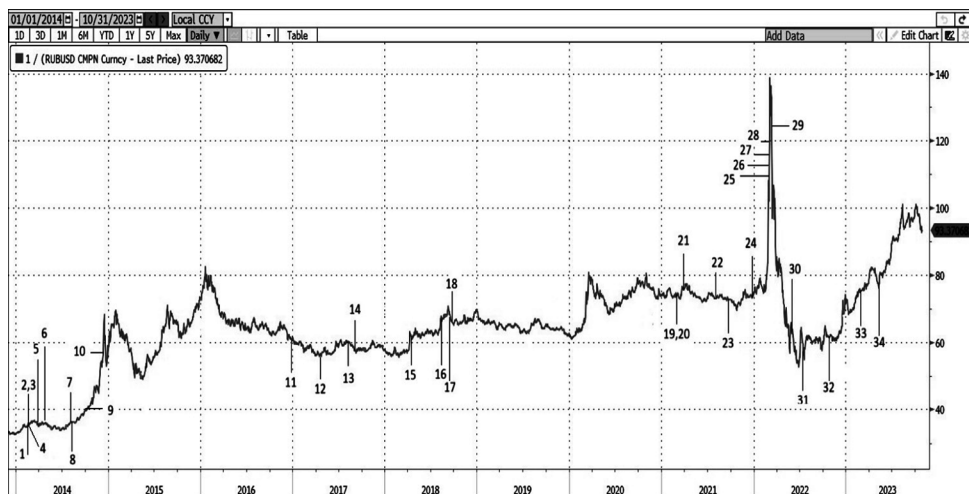
Рис. 2. SNI и критический уровень (30) после начала СВО для выявления значимых санкций

Влияние новостей о санкциях на финансовые рынки РФ с позиций валютного курса

В результате проведенного анализа мы получили 34 основных санкции и 2 702 новости, относящиеся непосредственно к ним. Сами основные санкции, отобранные для целей нашего исследования, отражены в Приложении А.

На рис. 3 отражено влияние основных санкций, которое мы рассмотрим как в аспекте объявления планов о введении, так и о фактическом

их принятии, на примере поведения валютного рынка в этот период. Информационное освещение санкций сопровождает их на протяжении всего жизненного цикла: сначала поступают сообщения о планах, затем о факте введения. Благодаря высокой скорости распространения и восприятия информации, именно текстовые данные используются для принятия решений и совершения оперативных сделок на финансовых рынках. Действительно, проще прочесть заголовок, чем смотреть даже короткий 30-секундный ролик об этом событии. Примерно также работают автоматизированные торговые системы, которые производят операции по определенным тегам в заголовках. Поэтому для оценки влияния новостей о санкциях на финансовые рынки мы использовали именно новости из ресурсов, аккредитованных агентством Bloomberg, то есть те, на которые смотрят профессиональные участники финансовых рынков. В целом влияние новостей о санкциях имеет двухуровневую структуру: сначала участники реагируют на планы введения санкций, и здесь предварительная оценка рисков выполняет роль условного ноля, затем, после действительного введения ограничительных мер, оценивают, насколько факт совпал с ожиданиями.

Источник: рассчитано автором по: данные ЦБ РФ: <https://cbr.ru/>.

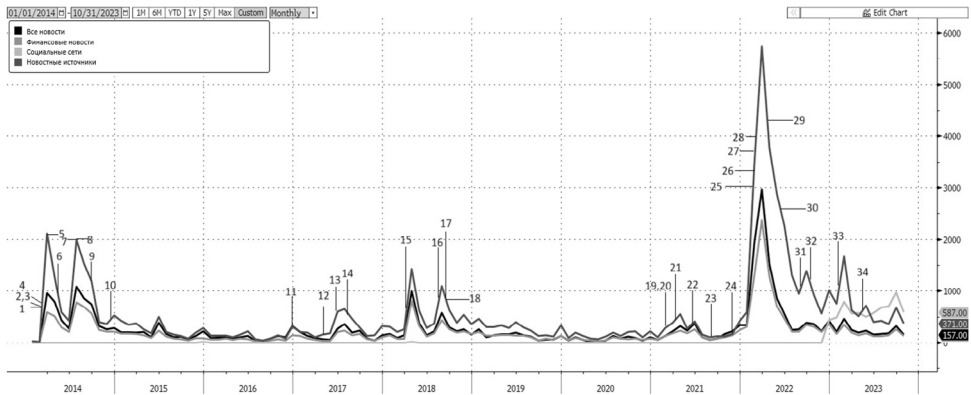
Рис. 3. График курса доллара США к рублю (USD/RUB) и основных санкций

Если посмотреть на рис. 3, то можно увидеть, что новости о санкциях обычно предваряют дальнейший рост обменного курса доллара США к рублю (т.е. ослабление обменного курса рубля против доллара США). На рис. 3 сносками с номером отмечены даты фактического введения санкций, описанных в Приложении А.

На рис. 4 изображено количество новостей по тегу «Россия + Торговые санкции» («Russia + Trade Sanction»), сносками с номером отме-

чены даты фактического введения основных санкций из Приложения А. Хорошо заметно, что пик количества новостей не совпадает с фактом введения санкций.

Таким образом, рис. 3 и рис. 4 иллюстрируют колебания курса доллара США к рублю в связи с введенными экономическими санкциями, подчеркивая несовпадение пика количества новостей и факта введения санкций.

Источник: рассчитано автором по: данные Bloomberg: <https://www.bloomberg.com>.

Рис. 4. График количества новостей с основными санкциями, описанными в табл. 1

Исходя из этого, мы выдвинули гипотезу о том, что новости о санкциях оказывают негативное воздействие и сами по себе являются движущей силой рынка, независимо от последующего факта их введения.

Безусловно, подобные исследования проводились и ранее. В работе Е.А. Федоровой и др. «установлено наличие зависимости между отдельными признаками тональности новостных сообщений о России и объемом ее экспортно-импортных операций. Показано, что санкционное давление создает негативный репутационный фон вокруг России» [7, с. 30]. Отличие нашего исследования в том, что мы считаем, что существует особый тип новостей, который не требует анализа тональности и который оказывает однозначно негативное воздействие на финансовые рынки, – это новости о торговых санкциях. В своем исследовании мы постарались оценить стоимостной эффект данной негативной информации применительно к валютному, фондовому и кредитному рынкам. И среди всего многообразия антироссийских санкций выявили и подробно рассмотрели, в привязке к финансовым рынкам, примеры анонсированных в СМИ, но фактически не введенных ограничительных мер.

В зарубежных исследованиях не подвергается сомнению, что воздействие санкций на торговлю является значительным, отрицательным и статистически значимым. Например, в работе В. Вебеля

и Р. Маркуса используется новостной анализ, но для «сравнения ожидания политиков, средств массовой информации и общественности со взглядами, выраженными в теоретических дебатах, а также с опытом, полученным на основе исторических уроков» [30, с. 130].

Принципиальное отличие нашего исследования в том, что, с одной стороны, мы выделили особую группу новостей, не требующую оценки тональности и эмоциональной составляющей, а с другой – в количественном подходе к оценке краткосрочных эффектов и рассмотрении их влияния именно на финансовые рынки. Это позволило дать более точную количественную стоимостную оценку последствий санкций.

Исследование

Для проверки нашей гипотезы о том, что новости о санкциях оказывают негативное воздействие и сами по себе являются движущей силой рынка, независимо от последующего факта их введения, мы поставили задачу выявить взаимосвязь новостей о планах введения санкций, о фактическом введении санкций с последующей реакцией финансовых рынков на эти события. Для этого мы на основе количественного контент-анализа индекса санкционных новостей SNI выделили 34 основные санкции, чтобы исследовать новости, относящиеся к ним.

В рамках качественного контент-анализа мы нашли несколько примеров с объявленными, но, по тем или иным причинам, не введенными санкциями, которые соответственно не попали в основные (см. Приложение А) по силе воздействия. Однако, на наш взгляд, именно невведенные санкции наиболее ярко подтверждают нашу гипотезу о том, что новости о планах санкций сами по себе оказывают негативное воздействие и являются движущей силой рынка, независимо от их введения. Рассмотрим подробно два примера, подтверждающие данное утверждение.

Пример 1. Тематика ограничений: ЕС и Великобритания вводят санкции в отношении России из-за кризиса на Украине. В табл. 3 приводится выборка, отражающая новости о планах введения санкции и новости об отмене введения санкции. Для каждой новости указан ее источник и дата.

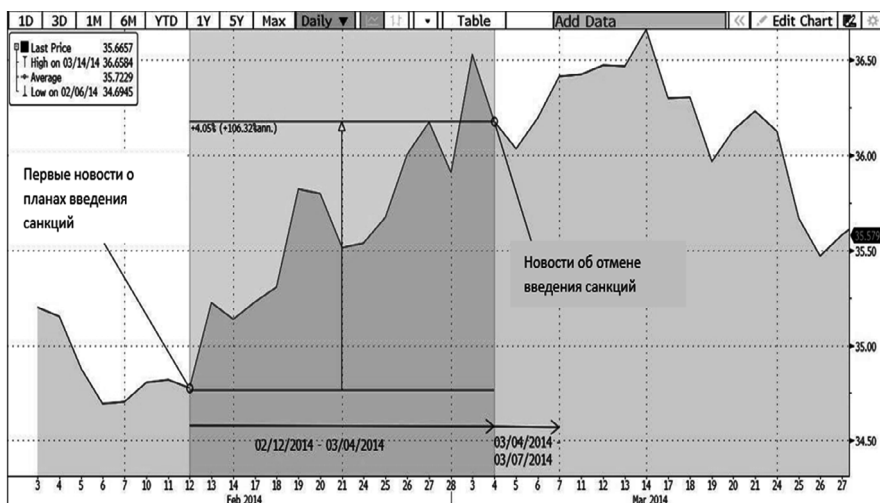
На основании табл. 3 на графике курса доллара США к рублю (USD/RUB) (см. рис. 5) была выделена область новостей о планах введения санкции (пример 1), то есть отмечен временной диапазон, который начинается с момента выхода новости о планах, и заканчивается при появлении новости об отмене санкции.

Новости о планах введения санкций и об отмене их введения

Планы введения санкций		Отмена введения санкций	
Дата	Новость / Источник	Дата	Новость / Источник
12.02.2014 г.	ЕС приближается к введению санкций против Украины / BGV	04.03.2014 г.	Украинский кризис: Великобритания готовится исключить санкции против России на фоне угрозы / VN
16.02.2014 г.	ТУСК ГОВОРИТ, ЧТО ПОРЕКОМЕНДУЕТ ЕС ВВЕСТИ САНКЦИИ НА УКРАИНУ / AFP	04.03.2014 г.	Украинский кризис: Великобритания готовится исключить санкции против России на фоне угрозы / AFP
20.02.2014 г.	ТУСК ГОВОРИТ, ЧТО ПОРЕКОМЕНДУЕТ ЕС ВВЕСТИ САНКЦИИ НА УКРАИНУ / ITA	04.03.2014 г.	Украинский кризис: Великобритания готовится исключить санкции против России на фоне угрозы / ITA
26.02.2014 г.	ЕС согласен ввести санкции против Украины в связи с эскалацией насилия / BGV	04.03.2014 г.	Великобритания исключает экономические санкции против России, сообщает BBC / BFW
02.03.2014 г.	Керри заявил, что США рассматривают возможность введения санкций против России ради Украины / VN	07.03.2014 г.	Лидеры ЕС согласились снизить импортные пошлины для Украины и отложить санкции против России / BFW
03.03.2014 г.	МАРТОНИ ВИДИТ ВОЗМОЖНОЕ ОБСУЖДЕНИЕ ЕС САНКЦИЙ В ОТНОШЕНИИ РОССИИ / VN	07.03.2014 г.	ЕС вводит первоначальные санкции в отношении России / BGV
03.03.2014 г.	ЕС планирует переговоры перед санкциями для смягчения российско-украинского кризиса / ITA		
03.03.2014 г.	ЕС рассмотрит вопрос о санкциях против России и призывает к «деэскалации» / BFW		

03.03.2014 г.	Коморовский заявил, что Польша будет настаивать на санкциях ЕС против России / BFW		
03.03.2014 г.	Мартони видит возможность обсуждения ЕС санкций против России / BGV		
04.03.2014 г.	ЕС грозит ввести «целевые санкции» против России / BN		
04.03.2014 г.	Санкции ЕС против России: 6 направлений маневра / BGV		
04.03.2014 г.	Путина вряд ли отпугнут санкции; ЕС зависит от российской нефти / BFW		
04.03.2014 г.	Гаагт а Великобритании: «Возможности открыты» по санкциям против России / BFW		
Диапазон новостей	12.02.2014–04.03.2014 г.	Диапазон новостей	04.03.2014–07.03.2014 г.

Примечание: описание источников приведено в Приложении В. Перевод автора.

Источник: рассчитано автором по: данные ЦБ РФ: <https://cbr.ru/>; Bloomberg: <https://www.bloomberg.com>.

Рис. 5. Новости о том, что ЕС и Великобритания вводят санкции в отношении России из-за кризиса на Украине

Как хорошо заметно на рис. 5, курс доллара США к рублю (USD/RUB) демонстрирует тенденцию к росту в течение всего периода появления новостей о планах введения санкций.

Область графика, выделенная заливкой: 12 февраля 2014 г. появились новости о введении санкции в отношении России со стороны ЕС и Великобритании. Новости о планах введения санкции публиковались до 3 марта 2014 г. В этот период курс доллара США к рублю (USD/RUB) рос. Первые новости об отмене введения санкции датируются 4 марта 2014 г. 3 марта 2014 г. наблюдается пик выделенного графика, далее следует спад.

Небольшой рост после новостей об отмене санкции объясняется новостями о планах введения «других санкций» в отношении России из-за кризиса на Украине со стороны США и ЕС. Санкции были опубликованы 16 и 17 марта 2014 г. соответственно. И как хорошо заметно, курс на них тоже рос, подтвердив нашу гипотезу.

Пример 2. Тематика ограничений: США вводят санкции в отношении российских компаний, связанных с Северным потоком-2. В табл. 4 приводится выборка, отражающая новости о планах введения санкций и новости об отмене их введения (пример 2). У каждой новости указан источник и дата.

Таблица 4

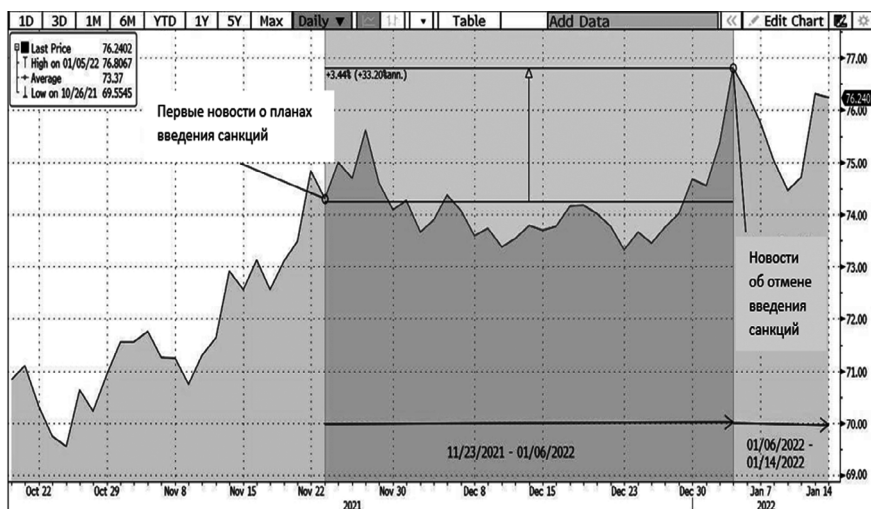
Новости о планах введения санкций и об отмене их введения

Планы введения санкций		Отмена введения санкций	
дата	новость / источник	дата	новость / источник
23.11.2021 г.	США вводят дополнительные санкции в отношении газопровода «Северный поток-2», Россия.../ NS3	06.01.2022 г.	Демократы могут заблокировать санкционный план Круза по «Северному потоку-2» / BFW
24.11.2021 г.	США вводят санкции в отношении связанной с Россией компании Transadria Ltd из-за Северного / WEI	07.01.2022 г.	АДМИНИСТРАЦИЯ БАЙДЕНА ВЫСТУПАЕТ ПРОТИВ ПОПРАВКИ ТЕДА КРУЗА К «СЕВЕРНОМУ ПОТОКУ-2» / VN
03.12.2021 г.	NBC News: Выступление Байдена против санкций в отношении российского трубопровода ставит демократов в тупик.../ NS1	14.01.2022 г.	Союзники Байдена отклонили заявку на введение санкций в отношении трубопровода Россия-Германия / AFP

Планы введения санкций		Отмена введения санкций	
дата	новость / источник	дата	новость / источник
08.12.2021 г.	«Северный поток-2» снова в центре внимания, поскольку США взвешивают меры России: Карта / BN	14.01.2022 г.	ИТАР-ТАСС: Джонсон и Столтенберг призывают Россию не закрывать дверь для диалога / ИТА
04.01.2022 г.	Краткое содержание законопроекта BGOV: S. 3436, санкции в отношении трубопровода «Северный поток-2» / BGV	14.01.2022 г.	БРИФИНГ по ОБОРОНЕ: Сенат заблокировал законопроект о санкциях против «Северного потока-2» / BGV
Диапазон новостей	23.11.2021–06.01.2022 г.	Диапазон новостей	06.01.2022–14.01.2022 г.

Примечание: описание источников приведено в Приложении В. Перевод автора.

На основании данных табл. 4 была выделена область (см. рис. 6), соответствующая планам введения санкций. Данная часть графика курса доллара США к рублю (USD/RUB) демонстрирует в большей мере повышательную динамику курса, особенно если сравнить начало и конец периода, отмеченного новостями о планах наложения санкций.

Источник: рассчитано автором по: данные ЦБ РФ: <https://cbr.ru/>; Bloomberg: <https://www.bloomberg.com>.

Рис. 6. США вводят санкции в отношении российских компаний, связанных с Северным потоком-2

Область графика на рис. 6, выделенная заливкой: 23 ноября 2021 г. появились новости о планах введения санкций в отношении российских компаний, связанных с Северным потоком- 2. Наблюдался рост курса доллара США к рублю (USD/RUB) до 26 ноября 2021 г. Далее курс падал. Это связано с большим временным разрывом между новостями о планах введения санкции: первые новости 23 и 24 ноября, следующие новости о планах от 3 и 8 декабря, последние новости о планах введения санкции появлялись в период 28 декабря по 6 января. Новости об отмене санкции появились 6 января 2022 г., далее наблюдалось падение курса.

Рассмотренные выше примеры лишней раз доказывают, что даже новости о планах введения санкционных мер оказывают негативное влияние на финансовый рынок страны – цели санкций и могут использоваться как инструмент политического давления, что в целом соответствует теории международных отношений и отражает концепцию «Pain-Gain», о чем говорит в своем исследовании и С.А. Афонцев [2].

Если внимательно рассматривать динамику курса доллара США к рублю (USD/RUB) на рис. 5 и рис. 6, то можно увидеть, что цена не движется линейно, в одном направлении, каждый момент времени. Это связано с большим количеством участников, стратегий и в итоге – сделок, происходящих на валютном рынке. Наше предыдущее исследование, посвященное данному вопросу [28], показало, что санкции являются лишь одним из пяти основных факторов, влияющих на курс рубля. Поэтому для исключения случайных флуктуаций мы ориентировались на среднее изменение цены актива при оценке влияния новостей применительно к отобранным нами основным санкциям (основные санкции, подробные расчеты и их результаты приведены в Приложении А).

Результаты

В результате применения методики отбора значимых санкций нами была проведена следующая работа.

1. Был проанализирован индекс SNI, рассчитанный на основе количества публикаций в международных новостных источниках по тегу «Россия + Санкции».

2. Был установлен критический порог значения SNI, различный для периодов до и после начала специальной военной операции на Украине в феврале 2022 года (7 и 30 соответственно).

3. Были отобраны даты, в которые максимальное значение SNI за 7 предшествующих дней превысило критический порог.

4. Путем качественного анализа контекста соответствующих публикаций были выделены наиболее значимые санкционные меры, упомянутые в новостях около (рядом) этих дат.

5. Были рассчитаны показатели финансовых рынков за периоды до и после введения каждой выделенной санкции для оценки их влияния.

Таким образом, используя количественный пороговый подход, были отобраны наиболее значимые, с точки зрения величины освещения в СМИ, санкционные меры для дальнейшего анализа их последствий. Это позволило избежать субъективных суждений при отборе и обеспечило воспроизводимость результатов для последующих исследователей.

В результате мы получили набор данных из 34 санкции и 2 702 новости, относящиеся непосредственно к ним (см. Приложение А).

Мы провели анализ оценки влияния отобранных санкций на основные отечественные финансовые рынки, рассмотрев воздействие новостей о планах введения санкций на изменение курса доллара США к рублю (USD/RUB), индекса акций Мосбиржи (IMOEX) и индекса государственных облигаций RGBI.

Таблица 5

Изменение бенчмарков основных российских финансовых рынков на новостях о планах введения санкций

	Изменение курса доллара США к рублю (USD/RUB), %	Изменение индекса IMOEX, %	Изменение RGBI Index, %
Среднее	4,43	-2,64	-1,68
Максимальное негативное	91,38	-32,11	-16,29

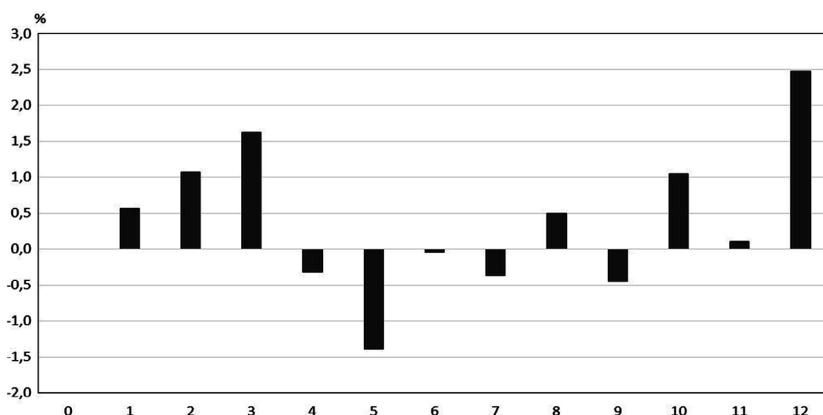
Источник: рассчитано автором.

Получены следующие результаты. В целом курс доллара США растет против рубля на планах введения санкций. Наибольший прирост достигает 91,38%. Среднее изменение подтверждает рост курса на новостях о планах введения санкций: средние цепные темпы в основном растут. Конечно, есть дни, когда наблюдалось снижение. Это обусловлено влиянием сторонних факторов (рис. 7).

Стоимость рынка акций, выраженная через фондовый индекс IMOEX, и рынка государственных облигаций, через индекс RGBI, на новостях о планах введения санкций снижается (см. табл. 5).

Исходя из полученных данных, мы можем говорить об однозначно негативном влиянии новостей о планах введения санкций на основные отечественные финансовые рынки.

На основании наших расчетов были получены результаты, демонстрирующие изменение курса доллара США к рублю (USD/RUB) в ответ на новости о факте введения санкций.

Источник: рассчитано автором.

Рис. 7. Динамика курса доллара США к рублю (USD/RUB) с момента объявления о планах введения санкций, дни

Таблица 6

**Изменение бенчмарков основных российских финансовых рынков
в ответ на новости о факте введения санкций**

	Изменение курса доллара США к рублю (USD/RUB), %	Изменение индекса IMOEX, %	Изменение RGI Index, %
Среднее	-0,61	0,88	0,60
Максимальное позитивное	-23,01	9,43	9,47

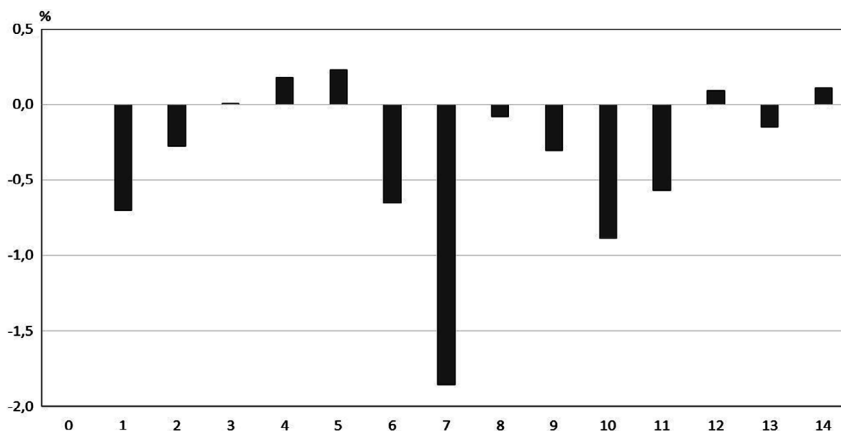
Источник: рассчитано автором.

Стоимость рынка акций, выраженная через фондовый индекс IMOEX, и рынка государственных облигаций, через индекс RGI, при появлении новостей о введении санкций, растет.

В среднем курс доллара США к рублю падает на новостях о факте введения санкций (рис. 8).

На рис. 8 среднее изменение наглядно показывает падение курса рубля по отношению к доллару США при появлении новостей о введении санкций: цепные темпы прироста в большинстве дней снижаются. Наибольшее падение наблюдается на следующий день и через неделю.

Исходя из полученных данных, мы можем говорить об умеренно позитивном влиянии новостей о факте введения санкций на основные отечественные финансовые рынки. На наш взгляд, это связано с чрезмерной, а возможно, и спекулятивной реакцией участников рынка: когда при появлении новостей о санкционных рисках активы сначала продаются, и в результате их стоимость снижается (см. табл. 5, рис. 7).

Источник: рассчитано автором.

Рис. 8. Динамика курса доллара США к рублю (USD/RUB) с момента объявления о фактическом введении санкций, дни

Таким образом, когда появляются фактические новости о наложении санкции, все оказывается не так и плохо, так как активы частично выкупаются теми, для кого риски отечественного рынка выглядят относительно приемлемыми (см. табл. 6, рис. 8).

Однако если говорить об общем влиянии новостей о планируемых и фактически введенных основных санкциях, то полного восстановления стоимости рынков после факта принятия санкции, безусловно, не происходит, и в целом санкции оказывают однозначно негативное влияние (см. табл. 7). Среднее значение количества дней между публикацией новостей о планах и их введением – 12, среднее значение количества дней между фактом введения санкций и датой публикации об этом – 14, для проведения данного расчета.

На основе нашего исследования можно сделать вывод, что при объеме внешней торговли России в \$850 млрд⁵, капитализации ИМОЕХ в 60 трлн руб.⁶ и объеме рынка государственных облигаций в 20 трлн руб.⁷ одно новостное санкционное событие наносит ущерб в размере \$32,5 млрд, 1,1 трлн руб. и 0,2 трлн руб. соответственно. Безусловно, это всего лишь усредненные ориентиры, тем не менее они могут быть применены для экспресс-анализа последствий санкций.

⁵ Федеральная таможенная служба: официальный сайт. 2023. <https://customs.gov.ru/press/pressa-o-nas/document/386101> (дата обращения: 30.11.2023).

⁶ Минфин России: официальный сайт. – 2023. https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=38677-aleksei_yakovlev_kapitalizatsiya_rossiiskogo_rynka_aktсии_dostigla_57_trln_rublei_vmesto_37_trln_rublei_godom_ranee (дата обращения: 30.11.2023).

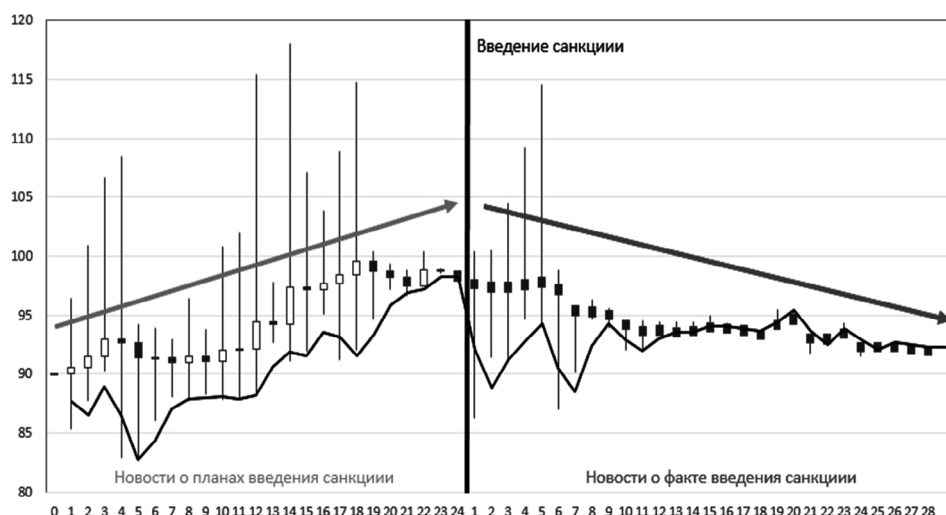
⁷ Информационное агентство Сbonds: официальный сайт. 2023. <https://cbonds.ru/indexes/4695/?ysclid=lqjs7ejp6l93454493> (дата обращения: 30.11.2023).

Средние изменения бенчмарков основных российских финансовых рынков в результате суммарного влияния новостей о планах, фактическом введении санкций и оценка ущерба

	Курс доллара США к рублю (USD/RUB)	IMOEX	RGBI Index
Среднее изменение, %	3,82	-1,77	-1,07
Объем рынка	850 млрд долл.	60 трлн руб.	20 трлн руб.
Оценка ущерба	32,5 млрд долл.	1,1 трлн руб.	0,2 трлн руб.

Источник: рассчитано автором по: данные Федеральной таможенной службы; Минфина РФ; ИА Cbonds.

Если использовать курс 90 руб. за доллар США как базу и брать усредненные новости о планах введения санкций, то на них курс растет в среднем на 7,94 руб., а на факте снижается на 6,32. Тени «свечей» отражают внутридневные колебания, в рамках рассмотренных в данном исследовании санкционных кейсов (рис. 9).

Источник: рассчитано автором.

Рис. 9. Усредненное поведение курса доллара США к рублю (USD/RUB)

Мы провели анализ 34 случаев санкций. Количество санкционных инцидентов, подтверждающих предположение о росте курса на планах и падении на факте, составляет 10. Количество санкционных случаев, в которых курс растет и на планах, и на фактах, составляет 8. Из общего числа изученных 34 санкционных случаев, гипотеза о росте курса на планах подтверждается в 18 из них.

В рамках проблемы оценки влияния санкций была выделена задача количественной оценки краткосрочного эффекта новостей о санкциях на динамику основных российских финансовых рынков. Данная исследовательская задача была успешно решена путем применения и расчета на новом временном периоде индекса санкционных новостей SNI, позволяющего оценить объем информации о потенциальных санкциях в СМИ, а также построения модели взаимосвязи SNI с ключевыми макроэкономическими показателями и финансовыми индексами с помощью статистических методов анализа временных рядов. Также была разработана методика выделения значимых санкций. Все это позволило провести количественную оценку краткосрочного влияния новостей о санкциях на валютный курс, фондовый рынок и рынок государственных облигаций России.

Опираясь на полученные результаты исследования, предлагаем рассмотреть двухстадийную модель влияния новостей о санкциях (см. рис. 9) на отечественные финансовые рынки.

Стадия 1. Объявления новостей о планах введения санкций. На этой стадии в СМИ публикуются сообщения о намерениях ввести ограничительные меры в отношении РФ. Эмпирические данные нашего исследования подтверждают, что появление таких новостей оказывает негативное влияние на финансовый рынок. Динамика основных финансовых индикаторов демонстрирует тенденцию к снижению – курс национальной валюты растет, цены на акции и облигации падают.

Это объясняется тем, что новости об угрозе будущих санкций воспринимаются участниками рынка как увеличение политических и экономических рисков. Цель данной стадии – оказать максимальное давление через информационные каналы и сформировать негативный новостной фон перед реальным введением санкций.

Стадия 2. Реализации объявленных санкций. На этой стадии вводятся уже фактические ограничительные меры, о которых ранее сообщалось в СМИ. Исследование показывает, что на этой стадии динамика финансовых рынков – обратная первой стадии: курс национальной валюты снижается, цены на активы растут.

Это объясняется тем, что после первоначальной негативной реакции рынка на угрозу санкций их фактическое введение оценивается относительно ожиданий и возможных рисков стадии 1. И если риски оказались меньше, то фактические санкции воспринимаются как менее серьезная угроза, чем предполагалось. Происходит частичное восстановление стоимости. В целом реакция финансовых рынков на факт введения санкций является умеренно позитивной, что может также объясняться чрезмерной, а возможно, и спекулятивной реакцией участников рынка на первоначальные новости о санкционных рисках.

Таким образом, предлагаемая модель позволяет оценивать динамику финансовых рынков на каждой из стадий воздействия новостей о санкциях, подтверждая их значимое негативное влияние на начальной стадии объявления угроз.

Данная модель находится на стыке нескольких экономических дисциплин. Ее разработка основана на исследованиях, относящихся к макроэкономической теории, в частности, к направлению, связанному с изучением механизмов формирования ожиданий экономических агентов и их влияния на макроэкономическую динамику; на исследованиях, посвященных поведенческим финансам, теории международных отношений и санкциям. Рассмотрим теоретическое обоснование модели с точки зрения данных подходов. Начнем с теории рациональных ожиданий.

Стадия 1 – реакция на объявление о санкциях. Теория рациональных ожиданий предполагает, что экономические агенты используют всю доступную информацию для формирования своих ожиданий, что отражено в работах Б. Фридмана [18]. В этом контексте новость о санкциях может вызвать неопределенность на рынке, поскольку она представляет собой новую информацию, которая может повлиять на будущие экономические условия. Это соответствует выводам Фридмана, который исследовал влияние различных факторов на поведение индивидов и групп [18].

Стадия 2 – долгосрочные последствия санкций. Согласно теории рациональных ожиданий, экономические агенты адаптируют свои ожидания в ответ на фактические изменения в экономической среде [18]. В этом контексте долгосрочные последствия санкций могут изменить экономическую среду, что, в свою очередь, может привести к изменению ожиданий агентов и, следовательно, к колебаниям в обменном курсе, что соответствует работам, посвященным данной тематике (см., например: [18; 22; 31]).

Таким образом, модель позволяет интерпретировать двухстадийную динамику финансовых рынков как реакцию на рациональные ожидания экономических агентов, формируемые в условиях неопределенности.

Поведенческие финансы, рассмотренные в работе Д. Канемана и А. Тверски [19], – это область исследований, которая объединяет психологию и экономику для объяснения решений, принимаемых инвесторами и другими участниками рынка. Важно отметить, что теория рациональных ожиданий и поведенческие финансы – это две не взаимоисключающие области исследований, и они могут быть использованы вместе для объяснения различных аспектов принятия решений в условиях неопределенности. В контексте нашего вопроса двухстадийная модель реакции на санкции может быть связана с двумя ключевыми концепциями поведенческих финансов – эффектом якорения и эффектом недооценки/переоценки. Эффект якорения про-

является, когда инвесторы принимают решения, опираясь на информацию, которую они получили первой. В контексте санкций новости о возможных санкциях могут служить «якорем», вызывая негативную реакцию на рынке и приводя к продаже активов. *Эффект недооценки/переоценки* связан с тем, что инвесторы склонны переоценивать вероятность наступления негативных событий. При появлении новостей о санкциях участники рынка могут переоценить их потенциальный ущерб, что приводит к снижению стоимости активов. Однако когда фактические новости о введении санкций оказываются менее негативными, чем ожидалось, рынок испытывает обратную реакцию, и активы начинают откупаться. Таким образом, двухстадийная модель реакции на санкции может быть интерпретирована как проявление этих двух эффектов в поведенческих финансах. Однако стоит отметить, что поведение рынка может быть также обусловлено множеством других факторов, включая политические, экономические и социальные условия.

Наиболее подходящим для обоснования теоретической модели влияния новостей о санкциях на финансовые рынки представляется институциональный подход, который, на наш взгляд, максимально полно позволяет учесть все аспекты проблемы. Именно он позволяет рассмотреть санкции как институт международной политики, который направлен на достижение определенных целей, проанализировать механизм воздействия санкций как института на финансовые рынки и участников этих рынков, изучить роль международных организаций и режимов в трансляции эффекта санкций, учесть как интересы государств, вводящих санкции, так и возможную реакцию других стран, сочетать объективные факторы (например, ограничения доступа к ресурсам) и более субъективные аспекты (например, ожидания рынка).

Мир-системный анализ, являясь разновидностью институционализма, поскольку рассматривает мировую экономику как ключевой институт, определяет взаимоотношения между государствами. С позиции мир-системного анализа И. Валлерстайна [32; 33; 34] влияние новостей о санкциях на финансовые рынки можно объяснить следующим образом. В рамках существующей мировой экономической системы отдельные страны играют разные роли – центр, периферия, полупериферия. Государства центра (США, страны Западной Европы) обладают наибольшей экономической и политической властью в системе. Одним из инструментов влияния государств центра на другие страны являются санкции, направленные на изменение их политики. Объявление новых санкций сигнализирует об ужесточении политического давления и росте экономических рисков для стран – адресатов санкций. Эта информация быстро распространяется через глобальные финансовые рынки, интегрированные в рамках мировой экономической системы. Участники рынка начинают снижать риски своих инвестиций в санкциони-

руемые страны. В результате новости о санкциях оказывают негативное влияние на финансовые рынки за счет изменения ожиданий о потенциальных рисках в рамках глобальной мировой экономической системы.

Разработанная модель может быть также объяснена с позиций концепции мягкой силы Р. Пайп [26], Р. Эллиот и др. [16], Х. Аскарри [9] и подхода «боль-выгода» Дж. Най [25]. Так, на стадии объявления санкций информация об угрозе санкций наносит «боль» в виде неопределенности и рисков финансовым активам. Однако эффект «выгоды» при этом отсутствует, поскольку реальных ограничений еще нет. Рынок реагирует на «боль» без компенсирующей «выгоды». На стадии реального введения санкций происходит переход к принуждению уже через жесткие ограничительные меры. Однако если санкции оказываются менее строгими, чем опасался рынок, наступает эффект «выгоды» – компенсация «боли» первой стадии. Рыночные агенты получают облегчение в виде меньших, чем ожидалось, потерь. Это создает компенсирующий положительный эффект. Таким образом, данная модель отражает логику взаимодействия «боли» и «выгоды» на разных этапах применения мягкой и жесткой силы в рамках санкционного воздействия.

Предложенная модель изучения влияния новостей о санкциях на финансовые рынки согласуется и с концепцией последовательных этапов применения санкций, предложенной такими исследователями, как Д. Лейси [21], Н.А. Бапат и др. [12]. Указанные авторы выделяют несколько стадий санкционного воздействия, в том числе этапы угроз и фактического применения ограничительных мер. При этом Д. Лейси [21] подчеркивает значимость начального этапа угроз для достижения поставленных целей. Данный подход в целом согласуется с логикой предлагаемого в настоящей статье исследования, где информационное освещение планов введения санкций в средствах массовой информации рассматривается как неотъемлемая составляющая процесса их применения.

Итак, двухстадийная модель влияния новостей о санкциях на финансовые рынки удовлетворяет следующим условиям. Во-первых, эмпирические данные нашего исследования подтвердили, что появление санкционных новостей оказывает негативное влияние на финансовый рынок. Во-вторых, двухстадийная модель может быть обоснована с точки зрения имеющихся экономических подходов. В-третьих, двухстадийная модель имеет логическую непротиворечивость механизмов, заложенных в модель. Описанные этапы влияния новостей и динамика рыночных показателей в результате доказанного их воздействия представляют собой логически согласованный процесс, не содержащий противоречий.

Таким образом, на основании наличия указанных факторов данную модель можно считать и эмпирически подтвержденной, и теоретически обоснованной.

Дискуссия

Если говорить об исследованиях, посвященных анализу влияния новостей на финансовые рынки, то часто встречаются работы, рассматривающие нашу гипотезу абсолютно в другом ракурсе. Например, М. Хейрандиш и др. [20] использовали анализ для оценки влияния недавних санкций на их отражение в СМИ. Мы же говорим о том, что даже отсутствие фактического введения санкций, а только планы об их введении, освещенные в СМИ, являются самостоятельным событием, оказывающим негативное влияние на финансовые рынки.

Во многих работах отечественных исследователей анализируется влияние санкций и в целом отмечается их негативное воздействие, однако в работе А.В. Алтухова и др. [1] анализируется частное влияние, например на отрасли, в работе Н.А. Соколова и др. [6] говорится о том, что российская экономика очень быстро адаптировалась, несмотря на явные потери притока капитала, – воздействие санкций оказалось не так велико, что подтверждается анализом квартальных и годовых показателей экономической статистики. В своей работе М. Даи [15] связывает силу негативного воздействия санкций со временем и отмечает, что она возрастает с увеличением продолжительности срока действия санкций. Принципиальные отличия нашей работы в том, что мы исследуем дневные и внутридневные данные, и это позволяет оперативно оценивать эффект от введенных санкций.

В работе И.Н. Тимофеева и др. отмечается, что санкции могут иметь позитивное или нейтральное значение: «База заполняется в ежедневном режиме ... Далее мы рассмотрим распределение событий ... сопоставим их количество и качество. Качество событий определяется, во-первых, характером события (положительные, отрицательные, нейтральные). Под положительными понимаются любые действия, которые смягчают или отменяют санкции, дают исключения для отдельных видов деятельности и т. п.» [5, с. 81–82]. Мы же, напротив, показали количественным исследованием то, что новости о санкциях являются однозначно негативными для рынков. Сложно представить, что позитивная новость об отмене санкций для одной компании, при общем негативном санкционном фоне, способна изменить негативную динамику влияния санкций на финансовые рынки.

Рост финансовых рынков на факте введения санкций не должен вводить в заблуждение – это всего лишь часть санкционного эффекта «Угроза – Применение». Его нужно рассматривать в связке «План + Факт» применительно к одной санкционной мере. Это подтверждают данные нашего исследования, что сумма реакции участников рынка «План + Факт» всегда является негативной для финансовых рынков (см. табл. 7). Сделанные нами выводы не противоречат результатам, полу-

ченными другими исследователями. Например, в работе Б.К. Дас и др. говорится о том, что «Мы обнаруживаем, что влияние конфликта между Украиной и Россией на российский фондовый рынок ... составляет – 0,0454... Результат аналогичен результатам предшествующей литературы, в которой также обнаруживается обратная связь между конфликтом между Украиной и Россией и доходностью акций» [29, с. 5, 6].

Проведенный анализ работ предшественников позволяет сделать вывод о том, что достоинством нашей работы является возможность количественно оценить воздействие санкций еще до их введения, только на основании планов и в режиме реального времени.

Подтвержденная гипотеза и рассмотренные примеры позволяют сделать вывод о том, что даже новости о планах введения санкционных мер оказывают негативное влияние на финансовый рынок страны и могут использоваться как инструмент политического давления. Таким образом, реализуется парадокс экономических санкций, когда экономические меры применяются как средство достижения политических целей.

Кроме того, в исследовании эмпирически подтверждена и теоретически обоснована двухстадийная модель влияния новостей о санкциях на отечественные финансовые рынки. Как отмечалось нами ранее, среди отечественных исследователей нет единой модели для определения влияния новостей о санкциях на все финансовые рынки [4; 7; 8; 17], порой разнятся даже оценки – от незначительного [8], до значимого [17]. Мы же предлагаем общую модель, описывающую поведение основных финансовых рынков. Модель подтверждена эмпирически и согласуется с основными экономическими дисциплинами, рассматривающими этот вопрос, – с теорией рациональных ожиданий, поведенческими финансами, мир-системным анализом.

Несмотря на многолетний опыт применения экономических санкций, их эффективность как инструмента влияния на внешнюю политику других государств остается низкой. Однако санкции продолжают активно использоваться в мировой политике. Это свидетельствует о том, что их основная цель заключается не столько в достижении заявленных результатов, сколько в оказании психологического давления на оппонента посредством демонстрации готовности к эскалации конфликта. Таким образом, экономические санкции функционируют преимущественно как инструмент политической дипломатии устрашения, а не как эффективное средство реализации внешнеполитических целей, что в целом согласуется с работами, посвященными исследованию данного вопроса. «Вопросы мирного урегулирования политических конфликтов должны решаться политическими (прежде всего переговорными), а не экономическими инструментами», говорится в исследовании С.А. Афонцева [2, с. 197].

Возвращаясь к нашему исследованию, отметим, что основными ограничителями для получения более информативных результатов данной работы следует считать следующие. Рассмотрены только три основных рыночных бенчмарка: курс доллара США к рублю, индекс ММВБ и индекс государственных облигаций. Не проанализировано влияние санкционных новостей на другие сегменты финансового рынка, другие валюты и т. д.

Проведена оценка влияния санкций на финансовые рынки в краткосрочном периоде: около 3-х недель до и 4-х недель после факта введения санкций. Не проводился анализ долгосрочной динамики и последствий санкций. Эффекты, выявленные в рамках исследованного периода 2014–2023 гг., могут со временем исказиться или меняться под воздействием иных факторов.

Заключение

Наверное, еще 10–15 лет назад невозможно было не только проведение исследования, но и само существование такой степени информационного воздействия на всех участников финансовых рынков. Полученные данные демонстрируют, что новости становятся мощным инструментом геополитического влияния в условиях глобализации и цифровизации. На основании проведенного исследования можно сделать следующие теоретические выводы.

В аспекте теории международных отношений и применения международных санкций была подтверждена концепция использования новостей как эффективного инструмента «мягкой силы» в рамках международной политики, основанная на эффекте «Pain-Gain». Даже потенциальная угроза введения санкций, освещаемая в СМИ, оказывает значимое негативное давление на финансовые рынки целевой страны. Выявлен механизм использования информационного пространства для достижения геополитических целей путем давления на участников финансовых рынков в другой стране. Показана роль информационного пространства в формировании санкционной повестки и его возможное использование. Продемонстрирована максимальная эффективность санкций на этапе угроз через публикацию новостей о планах введения санкций как инструмента принуждения при решении международных конфликтов, а также значительное снижение их эффекта на финансовых рынках на этапе применения.

Среди огромного количества антироссийских санкций выявлены значимые санкции, что в целом согласуется с тем, что не все санкционные меры призваны нанести реальный ущерб, а являются частью стратегического плана по оказанию давления на страну-мишень. Проведен расчет SNI на новом (по сравнению с предыдущими работами)

временном периоде. На основе анализа большого количества новостей и значений индекса SNI эмпирически подтверждено, что до февраля 2022 г. санкции носили скорее сигнальный характер, а после начала СВО их интенсивность значительно возросла.

В аспекте значимости СМИ как способа влияния, показана возможность использования СМИ государствами для усиления совместных санкционных действий. Через количество новостей поддерживается единый нарратив о масштабности и неизбежности санкций, чем, по сути, повышается их эффективность. Раскрыт механизм влияния санкционных новостей. Максимально негативное влияние на финансовые рынки проявляется в день публикации первой новости о планах введения санкций. Далее СМИ переходят от описания «угроз» – планов введения к описанию «результата» – факта реакции финансовых рынков, хотя фактически это не является результатом введенных санкций, скорее – это реакция участников финансовых рынков, часто усиленная спекуляциями и паникой, что, в свою очередь, усиливает психологическое давление на участников рынка и население, и в конечном итоге закольцовывает тему реализации санкционной угрозы в информационном поле. Продемонстрирована актуальность изучения информационного фактора в текущих условиях политического противостояния. Подтверждена быстрота воздействия медийных сообщений на поведение участников финансовых рынков. Анализ СМИ становится важным инструментом понимания геополитических процессов.

В аспекте финансовых рынков, оценки рисков и ущерба выявлен особый тип новостей – сообщения о планируемых санкционных мерах, которые оказывают влияние на рынки и их оценка не требует анализа тональности и эмоциональной составляющей. Это расширяет представления о механизмах действия новостной информации на финансовых рынках. При этом публикация новостей о планах введения санкций наносит мгновенный ущерб через снижение стоимости национальной валюты, стоимости российских активов и роста стоимости заимствования на рынке государственных облигаций.

Надеемся, что в дальнейшем новые исследователи данной проблематики раскроют, дополнят и уточнят полученные нами результаты.

Приложение А
Изменение курса USDRUB, индекса IMOEX до и после введения санкций

№	Страна введения санкций	Наименование санкций	Дата публикации первой новости о введении санкций	Курс USDRUB	IMOEX	RGBI Index	Дата введения санкций	Дата, предшествующая дате введения санкций (дата введения – 1)	Курс USDRUB	IMOEX	RGBI Index	Дата через неделю после введения санкций	Курс USDRUB	IMOEX	RGBI Index	Изменение курса USDRUB до введения санкций, %	Изменение курса USDRUB после введения санкций, %	Изменение индекса IMOEX до введения санкций, %	Изменение индекса IMOEX после введения санкций, %	Изменение RGBI Index до введения санкций, %	Изменение RGBI Index после введения санкций, %
1	США	Ограничительные меры в отношении российских физических и юридических лиц в связи с событиями на Украине	03.03.2014	36,53	1288,81	128,17	16.03.2014 (вск)	14.03.2014	36,57	1237,43	123,40	24.03.2014	36,10	1297,91	124,40	0,09	-1,29	-3,99	4,89	-3,72	0,81
2	ЕС	Ограничительные меры в отношении российских физических и юридических лиц в связи с событиями на Украине	03.03.2014	36,53	1288,81	128,17	17.03.2014	14.03.2014	36,57	1237,43	123,40	24.03.2014	36,10	1297,91	124,40	0,09	-1,29	-3,99	4,89	-3,72	0,81
3	Канада	Ограничительные меры в отношении российских физических и юридических лиц в связи с событиями на Украине	нет новостей				17.03.2014	14.03.2014	36,57	1237,43	123,40	24.03.2014	36,10	1297,91	124,40	-1,29			4,89		0,81
4	США	Ограничительные меры в отношении российских физических и юридических лиц в связи с событиями на Украине	18.03.2014	36,25	1335,86	124,66	20.03.2014	19.03.2014	36,18	1319,02	124,90	27.03.2014	35,62	1331,93	125,67	-0,17	-1,56	-1,26	0,98	0,19	0,62
5	США	Ограничит меры в отношении российских физических и юридических лиц в связи с событиями на Украине	20.03.2014	36,29	1320,50	124,71	03.04.2014	02.04.2014	35,45	1375,33	126,38	10.04.2014	35,56	1367,71	127,14	-2,58	0,30	4,00	-0,41	1,34	0,60
6	США	Ограничительные меры в отношении российских физических и юридических лиц в связи с событиями на Украине	28.04.2014	35,85	1299,13	123,63	08.05.2014	07.05.2014	34,94	1363,48	125,03	15.05.2014	34,78	1381,99	126,17	-2,54	-0,47	4,95	1,36	1,13	0,91
7	ЕС	Ограничительные меры в отношении российских физических и юридических лиц в связи с событиями на Украине	16.07.2014	34,42	1474,72	127,57	31.07.2014	31.07.2014	35,68	1379,61	123,75	07.08.2014	36,29	1333,53	121,71	3,67	1,68	-6,45	-3,34	-2,99	-1,65

Продолжение табл. со с. 99

№	Страна введения санкций	Наименование санкций	Дата публикации первой новости о введении санкций	Курс USD/RUB	IMOEK	RGI Index	Дата введения санкций	Дата, предшествующая дате введения санкций (дата введения - 1)	Курс USD/RUB	IMOEK	RGI Index	Дата через неадекватное введение санкций	Курс USD/RUB	IMOEK	RGI Index	Изменение курса USD/RUB до введения санкций, %	Изменение курса USD/RUB после введения санкций, %	Изменение индекса IMOEK до введения санкций, %	Изменение индекса IMOEK после введения санкций, %	Изменение RGI Index до введения санкций, %	Изменение RGI Index после введения санкций, %
8	Великобритания	Ограничительные меры в отношении российских физических и юридических лиц в связи с событиями на Украине	21.07.2014	35,20	1384,50	125,52	01.08.2014	31.07.2014	35,68	1379,61	123,75	08.08.2014	36,26	1348,21	121,74	1,38	1,61	-0,35	-2,28	-1,41	-1,62
9	США	Секторальные отряды (финансы, оборон и энергетики, секторы)	28.08.2014	36,78	1423,78	123,20	12.09.2014	11.09.2014	37,52	1449,63	122,72	19.09.2014	38,54	1431,58	123,19	2,01	2,72	1,82	-1,25	-0,39	0,38
10	США	Ограничительные меры в отношении российских физических и юридических лиц в связи с событиями на Украине	03.12.2014	53,16	1606,84	116,49	18.12.2014	18.12.2014	61,50	1477,27	104,97	25.12.2014	52,52	1408,54	105,25	15,70	-14,61	-8,06	-4,65	-9,89	0,27
11	США	Ограничительные меры в связи с кибератаками на правительственные сайты США	23.12.2016	61,06	2173,18	134,22	28.12.2016	27.12.2016	60,67	2189,43	134,25	04.01.2017	60,47	2263,90	135,31	-0,63	-0,34	0,75	3,40	0,02	0,79
12	Украина	Ограничительные меры в отношении российских физических и юридических лиц	нет новостей				28.04.2017	28.04.2017	56,93	2016,71	138,34	05.04.2017	56,38	2056,32	136,94		-0,97		1,96		-1,01
13	ЕС	Продление санкций, введенных в 2014 г.	21.06.2017	60,31	1850,81	137,33	23.06.2017	22.06.2017	59,95	1860,05	137,54	30.06.2017	58,94	1879,50	137,82	-0,60	-1,68	0,50	1,05	0,15	0,20
14	США	Расширение и продление ограничительных мер в отношении российских физических и юридических лиц	11.07.2017	60,73	1937,64	136,97	02.08.2017	01.08.2017	60,35	1940,14	137,61	09.08.2017	59,99	1975,91	138,04	-0,62	-0,59	0,13	1,84	0,47	0,31
15	США	Ограничительные меры в отношении российских физических и юридических лиц в связи с событиями на Украине	12.03.2018	56,89	2318,01	144,72	06.04.2018	05.04.2018	57,70	2296,25	144,94	13.04.2018	62,01	2175,16	142,15	1,43	7,47	-0,94	-5,27	0,15	-1,92
16	США	Прекращение финансовой военной помощи России из-за применения химического оружия	07.08.2018	63,50	2312,19	138,57	27.08.2018	24.08.2018	67,09	2279,76	134,09	03.09.2018	68,12	2346,08	134,16	5,65	1,53	-1,40	2,91	-3,23	0,05

Продолжение табл. со с. 99

№	Страна введения санкций	Наименование санкции	Дата публикации первой новости о введении санкций	Курс USD/RUB	IMOEK	RGI/BI Index	Дата введения санкции	Дата, предшествующая дате введения санкции (дата введения - 1)	Курс USD/RUB	IMOEK	RGI/BI Index	Дата через неадекватное введение санкций	Курс USD/RUB	IMOEK	RGI/BI Index	Изменение курса USD/RUB до введения санкций, %	Изменение индекса IMOEK до введения санкций, %	Изменение индекса RGI/BI Index до введения санкций, %	Изменение курса USD/RUB до введения санкций, %	Изменение индекса IMOEK до введения санкций, %	Изменение индекса RGI/BI Index до введения санкций, %		
																						Изменение курса USD/RUB	IMOEK
17	США	Ограничительные меры в отношении российских физических и юридических лиц из-за вмешательства в выборы в США	05.09.2018	68,26	2321,33	132,83	12.09.2018	11.09.2018	69,42	2335,19	131,72	17.09.2018	68,06	2373,75	132,70	-1,96	0,60	1,65	1,71	-1,96	0,60	1,65	
18	США	Финансовые ограничения в отношении российских физических и юридических лиц	14.09.2018	68,07	2360,26	133,12	20.09.2018	19.09.2018	66,82	2404,42	133,77	27.09.2018	65,62	2474,57	134,65	-1,80	1,87	2,92	-1,85	1,87	2,92	0,49	
19	ЕС	Ограничительные меры в отношении серьезных нарушений прав человека	09.02.2021	73,88	3426,86	151,02	02.03.2021	01.03.2021	74,17	3386,16	147,68	09.03.2021	73,91	3478,72	148,26	-0,36	-1,19	2,73	0,39	-0,36	-1,19	2,73	
20	США	Блокирование активов в отношении российских физических и юридических лиц	04.02.2021	75,51	3372,00	150,88	02.03.2021	01.03.2021	74,17	3386,16	147,68	09.03.2021	73,91	3478,72	148,26	-0,36	0,42	2,73	-0,36	0,42	2,73	-2,21	
21	США	Финансовые ограничения из-за вмешательства в выборы	30.03.2021	75,85	3525,23	145,51	15.04.2021	14.04.2021	75,88	3576,89	145,43	22.04.2021	75,42	3600,35	145,94	-0,60	1,47	0,66	0,04	-0,60	1,47	-0,05	
22	ЕС	Продление санкций, введенных в 2014 г.	20.05.2021	73,52	3636,16	145,44	25.06.2021	24.06.2021	72,32	3823,44	144,87	02.07.2021	73,26	3865,42	144,05	1,29	5,15	1,10	-1,63	1,29	5,15	-0,57	
23	Велик-я	Ограничительные меры из-за отравления Навального	нет новостей				20.08.2021	19.08.2021	74,17	3853,98	145,06	27.08.2021	73,55	3887,38	144,70	-0,83		0,87		-0,83		-0,25	
24	США	Минторг США ввел санкции против Европейского института EUSTO, зарегистрированного в Москве	07.12.2021	74,04	3873,20	134,23	10.12.2021	09.12.2021	73,74	3813,29	134,51	17.12.2021	74,13	3723,27	134,86	0,53	-1,55	-2,36	-0,41	0,53	-1,55	-2,36	0,21
25	ЕС, США, Великобритания	3 пакета санкций (заморозка активов ЦБ, отключение банков от SWIFT)	07.02.2022	75,50	3470,78	129,49	28.02.2022	25.02.2022	105,27	2470,48	108,45	07.03.2022	143,00	2470,48	108,45	35,84	-28,82	0,00	39,44	35,84	-28,82	0,00	
26	США	Запрет импорта нефти из России, запрет на инвестиции в энергетический сектор России	09.02.2022	74,72	3638,93	129,56	08.03.2022	07.03.2022	143,00	2470,48	108,45	15.03.2022	110,10	2470,48	108,45	-23,01	-32,11	0,00	91,38	-23,01	-32,11	0,00	

Продолжение табл. со с. 99

№	Сторона введения санкций	Наименование санкций	Дата публикации первой новости о введении санкций	Курс USD/RUB	IMEX	RGBI Index	Дата введения санкций	Дата, предшествующая дате введения санкций (-1)	Курс USD/RUB	IMEX	RGBI Index	Дата через неделю после введения санкций	Курс USD/RUB	IMEX	RGBI Index	Изменение курса USD/RUB до введения санкций, %	Изменение курса USD/RUB после введения санкций, %	Изменение индекса IMEX до введения санкций, %	Изменение индекса IMEX после введения санкций, %	Изменение RGBI Index до введения санкций, %	Изменение RGBI Index после введения санкций, %
27	ЕС, США, Великобритания, Швейцария	4 пакет санкций (ограничительные меры против юридических и физических лиц)	01.03.2022	108,54	2470,48	108,45	15.03.2022	14.03.2022	114,10	2470,48	108,45	22.03.2022	103,55	2470,48	107,51	5,12	-9,25	0,00	0,00	0,00	-0,87
28	США	Ограничительные меры в отношении юридических и физических лиц	02.03.2022	102,85	2470,48	108,45	24.03.2022	23.03.2022	97,74	2470,48	106,85	31.03.2022	83,20	2703,51	116,97	-4,97	-14,87	0,00	9,43	-1,48	9,47
29	США	Блокировка Сбербанка и Альфа-Банка, запрет на инвестиции в РФ, ограничения в отношении юридических и физических лиц	02.03.2022	102,85	2470,48	108,45	06.04.2022	05.04.2022	83,31	2662,79	115,58	13.04.2022	79,87	2528,42	122,11	-19,00	-4,14	7,78	-5,05	6,57	5,65
30	ЕС	6 пакет санкций (частичный запрет на поставки российской нефти)	04.05.2022	66,30	2373,16	125,70	03.06.2022	02.06.2022	61,65	2340,17	131,61	10.06.2022	56,80	2285,52	132,91	-7,01	-7,87	-1,39	-2,34	4,70	0,99
31	ЕС	7 пакет санкций (ограничения на операции с золотом с РФ)	21.06.2022	53,78	2388,81	133,13	21.07.2022	20.07.2022	55,02	2075,24	133,37	28.07.2022	60,82	2189,16	135,97	2,32	10,54	-12,02	5,49	0,18	1,95
32	ЕС	8 пакет санкций (введение потолка цен на российскую нефть)	15.06.2022	56,96	2318,96	132,12	06.10.2022	05.10.2022	60,17	2029,88	128,39	13.10.2022	63,63	1955,20	129,26	5,64	5,75	-12,47	-3,68	-2,82	0,68
33	США	10 пакет санкций против Российской Федерации, который предусматривает дополнительные запреты на экспорт в отношении...	15.02.2023	74,57	2166,46	128,56	25.02.2023	24.02.2023	76,13	2208,03	128,90	03.03.2023	75,63	2272,20	129,05	2,09	-0,65	1,92	2,91	0,26	0,12
34	США	Новые экспортные ограничения в отношении 69 российских компаний	12.05.2023	77,92	2565,17	129,69	19.05.2023	18.05.2023	80,22	2632,91	129,70	26.05.2023	80,06	2682,03	129,81	2,95	-0,20	2,64	1,87	0,01	0,08
															Среднее	4,43	-0,61	-2,64	0,88	-1,68	0,60
															Максимальное	91,38	35,84	7,78	9,43	6,57	9,47
															Минимальное	-19,00	-23,01	-32,11	-5,27	-16,29	-1,92

Приложение В

Список новостных источников

№	Аббревиатура	Полное название
1	AFP	Agence France Presse
2	APW	Associated Press
3	AXS	Axios
4	BFW	Bloomberg First World
5	BGV	Bloomberg Government
6	BLC	Bloomberg TV & Video
7	BN	Bloomberg News
8	DJ	Dow Jones Institutional New Feed
9	DPA	Deutsche Presse-Agentur
10	FTI	Financial Times
11	HAA	Ha'arets
12	ITA	ITAR-TASS
13	NPW	National Post
14	NS1	Web Content – US
15	NS3	Web Content – UK
16	NS5	Web Content – Europe ex UK
17	NYT	New York Times
18	PAN	Press Association UK
19	PTI	Press Trust of India
20	TEL	Telegraph UK
21	WEI	General Web Content – US
22	WPT	Washington Post

Приложение С

Индекс санкционных новостей (Sanctions news index)

Индикатор новостей о санкциях (SNI), основан на количестве публикаций на данную тему в зарубежных новостных источниках. Результаты исследования показывают, что SNI имеет предиктивную прогностическую способность.

Чтобы оценить влияние новостей о санкциях, мы отобрали новости по тегу в заголовке «Россия + Санкции» («Russia + Sanctions») среди информационных ресурсов, аккредитованных агентством Bloomberg. В результате мы получили более 37 тыс. новостей из 106 источников. Далее мы отобрали значимые информационные ресурсы, исключив аналитические и прочие, в которых санкции могут употребляться не как новостное событие, а например, как объект анализа или дефиниция⁸. В результате мы получили более 9 тыс. новостей из 95 источников о торговых санкциях.

Затем мы сгруппировали количество новостей в этих источниках в один временной ряд по датам публикации и тем самым получили SNI.

Тестирование причинно-следственной связи SNI с курсом доллара США к российскому рублю (USD/RUB), а также с индексом российских акций (IMOEX)

Для оценки предсказательной связи между количеством новостей о торговых санкциях (временной ряд SNI) и курсом доллара США к рублю (курс USD/RUB), а также связи между SNI и индексом российских акций (IMOEX) мы осуществили тестирование причинно-следственной связи Грейнджера.

Были проверены, используя программное обеспечение RStudio, временные ряды на стационарность с помощью расширенного теста Дики-Фуллера (ADF). Результаты теста представлены в табл. 8.

Таблица 8

Результаты теста Дики-Фуллера для исходных рядов данных

Переменная	P-value
SNI	<0,01
Курс USD/RUB	0,01618
IMOEX	0,5508

Примечание: H0 «Ряд не стационарный»; H1 «Ряд стационарный».

⁸ Более подробно см. [27]

Согласно результатам испытаний, ряд SNI является стационарным (принимая гипотезу H1), так как p-value < 0,01, а курс USD/RUB и IMOEX – не стационарные временные ряды (принимая гипотезу H0).

Так как USD/RUB и IMOEX – нестационарные временные ряды, то нужно получить разности первого порядка (получить интегрированные ряды первого порядка). Результаты ADF теста для интегрированных рядов первого порядка представлены в табл. 9.

Таблица 9

Результаты теста Дики-Фуллера для интегрированных рядов первого порядка

Переменная	P-value
SNI	<0,01
Курс USD/RUB	<0,01
IMOEX	<0,01

Примечание: H0 «Ряд не стационарный»; H1 «Ряд стационарный».

После преобразования разностей первого порядка мы получили, что все ряды являются стационарными, так как p-value < 0,01.

Затем мы провели тестирование причинно-следственной связи Грейнджера между рядом SNI и курсом USD/RUB. Результаты теста представлены в табл. 10.

Таблица 10

Результаты теста на причинность по Грейнджеру для интегрированных рядов SNI и USD/RUB

Тест	Наблюдения	Лар	F-statistic	P-value
H0: SNI не является причиной Грейнджера USD/RUB	3 589	1	13,089	0,0003011
	3 588	2	74,451	2,2e-16
	3 587	3	56,379	2,2e-16
	3 586	4	56,05	2,2e-16
	3 585	5	45,304	2,2e-16

Значения F-статистик и P-value указывают на то, что имеется достаточно доказательств, чтобы отклонить нулевую гипотезу о том, что SNI не является причиной по Грейнджеру для российского рубля.

Вывод. Статистики подтверждают гипотезу о том, что SNI вызвал изменение курса российского рубля с лагом от 1 до 5 дней.

В табл. 11 представлены результаты теста причинности по Грейнджеру для IMOEX и SNI.

Таблица 11

**Результаты теста на причинность по Грейнджеру
для интегрированных рядов SNI и IMOEX**

Тест	Наблюдения	Лаг	F-statistic	P-value
H0: SNI не является причиной Грейнджера IMOEX	3 589	1	6,0679	0,01381
	3 588	2	61,067	2,2e-16
	3 587	3	32,806	2,2e-16
	3 586	4	27,035	2,2e-16
	3 585	5	22,232	2,2e-16

Значения F-статистик и P-value указывают на то, что имеется достаточно доказательств, чтобы отклонить нулевую гипотезу о том, что SNI не вызывает изменение IMOEX по Грейнджеру.

Вывод. Статистики подтверждают гипотезу о том, что SNI вызвал изменения IMOEX с лагом в 1–5 дней.

**Тестирование причинно-следственной связи между SNI
и кредитным рынком**

Мы провели тестирование причинно-следственной связи по Грейнджеру для оценки доказательств прогностической связи между количеством новостей о торговых санкциях (SNI) и кредитным рынком на временном отрезке с 1 января 2014 г. по 31 октября 2023 г.

В качестве данных по кредитному рынку мы взяли следующие показатели: (1) RUONIA Index (Ruble OverNight Index Average – взвешенная ставка по депозитам овернайт в рублях); (2) RGBI Index (Индекс государственных облигаций России).

Для проведения тестирования использовалось программное обеспечение RStudio. Проверены временные ряды на стационарность с помощью теста Дики-Фуллера (ADF).

Результаты испытаний представлены в табл. 12.

Таблица 12

Результаты теста Дики-Фуллера для исходных рядов данных

Переменная	P-value
SNI	<0,01
RUONIA Index	0,3497
RGBI Index	0,8407

Примечание: H0 «нестационарный временной ряд»; H1 «стационарный временной ряд».

По результатам тестирования SNI является стационарным временным рядом (принимая гипотезу H1), так как $P\text{-value} < 0,01$, а RUONIA Index и RGBI Index – являются нестационарными временными рядами (принимая гипотезу H0).

Так как все ряды, кроме SNI, – нестационарные, то необходимо получить разности первого порядка (получить интегрированные ряды первого порядка). Результаты теста ADF для интегрированных рядов первого порядка представлены в табл. 13.

Таблица 13

Результаты теста Дики-Фуллера для интегрированных рядов первого порядка

Переменная	P-value
SNI	<0,01
RUONIA Index	<0,01
RGBI Index	<0,01

Примечание: H0 «нестационарный временной ряд»; H1 «стационарный временной ряд».

После преобразования разностей первого порядка мы получили, что все ряды стационарны, так как $P\text{-value} < 0,01$. Теперь к этим рядам можно применить тест Грейнджера. В табл. 14 представлены результаты теста причинности по Грейнджеру для SNI и RUONIA.

Таблица 14

Результаты теста на причинность по Грейнджеру для интегрированных рядов SNI и RUONIA Index

Тест	Наблюдения	Лаг	F-statistic	P-value
H0: SNI не является причиной Грейнджера RUONIA Index	3 590	1	0,7992	0,3714
	3 589	2	54,591	2,2e-16
	3 588	3	45,474	2,2e-16
	3 587	4	35,76	2,2e-16
	3 586	5	31,573	2,2e-16

Значения F-статистик и P-value указывают на то, что со 2 лага имеется достаточно доказательств, чтобы отклонить нулевую гипотезу о том, что SNI не вызывает изменения RUONIA Index по Грейнджеру.

Вывод. Таким образом, статистики подтверждают гипотезу о том, что SNI вызвал изменения RUONIA Index с лагом со 2-го дня.

В табл. 15 представлены результаты теста причинности по Грейнджеру для SNI и RGBI Index.

Таблица 15

**Результаты теста на причинность по Грейнджеру
для интегрированных рядов SNI и RGBI Index**

Тест	Наблюдения	Лаг	F-statistic	P-value
H ₀ : SNI не является причиной Грейнджера RGBI Index	3 590	1	0,0672	0,7954
	3 589	2	1,0205	0,3605
	3 588	3	2,639	0,04792
	3 587	4	3,4449	0,008113
	3 586	5	3,8325	0,001826

Значения F-статистик и P-value указывают на то, что с лагом с 3-го дня имеется достаточно доказательств, чтобы отклонить нулевую гипотезу о том, что SNI не вызывает изменения RGBI Index по Грейнджеру.

Вывод. Статистики подтверждают гипотезу о том, что SNI вызвал изменения RGBI Index с лагом с 3-го дня.

Возможные направления практического применения Sanctions news index. Включение в модель разработанного нами SNI, основанного на количестве публикаций в различных новостных изданиях, могло бы не только повысить точность прогнозов курса рубля, но и производить их в режиме реального времени. Построение подобной модели рассмотрено в Приложении D.

Приложение D

Корреляционно-регрессионный анализ с использованием SNI

Для выявления факторов, влияющих на курс рубля, мы взяли заголовки новостей из источников информации, аккредитованных Bloomberg; использовали тег «Российский рубль». В результате мы получили 78 514 заголовков за период с 1 января 2014 г. по 31 января 2022 г. Для систематизации полученных данных было принято решение использовать облако слов в онлайн-сервисе WordArt.com⁹.

На основе облака слов мы выделили пять областей экономических процессов¹⁰, для которых были подобраны соответствующие измерители и построена регрессионная модель, включающую BRENT, IMOEX, GTRUB10Y и SNI в качестве независимых переменных и USD/RUB в качестве зависимой переменной.

Рис. 10. Облако слов для публикаций с тегом «Российский рубль»

Модель и ее коэффициенты представлены уравнением:

$$\text{USD/RUB} = 47,526 - 0,379 \cdot \text{BRENT} + 0,011 \cdot \text{IMOEX} + 1,423 \cdot \text{GTRUB10Y} + 0,167 \cdot \text{SNI}$$

Коэффициенты модели и стандартные ошибки представлены в табл. 16.

⁹ Облако слов – это визуальное представление списка слов, где важность и количество упоминаний слова обозначены цветом, шрифтом или размером. В облаке размер каждого слова зависит от того, как часто оно появляется в заголовках новостей.

¹⁰ Более подробно см. [28].

Коэффициенты модели и стандартные ошибки

Переменная	Коэффициент корреляции	Стандартная ошибка	P-value
Constant	47,526	0,679	<0,01
BRENT	-0,379	0,004	<0,01
IMOEX	0,011	0,0001	<0,01
GTRUB10Y	1,423	0,051	<0,01
SNI	0,167	0,025	<0,01

Коэффициенты регрессии показывают, как в среднем изменится курс USD/RUB, если факторы модели увеличатся на единицу. То есть увеличение SNI на «1» приводит в среднем к увеличению курса USD/RUB на 0,167 руб.

Например, 24.02.2022 значение SNI составило 147. Таким образом, вклад SNI в изменение курса USD/RUB составил 24,55 руб.

Вывод. Так как P-value <0.01, то мы можем с уверенностью утверждать, что при уровне значимости 1% (т. е. с вероятностью 99%) все коэффициенты модели, в том числе индекс санкционных новостей SNI, являются значимыми.

Дополнительным подтверждением прогностического качества модели может являться ее применение на практике. Она была запущена для ежедневных прогнозов 24 февраля 2022 г., в то время как волатильность курса USD/RUB достигала десятков рублей в день. Прогноз на 24 февраля отличался от цены закрытия на 1 копейку. В дальнейшем в ежедневном режиме точность превышала 90%. Прогнозирование происходило в режиме реального времени, запись результатов (track record) отображается в виде постов с прогнозами на следующий день в телеграмм канале <https://t.me/snindex> и доступна для проверки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтухов А.В., Банникова В.А., Матвеев Е.О., Тищенко С.А. Оценка влияния международных санкций на отрасли российской экономики методом сетевого моделирования // Экономика и управление. 2020. № 26 (3). С. 306–314. DOI: 10.35854/1998-1627-2020-3-306-314.
2. Афонцев С.А. Политические парадоксы экономических санкций // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3 (55). С. 193–198. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-10.
3. Лауфер М.А. Глобализация финансовых рынков на рубеже тысячелетий // Финансы и кредит. 2000. № 6 (66).
4. Омельченко А.Н., Хрусталёв Е.Ю. Модель индекса интенсивности санкций (на примере России) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. Т. 14. № 1. С. 62–77. <https://doi.org/10.24891/ni.14.1.62>
5. Политика санкций: цели, стратегии, инструменты: хрестоматия. Издание 3-е, переработанное и дополненное / сост. И.Н. Тимофеев, П.И. Чуприянова, К.В. Троцкая; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2023.
6. Соколов Н.А., Ларин С.Н., Хрусталёв Е.Ю. Количественная оценка влияния санкций на российскую экономику в краткосрочной перспективе // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 8 (341). С. 44–54.
7. Федорова Е.А., Мусиенко С.О., Демин И.С., Федоров Ф.Ю., Афанасьев Д.О. Влияние новостного освещения России в СМИ на экспортно-импортную деятельность // Вопросы экономики. 2019. № 8. С. 30–44. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-8-30-44.
8. Федорова Е.А., Хрустова Л.Е., Демин И.С. Влияние тональности новостей на кредитный рынок в период санкций. DOI: 10.33293/1609-1442-2021-1(92)-97-116.
9. Askari Hossein G., Forrer John, Teegen Hildy, and Yang Jiawen. "Economic sanctions". Praeger, 2003.
10. Bali M., Rapelanoro N. International Economic Sanctions: Multipurpose Index Modeling in the Ukrainian Crisis Case // Journal of International Economic Studies. 2020. Vol. 16. No. 3. Pp. 26–39. DOI: 10.31085/1814-4802-2020-16-3-26-39.
11. Bali M., Rapelanoro N. How to simulate international economic sanctions: A multipurpose index modelling illustrated with EU sanctions against Russia // International Economics. 2021. No. 168. Pp. 25–39. DOI: 10.1016/j.inteco.2021.06.004.
12. Bapat N.A., Heinrich T., Kobayash Y., Morgan T. Clifton "Determinants of Sanctions Effectiveness: Sensitivity Analysis Using New Data" // International Interactions. 2013. DOI:10.1080/03050629.2013.751298.
13. Bapat N.A. Threat and Imposition of Economic Sanctions 1945–2005: Updating the TIES Dataset. Conflict Management and Peace Science, 2014.
14. Bastião Rita Maria Ribeiro «Mercado De Acções E A Sua Relação Com Expectativas / Stock Markets And Their Relationship With Expectations». Universidade de Aveiro, Departamento de Economia, Gestão e Engenharia Industrial, 2010.
15. Dai M. Timing the impact of sanctions on trade // Research Handbook on Economic Sanctions, 2021. DOI: 10.4337/9781839102721.00031.
16. Elliott R., Davis K.L., Slatick E. Process-experiential therapy for posttraumatic stress difficulties. In: L.S. Greenberg, J.C. Watson, G. Lietaer (Eds.). Handbook of experiential psychotherapy, 1998.

17. Fedorova E., Nevredinov A., Chernikova L. The Impact of Sanctions on the Capitalization of Russian Companies: The Sectoral Aspect // Journal of Corporate Finance Research. 2023. Vol. 17. No. 2. Pp. 50–67. <https://doi.org/10.17323/j.jcfr.2073-0438.17.2.2023.50-67>
18. Friedman Benjamin M. Optimal Expectations and the Extreme Information Assumptions of 'Rational Expectations' Macromodels // Journal of Monetary Economics. 1979. Vol. 5.
19. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision Under Risk. *Econometrica*. 1979. No. 47. Pp. 263–291.
20. Kheirandish M., Rashidian A., Bigdeli M. A news media analysis of economic sanction effects on access to medicine in Iran // Journal of Research in Pharmacy Practice. 2015. Vol. 4. Pp. 199–205. DOI: 10.4103/2279-042X.167042.
21. Lacy D. A Theory of Economic Sanctions and Issue Linkage: The Roles of Preferences, Information, and Threats // Journal of Politics. 2004.
22. Lucas R.E. Expectations and the neutrality of money // Journal of Economic Theory. 1972. Vol. 4. Issue. 2. Pp. 103–124. ISSN 0022-0531. DOI: 10.1016/0022-0531(72)90142-1. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/0022053172901421>.
23. Marinov N. An Elusive Statistic: Estimating the Relationship Between Sanctions and Success. UCLA International Institute, 10264 Bunche Hall, University of California, Los Angeles, CA 90095, February, 2005.
24. Miadzvetskaya Y., Challet C. Are EU restrictive measures really targeted, temporary and preventive? The case of Belarus. 2022. 6(1): 3. Europe and the World: A law review [20]. DOI: <https://doi.org/10.14324/111.444.ewlj.2022.03>.
25. Nye Joseph S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1990.
26. Pape Robert A. Why Economic Sanctions Do Not Work. *International Security*. 1997. Vol. 22. No. 2.
27. Rychkov V. Estimate of the Impact of Trade Sanctions on the Russian Financial Markets // Science and Global Challenges of the 21st Century – Innovations and Technologies in Interdisciplinary Applications / Ed. by E. Isaeva, Á. Rocha. Perm Forum 2022. Lecture Notes in Networks and Systems. 2023. Vol. 622. Springer. Cham, DOI: 10.1007/978-3-031-28086-3_70.
28. Rychkov V. Market Drivers of the Ruble Dollar Market // Science and Global Challenges of the 21st Century – Innovations and Technologies in Interdisciplinary Applications / Ed. by E. Isaeva, A. Rocha. Perm Forum 2022. Lecture Notes in Networks and Systems. 2023. Vol. 622. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-031-28086-3_77.
29. Ukraine-Russia Conflict and Stock Markets Reactions in Europe [Electronic resource] / Das B.C., Hasan F., Sutradhar S.R., Shafique S.; Global Journal of Flexible Systems Management LLC. Electronic data. <https://doi.org/10.1007/s40171-023-00345-0>, 2023.
30. Veebel V., Markus R. At the Dawn of a New Era of Sanctions: Russian-Ukrainian Crisis and Sanctions // *Orbis*. 2016. Vol. 60. P. 128–139. DOI: 10.1016/J.ORBIS.2015.12.001.
31. Wallace Neil. Rational Expectations and the Theory of Economic Policy // Journal of Monetary Economics, 1976.
32. Wallerstein Immanuel. Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System. Cambridge [England]; Melbourne, Australia; New York; Paris: Cambridge University Press; Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, 1991.
33. Wallerstein Immanuel. The End of the World as We Know It: Social Science for the Twenty-First Century. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.
34. Wallerstein Immanuel. The Politics of the World-Economy: The States, the Movements, and the Civilizations. Cambridge [England]; Melbourne, Australia; New York; Paris: Cambridge University Press; Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, 1984.

REFERENCES

1. *Altukhov A.V., Vannikova V.A., Matveev E.O., Tishchenko S.A.* Assessing the impact of international sanctions on sectors of the Russian economy using the network modeling method // *Economics and Management*. 2020. No. 26 (3). Pp. 306–314. (In Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2020-3-306-314.
2. *Afontsev S.A.* Political paradoxes of economic sanctions // *Journal of the New Economic Association*. 2022. No. 3 (55). Pp. 193–198. (In Russ.). DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-10.
3. *Laufer M.A.* Globalization of financial markets at the turn of the millennium // *Finance and Credit*. 2000. No. 6 (66). (In Russ.).
4. *Omelchenko A.N., Khrustalev E.Yu.* Model of the sanctions intensity index (using the example of Russia) // *National interests: priorities and security*. 2018. T. 1. No. 1. Pp. 62–77. (In Russ.). DOI: 10.24891/ni.14.1.62.
5. *Sanctions policy: goals, strategies, tools: a textbook*. 3rd edition, revised and expanded / [comp. I.N. Timofeev, P.I. Chupriyanova, K.V. Trotskaya]; Russian International Affairs Council (RIAC). M.: NP RIAC, 2023. (In Russ.).
6. *Sokolov N.A., Larin S.N., Khrustalev E.Yu.* Quantitative assessment of the impact of sanctions on the Russian economy in the short term // *National interests: priorities and security*. 2016. No. 8 (341). (In Russ.).
7. *Fedorova E.A., Musienko S.O., Demin I.S., Fedorov F.Yu., Afanasyev D.O.* The influence of news coverage of Russia in the media on export-import activity // *Questions of Economics*. 2019. No. 8. Pp. 30–44. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2019-8-30-44.
8. *Fedorova E.A., Khrustova L.E., Demin I.S.* The influence of news tone on the credit market during the period of sanctions. (In Russ.). DOI: 10.33293/1609-1442-2021-1(92)-97-116.
9. *Askari Hossein G., Forrer John, Teegen Hildy, Yang Jiawen.* *Economic sanctions*. Praeger, 2003.
10. *Bali M., Rapelanoro N.* International Economic Sanctions: Multipurpose Index Modeling in the Ukrainian Crisis Case. *Journal of International Economic Studies*. 2020. Vol. 16. No. 3. Pp. 26–39. DOI: 10.31085/1814-4802-2020-16-3-26-39.
11. *Bali M., Rapelanoro N.* How to simulate international economic sanctions: A multipurpose index modelling illustrated with EU sanctions against Russia. *International Economics*. 2021. No. 168. Pp. 25–39. DOI: 10.1016/j.inteco.2021.06.004.
12. *Bapat N.A., Heinrich T., Kobayash Y., Morgan T. Clifton.* Determinants of Sanctions Effectiveness: Sensitivity Analysis Using New Data. *International Interactions*, 2013. DOI:10.1080/03050629.2013.751298.
13. *Bapat N.A.* Threat and Imposition of Economic Sanctions 1945–2005: Updating the TIES Dataset. *Conflict Management and Peace Science*, 2014.
14. *Bastião Rita Maria Ribeiro.* Mercado De Ações E A Sua Relação Com Expectativas / Stock Markets And Their Relationship With Expectations. Universidade de Aveiro, Departamento de Economia, Gestão e Engenharia Industrial, 2010.
15. *Dai M.* Timing the impact of sanctions on trade // *Research Handbook on Economic Sanctions*, 2021. DOI: 10.4337/9781839102721.00031.
16. *Elliott R., Davi, K.L., Slatick, E.* Process-experiential therapy for posttraumatic stress difficulties. In: L. S. Greenberg, J. C. Watson, G. Lietaer (Eds.). *Handbook of experiential psychotherapy*, 1998.
17. *Fedorova E., Nevredinov A., Chernikova L.* The Impact of Sanctions on the Capitalization of Russian Companies: The Sectoral Aspect. *Journal of Corporate Finance Research*. 2023. Vol. 17. No. 2. Pp. 50–67. <https://doi.org/10.17323/j.jcfr.2073-0438.17.2.2023.50-67>.

18. *Friedman Benjamin M.* Optimal Expectations and the Extreme Information Assumptions of 'Rational Expectations' Macromodels // *Journal of Monetary Economics*. 1979. Vol. 5.
19. *Kahneman D., Tversky A.* Prospect Theory: An Analysis of Decision Under Risk. *Econometrica*. 1979. No. 47. Pp. 263–291.
20. *Kheirandish M., Rashidian A., Bigdeli M.* A news media analysis of economic sanction effects on access to medicine in Iran // *Journal of Research in Pharmacy Practice*. 2015. Vol. 4. Pp. 199–205. DOI: 10.4103/2279-042X.167042.
21. *Lacy D.* A Theory of Economic Sanctions and Issue Linkage: The Roles of Preferences, Information, and Threats // *Journal of Politics*. 2004.
22. *Lucas R.E.* Expectations and the neutrality of money // *Journal of Economic Theory*. 1972. Vol. 4. Issue. 2. P. 103–124. ISSN 0022-0531. DOI: 10.1016/0022-0531(72)90142-1. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/0022053172901421>.
23. *Marinov N.* An Elusive Statistic: Estimating the Relationship Between Sanctions and Success. UCLA International Institute, 10264 Bunche Hall, University of California, Los Angeles, CA 90095. February, 2005.
24. *Miadzvietzkaya Y., Challet C.* Are EU restrictive measures really targeted, temporary and preventive? The case of Belarus. 2022. Vol. 6. No. 1. P. 3. *Europe and the World: A law review* [20]. DOI: <https://doi.org/10.14324/111.444.ewlj.2022.03>.
25. *Nye Joseph S.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1990.
26. *Pape Robert A.* Why Economic Sanctions Do Not Work // *International Security*. 1997. Vol. 22. No. 2.
27. *Rychkov V.* Estimate of the Impact of Trade Sanctions on the Russian Financial Markets // *Science and Global Challenges of the 21st Century – Innovations and Technologies in Interdisciplinary Applications* / Ed. by E. Isaeva, Á. Rocha. Perm Forum 2022. Lecture Notes in Networks and Systems. 2023. Vol. 622. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-031-28086-3_70.
28. *Rychkov V.* Market Drivers of the Ruble Dollar Market // *Science and Global Challenges of the 21st Century – Innovations and Technologies in Interdisciplinary Applications* / Ed. by E. Isaeva, Á. Rocha. Perm Forum 2022. Lecture Notes in Networks and Systems. 2023. Vol. 622. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-031-28086-3_77.
29. *Ukraine-Russia Conflict and Stock Markets Reactions in Europe* [Electronic resource] / Das, B.C., Hasan, F., Sutradhar, S.R., Shafique, S.; Global Journal of Flexible Systems Management LLC. <https://doi.org/10.1007/s40171-023-00345-0>, 2023.
30. *Veebel V., Markus R.* At the Dawn of a New Era of Sanctions: Russian-Ukrainian Crisis and Sanctions // *Orbis*. 2016. Vol. 60. Pp. 128–139. DOI: 10.1016/J.ORBIS.2015.12.001.
31. *Wallace Neil.* Rational Expectations and the Theory of Economic Policy // *Journal of Monetary Economics*, 1976.
32. *Wallerstein Immanuel.* Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System. Cambridge [England]; Melbourne, Australia; New York; Paris: Cambridge University Press; Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, 1991.
33. *Wallerstein Immanuel.* The End of the World as We Know It: Social Science for the Twenty-First Century. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.
34. *Wallerstein Immanuel.* The Politics of the World-Economy: The States, the Movements, and the Civilizations. Cambridge [England]; Melbourne, Australia; New York; Paris: Cambridge University Press; Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, 1984.

Дата поступления рукописи: 05.02.2024 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Рычков Владислав Валерьевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, кредита и биржевого дела Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия

ORCID: 0000-0002-0869-8218

v.rychkov@inno.mgimo.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vladislav V. Rychkov – Cand. Sci. (Econ.), Assistant Professor of the Department of Finance, Credit and Exchange Business of the Perm State National Research University, Perm, Russia

ORCID: 0000-0002-0869-8218

v.rychkov@inno.mgimo.ru

ANALYSIS OF THE IMPACT OF THE SANCTIONS NEWS ON RUSSIAN FINANCIAL MARKETS

The study presents a hypothesis that real-time news about the planned introduction of sanctions, adversely affects financial markets comparable to de facto imposed sanctions. The research focuses on quantitative evaluation of the relationship between news about sanction plans, their actual implementation, and the subsequent reaction of the currency, stock, and credit markets in Russia. The hypothesis that sanctions news has a negative impact, regardless of sentiment analysis, is confirmed. These news items act as a driving force for market changes, irrespective of the imposition of sanctions. Based on the calculations, the author reaches the following conclusions: 1) Western sanctions are no longer targeted and selective but aimed at maximum restriction of economic ties. 2) The non imposed sanctions of the study demonstrate that news about sanction plans alone has a negative impact and acts as a market-driving force independent of their implementation. The study utilises the Sanctions News Index (SNI), developed to assess the impact of news about sanctions on the Russian financial markets. The Granger method confirms the causal relationship between sanctions news and financial markets as measured by the SNI index. The significance of the sanctions factor, as measured by the SNI index, and its influence on the exchange rate of the Russian ruble is confirmed by constructing a regression model with this indicator as one of the independent variables. A proposed methodology has successfully identified the most impactful sanctions and evaluated their effects on financial markets. This was accomplished by performing quantitative content analysis on the SNI index. This work can be valuable for assessing the impact of sanctions on investment decision-making, and risk management, and understanding the overall mechanism, i.e., how news about potential or actual sanctions affect the economies of entire countries or regions.

Keywords: *Russia, trade sanctions, news about trade sanctions, Russian ruble, the impact of trade sanctions, assessment of the impact of trade sanctions on the foreign exchange market, assessment of the impact of trade sanctions on the stock market, assessment of the impact of trade sanctions on the credit market.*

JEL: F51, F52, F62.

Е.А. ОСАДЧЕНКО

аспирант, ассистент кафедры финансов и управления рисками
Сибирского федерального университета

ПЕРСПЕКТИВЫ ОРГАНИЗАЦИИ, РЕГУЛИРОВАНИЯ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ МАЙНИНГА В РОССИИ

На сегодняшний день майнинг криптовалюты в России не регламентируется действующим законодательством, однако органы власти признают существование бизнеса в данной сфере, который нужно ввести в правовое поле. Анализ научной литературы показал низкий уровень разработанности вопросов организации, регулирования и налогообложения майнинга криптовалюты. Обобщен международный опыт в этой области: в ряде стран такая деятельность полностью запрещена, однако есть страны, где осуществляется и ее регулирование, и налогообложение. Автором разработана модель организации, регулирования и налогообложения майнинга криптовалюты в Российской Федерации на примере первой криптовалюты – биткоина, которая предполагает встраивание ее в действующую систему права без внесения существенных изменений в целях сокращения временных и административных издержек.

Ключевые слова: *регулирование майнинга, налогообложение майнинга, налогообложение, криптовалюта, биткоин, майнинг, криптоактивы.*

УДК: 336.74, 336.22, 336.764

EDN: EORWBZ

DOI: 10.52180/2073-6487_2024_2_116_136

Введение

Развитие информационного общества, научно-технический прогресс, цифровая революция и новый виток технологического развития привели к появлению нового класса активов – криптоактивы. В сущности, это учтённые в реестре частные цифровые активы, которые могут использоваться в качестве средств обмена и платежа, а также для инвестиционных целей [8]. Одним из видов таких активов является криптовалюта.

Первая криптовалюта под названием «Bitcoin» или «биткоин», создателем которой является Сатоши Накамото, появилась в 2008 г. Сегодня биткоин является крупнейшей по уровню капитализации

криптовалютой¹. Процесс получения ее новой единицы, как и любой другой криптовалюты, состоит из четырех составляющих (транзакция, электронный кошелек, майнинг (добыча), проверка подлинности [20]) и имеет технологические особенности. Они связаны с потребностью в специальном оборудовании и программном обеспечении, а также с алгоритмом генерации, которым ограничено максимально возможное количество единиц валюты и сложность получения каждой следующей. Учет ведется в специальном реестре, блокчейне, запись в который вносится с согласия всех участников, и ее «исправление» возможно лишь внесением новой записи. Идея такой организации процесса заключается в обеспечении децентрализации контроля [13; 14].

Таким образом, судя по биткоину, для криптовалюты характерно отсутствие эмиссионного центра и внешнего регулирования при ограниченности эмиссии, низкая вероятность фальсификации (надежность), открытый программный код и трансграничность [2].

Майнинг биткоинов – одно из самых стремительно развивающихся направлений в мире, которое представляет собой процесс генерации новых биткоинов. Он выглядит следующим образом: каждые десять минут «майнеры» получают новую математическую задачу, и тот, кто быстрее всех решит ее, получает новые монеты, которые поступают в обращение. Эта математическая задача основана на случайных вычислениях, цель которых – найти решение и таким образом получить подтверждение блока. Тот, кто ее расшифрует, получает вознаграждение при условии, что остальные участники сети уверены в правильности ответа. В настоящее время за каждый новый подтвержденный блок дается 6,25 биткойна [30; 36]. Майнинг предполагает следующие основные затраты: стоимость оборудования и стоимость потребляемой электроэнергии [24; 40].

По данным Кембриджского университета² с 2019 г. наибольший удельный вес в объеме вычислительных мощностей для майнинга имел Китай – 75,5 % (сентябрь 2019 г.). Однако в июле и августе 2021 г. он сократился до нуля в результате полного запрета из-за дефицита электроэнергии. Несмотря на это, уже в сентябре 2021 г. доля Китая в объеме вычислительных мощностей составила 22,3%. С июля 2021 г. лидирующую позицию заняли США с долей в 35,1%. На январь 2022 г. США принадлежало первенство с 37,8%, Китай занял вторую строчку в рейтинге – с 21,1%, третье место – Казахстан (13,2%). Россия занимала пятое место с долей около 5% (табл. 1).

¹ Топ-100 Криптовалюты по рыночной капитализации // CoinMarketCap. <https://coinmarketcap.com/ru/> (дата обращения: 25.08.2023 г.).

² Cambridge Bitcoin Electricity Consumption Index // Cambridge Centre for Alternative Finance. https://ccaf.io/cbnsi/cbeci/mining_map (дата обращения: 01.09.2023 г.).

Таблица 1

Динамика удельных весов стран в объеме вычислительных мощностей для майнинга в 2019–2022 гг. (%)

Страна / период	Сентябрь 2019	Май 2020	Октябрь 2020	Май 2021	Июль 2021	Сентябрь 2021	Январь 2022
Германия	0,9	0,9	1,2	2,8	4,7	3,4	3,1
Иран	1,7	3,9	2,8	4,3	3,8	0,6	0,1
Ирландия	0	0	2,5	2,2	5,1	2,2	2
Казахстан	1,4	5,2	3,6	7,4	13,8	17,7	13,2
Канада	1,1	1	1,5	4,7	10,8	6,9	6,5
Китай	75,5	59,5	67,4	44	0	22,3	21,1
Малайзия	3,3	5,2	4,1	3,2	5,4	4,7	2,5
Россия	5,9	9,3	4,9	7,2	11,9	6,8	4,7
США	4,1	8,2	6,7	17,8	35,1	27,7	37,8
Остальные	6,1	6,7	5,3	6,4	9,4	7,7	9

Источник: составлено по данным: Cambridge Bitcoin Electricity Consumption Index (CBECI). https://ccaf.io/cbnsi/cbeci/mining_map

Необходимо отметить, что в течение 2019–2022 гг. средний объем вычислительных мощностей для майнинга, приходящийся на Российскую Федерацию, составлял 7,2% мирового объема, что соответствовало четвертому месту в мире. Учитывая постепенное снижение этой доли России и переход ее на пятое место по этому показателю, налицо отрицательная тенденция. Тем не менее по данным на 2022 г.³ Россия владеет 12% мировых криптовалют и считается важным игроком. Но вот парадокс: криптоактивы, криптовалюты, майнинг и любые операции с ними находятся в нашей стране вне правового поля, не существуют для государства. Следовательно, остается одно – теневой сектор.

Однако развитие криптовалюты в теневом секторе экономики лишает других экономических субъектов, в первую очередь государство, существенных возможностей, например, получения налоговых доходов. По оценкам департамента финансовой политики Министерства финансов РФ⁴ на территории страны генерируется криптовалюты на 4 млрд долл. США, что эквивалентно 100 млрд руб. При ставке налога в 20% поступления в бюджет составили бы около 20 млрд руб. Более того, создание благоприятных условий для криптосферы могло

³ Cryptocurrency regulations by country // Thomson Reuters, 2022. <https://www.thomsonreuters.com/en-us/posts/wp-content/uploads/sites/20/2022/04/Cryptos-Report-Compendium-2022.pdf> (дата обращения: 29.08.2023 г.).

⁴ Аксаков: майнинг в России станет легальным в следующем году // РБК, 2023. <https://www.rbc.ru/crypto/news/648b1ee09a7947a997d5c418> (дата обращения: 03.09.2023 г.).

бы способствовать развитию современных финансовых технологий и привлечению новых инвестиционных источников [9].

Вопросы регулирования и совершенствования энергосистемы, экологическая и климатическая повестки, распространение блокчейн-технологии на другие сферы и многое другое – все это также пока остается в тени. Однако такое положение дел выгодно получателям новых единиц валюты. Еще одним преимуществом для них является отсутствие контроля за дальнейшими операциями, что создает почву для сокрытия доходов, финансирования терроризма, торговли наркотиками и оружием и ставит под угрозу безопасность общества и государства. Глава комитета Государственной Думы по финансовым рынкам А. Аксаков⁵ отмечал в 2023 г., что в РФ уже есть бизнес, который занимается криптовалютами и их майнингом, и его нужно сделать легальным. С такой позицией трудно не согласиться, тем не менее, на сегодняшний день существенные подвижки в этом направлении отсутствуют.

Данная работа представляет собой попытку закрыть существующий пробел и ставит своей целью разработку модели организации, регулирования и налогообложения майнинга криптовалюты в Российской Федерации на примере первой криптовалюты – биткоина. Предмет исследования – майнинг, а его задачами являются обзор литературы по организации, регулированию и налогообложению майнинга криптовалюты, анализ международного опыта в этой области и разработка соответствующей модели для Российской Федерации.

Организация, регулирование и налогообложение майнинга: обзор литературы

По мере роста популярности и интереса к криптовалютам увеличивается и количество работ по данной теме, в которых освещаются вопросы регулирования и налогообложения майнинга в разных странах мира, например, в Бразилии [22], Индонезии [31; 38], Иране [33], Индии [29], Испании [35], Турции [44], Хорватии [32], а также в странах Скандинавии [27]. Красной нитью проходит идея признания майнинга в качестве объекта налогообложения и встраивания связанных с этим новаций в действующую систему налогообложения без внесения существенных изменений. Однако, например, в ЮАР предполагают, что это может привести к несоответствию налогооблагаемых доходов экономическим выгодам налогоплательщиков, занимающихся майнингом криптовалюты [23]. В Чехии и Словакии не считают сам майнинг объектом обложения, а только последующую продажу его результата [39].

⁵ Там же.

Интересной представляется трактовка в контексте австрийского законодательства [26]. Майнинг биткойна может быть классифицирован как азартная игра, но в данном случае роли организатора игр и игрока объединены в одном субъекте, что делает невозможным распространение на него действующего закона об азартных играх, поэтому необходимо разработать новый инновационный подход.

Система налогообложения майнинга криптовалюты может выполнять не только фискальную, но и регулирующую функцию. Так, в целях стимулирования технического обновления, повышения энергоэффективности и экологичности Иран предлагает налоговые льготы при покупке более современного оборудования для майнинга [28]. В США для борьбы с негативными внешними эффектами, в частности социальными и экологическими, рассматривают возможность введения налога Пигу [42]. Тем не менее есть риски того, что при небольших доходах от майнинга даже незначительное повышение налоговой нагрузки может привести к прекращению такой деятельности [43].

В целом, пространственный анализ [41] показал, что наблюдается тенденция к сильной концентрации деятельности по производству криптовалюты в местах с большим количеством дешевой энергии. Также для майнинга характерна миграция под влиянием ценовых и сезонных эффектов и изменений регуляторных аспектов в местах расположения майнинговых ферм⁶.

В России в последние несколько лет вопрос регулирования и налогообложения майнинга криптовалюты активно обсуждается, что подтверждается анализом публикаций в российских средствах массовой информации [37]. Сформировались две противоположные точки зрения относительно того, как регулировать и облагать налогами такой специфический вид деятельности.

Первая: майнинг является предпринимательской деятельностью, но не требует особого государственного регулирования и не подлежит налогообложению [12]. Полное налогообложение по общей системе налогообложения (ОСН)⁷ – неэффективная мера [19]. Более того, ана-

⁶ Майнинговая ферма – это комплекс оборудования для добычи (получения новой единицы) криптовалюты, установленный в специальном помещении, подсоединенный к интернету и недорогому источнику электричества. <https://www.finam.ru/publications/item/mayning-fermy-realnyy-zarabotok-ili-riskovannyi-biznes-20231026-2027/> (дата обращения: 30.03.2024 г.).

⁷ Общая система налогообложения (ОСН, ОСНО) – это налоговый режим, который предусматривает выплату всех предусмотренных законодательством налогов и сборов организациями и индивидуальными предпринимателями в полном размере, а также обязанность организаций вести полный бухгалтерский и налоговый учет. <https://torg.1c.ru/wiki/obshchaya-sistema-nalogooblozheniya/> (дата обращения: 30.03.2024 г.).

лиз действующего законодательства показал, что для обложения майнинга криптовалюты налогом на доходы физических лиц отсутствует экономическое основание [7].

Вторая: майнинг – это вид предпринимательской деятельности, осуществление которой влечет за собой налоговые последствия [1; 3; 4; 18; 20]. Такой вид деятельности следует добавить в общероссийский классификатор видов экономической деятельности (ОКВЭД) и регулировать отдельным нормативно-правовым актом – законом [16]. Возможно введение требований по лицензированию и созданию саморегулируемой организации [11]. Что касается налогообложения майнинга, рассматриваются несколько сценариев: необходим преференциальный режим [15; 34], основу которого может составить компиляция лучших зарубежных практик [25]; возможно обложение на общих основаниях [6]; предлагается с юридических лиц взимать налог на прибыль по ставке 20%, а физических лиц освободить от прямых налогов [10]; не исключается возможность признания субъектов майнинга в качестве самозанятых [5].

Считается, что если делать выбор между регулированием и запретом, то первое предпочтительнее [21]. Регулирование будет способствовать снижению уровня коррупции и рисков ухода от налогов, что подтверждает один из проектов сценарно-когнитивной модели государственного регулирования криптовалюты на примере Российской Федерации, в соответствии с которым майнинг признается коммерческой деятельностью, подлежащей регулированию и налогообложению [17].

Регулирование и налогообложение майнинга: анализ международного опыта

На практике нет единого подхода к регулированию майнинга криптовалюты. Полный запрет введен в Алжире, Бангладеш, Египте, Ираке, Марокко, Катаре, Китае и Тунисе. В странах, где майнинг разрешен, специальное регулирование, как правило, не предусмотрено, на него распространены нормы действующего законодательства⁸. В Белоруссии понятие «майнинг» законодательно закреплено, до 2025 г. он не признается объектом обложения по НДС, налогу на прибыль и подоходному налогу с физических лиц⁹. В Таиланде майнинг прирав-

⁸ «Как регулировать майнинг в России?» // ЦСР, 2022. <https://www.csr.ru/upload/iblock/fe5/is5zwilpf79vf70lrdep9ol7xjck2jiz.pdf> (дата обращения: 25.08.2023 г.).

⁹ Продлены льготы по налогообложению операций с токенами // Юрспектр, 2023. <https://ilex.by/news/prodleny-lgoty-po-nalogooblozheniyu-operatsiy-s-tokenami/> (дата обращения: 21.02.2024 г.).

няли к процессу производства, на него распространили стандартный порядок налогообложения¹⁰. Выдача разрешения на осуществление майнинговой деятельности¹¹ предусмотрена в Узбекистане. Его могут получить только юридические лица сроком на пять лет¹². В целом, данная область в мировом сообществе менее разработана и определена, нежели регулирование операций с криптовалютами. В табл. 2 приведены подходы стран, которые сделали некоторые шаги на пути регулирования и налогообложения майнинга.

Таблица 2

Особенности регулирования и налогообложения майнинга криптовалюты в странах мира

Страна	Статус криптовалюты	Налогообложение	
		наименование налога	ставка
Великобритания	Виртуальная валюта	Подоходный налог	0–45%
		Налог на прирост капитала	10–20%
Греция	Виртуальная валюта	Налог на прибыль	22%
Сингапур	Валюта	Налог на доходы	17%
Бельгия	Виртуальная валюта	Подоходный налог	33%
Германия	Виртуальная валюта	Налог на прирост капитала	25%
		Подоходный налог	0–45%
Австралия	Имущество	Подоходный налог	0–45%
Норвегия	Товар	Налог на прирост капитала	22%
США*	Имущество	Подоходный налог	10–37%
ЮАР	Валюта	Подоходный налог	45%
Швейцария	Валюта	Подоходный налог	0–13%
Индия	Виртуальный цифровой актив	Налог на прибыль	30%

¹⁰ Blockchain & Cryptocurrency Laws and Regulations 2024 | Thailand // Global Legal Group, 2024. <https://www.globallegalinsights.com/practice-areas/blockchain-laws-and-regulations/thailand#chaptercontent8> (дата обращения: 22.02.2024 г.).

¹¹ Определение такой деятельности дано.

¹² Положение о порядке выдачи разрешения для осуществления деятельности по майнингу // Norma online, 2023. https://nrm.uz/contentf?doc=734973_&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana (дата обращения: 22.02.2024 г.).

Страна	Статус криптовалюты	Налогообложение	
		наименование налога	ставка
Казахстан	Имущество	Налог на цифровой майнинг	1 тенге за 1 кВт·ч
Кыргызстан	Виртуальный актив	15% от счета за электроэнергию вместо НП и НДС для компаний, получивших лицензию на майнинг	

* Варьируется в зависимости от штата.

Источник: составлено автором по: данные Coinclub (Countries // Coinclub, 2023. <https://coincub.com/countries/> (дата обращения 21.02.2024).); Cleartax (Taxation on Cryptocurrency: Guide To Crypto Taxes in India 2024 // Cleartax, 2024. <https://cleartax.in/s/cryptocurrency-taxation-guide> (дата обращения: 21.02.2024 г.); Coin Dance (Coin Dance. Global Bitcoin Political Support & Public Opinion. // Coin Dance, 2023. <https://coin.dance/poli> (дата обращения: 21.02.2024 г.); РБК (Майнингový марш // РБК, 2022. <https://www.rbc.ru/newspaper/2022/02/08/620116019a7947077181ab27> (дата обращения: 01.09.2023 г.).

В части налогообложения майнинга большое значение играет первое налогооблагаемое событие. На практике сложилось три варианта. Первый – получение новой криптовалюты, его используют США, Великобритания, Новая Зеландия, Япония, Финляндия, Колумбия и другие. Второй вариант – реализация добытой криптовалюты, он распространен в Чехии, Польше, Литве, Латвии, Дании, Словакии. Третий вариант предполагает определение события в зависимости от цели майнинга (Швеция, Швейцария, Сингапур, Германия, Канада, Австралия и другие)¹³.

Таким образом, регулирование и налогообложение майнинга криптовалюты отличается разнообразием и зависит от юрисдикции. В Российской Федерации данная деятельность не регламентирована, однако наблюдается повышенный интерес со стороны физических и юридических лиц к правовым аспектам такой деятельности. Уже само ее наличие, а также спрос на разъяснения законодательства являются сигналом для государства к формированию правового поля.

Организация, регулирование и налогообложение майнинга в России: выбор модели

Что касается опыта России в части регулирования и налогообложения майнинга криптовалюты, Министерство финансов РФ в письмах (по поступившим запросам) дает разъяснения норм российского законодательства о налогах и сборах по данному вопросу (см. табл. 3).

¹³ «Как регулировать майнинг в России?» // ЦСР, 2022. <https://www.csr.ru/upload/iblock/fe5/is5zwilpf79vf70lrdep9ol7xjck2jiz.pdf> (дата обращения: 25.08.2023 г.).

**Действующие нормативные акты Министерства финансов в сфере
налогового регулирования майнинга криптовалюты в России**

Реквизиты	Наименование	Основные аспекты
23.04.2018 г. № 03-01-11/27036	Об определении правового статуса криптовалюты	Система налогообложения майнинга будет определена после определения правового статуса криптовалюты.
14.06.2018 г. № 03-03-06/1/40729	Об организации по вопросу (табл. учета токенов, полученных в рамках проведения ICO третьим лицом (иностранной компанией)	Правовой статус криптовалюты, а также деятельности по генерированию таких активов в РФ не определен.
04.09.2018 г. № 03-11-11/63006	О налогообложении физических лиц, занимающихся майнингом	Вопрос о регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей (ИП) физических лиц, занимающихся майнингом криптовалюты, и применении ими упрощенной системы налогообложения (УСН) может быть урегулирован после законодательного закрепления правового статуса лиц, занимающихся такой деятельностью, и понятия «майнинг».
16.10.2018 г. № 3-11-11/74252	О применении упрощенной системы налогообложения ИП, занимающихся майнингом	Упрощенная система налогообложения (УСН) может быть урегулирована после законодательного закрепления правового статуса лиц, занимающихся такой деятельностью, и понятия «майнинг».
14.11.2018 г. № 03-11-11/81983	О налогообложении в рамках УСН доходов индивидуальных предпринимателей от продажи криптовалюты	Налогообложение доходов индивидуальных предпринимателей от продажи криптовалюты, применяющих упрощенную систему налогообложения, возможно лишь после законодательного определения понятий «майнинг» и «криптовалюта», а также правового статуса лиц, осуществляющих операции с криптовалютами.
29.06.2022 г. № 03-11-11/62140	О применении специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» физическими лицами, занимающимися майнингом	Вопрос применения специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» физическими лицами, занимающимися майнингом криптовалюты, может быть урегулирован после законодательного закрепления правового статуса лиц, занимающихся такой деятельностью, и понятия «майнинг».

Реквизиты	Наименование	Основные аспекты
05.12.2022 г. № 03-03-06/1/118755	Об учете для целей налогообложения прибыли расходов налогоплательщика, понесенных им при осуществлении майнинга	Отсутствуют в законодательстве понятие «майнинг» и правовая база, регулирующая правоотношения, возникающие при осуществлении данной деятельности. Расходы, связанные с майнингом, учитываются для целей налогообложения прибыли.
16.08.2023 г. № 03-03-07/77230	О налогообложении налогом на прибыль операций по генерированию криптовалюты (майнинга)	Порядок налогообложения не определен из-за отсутствия в законодательстве понятия «майнинг» и правовой базы, регулирующей правоотношения, возникающие при осуществлении данной деятельности. Результаты майнинг-овой деятельности подлежат обложению налогом на прибыль в порядке, установленном главой 25 Налогового кодекса РФ.

Источник: составлено автором по: данные СПС «Гарант».

По данным СПС «Гарант» на 1 января 2024 г. имеется восемь писем Министерства финансов РФ, в которых разъясняется порядок налогообложения майнинга криптовалюты. Первое было выпущено в 2018 г. Наибольший интерес к данной теме налогоплательщики проявили именно в 2018 г. (пять писем). В общем и целом, Министерство финансов отмечает, что майнинг криптовалюты не регулируется действующим законодательством, а порядок налогообложения может быть определен только после решения первого вопроса.

Банк России и Министерство финансов РФ сформировали противоположные позиции по отношению к майнингу криптовалюты. Первый предлагает «ввести запрет на организацию выпуска, обмена и обращения криптовалют»¹⁴. Второй считает, что криптовалюту «нужно регулировать, а не запрещать». Первоочередное – защита интересов граждан как потребителей, покупателей и пользователей этих активов¹⁵.

¹⁴ Криптовалюты: тренды, риски, меры. Доклад для общественных консультаций // Банк России, 2022. https://www.cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (дата обращения: 29.08.2023 г.).

¹⁵ Минфин подготовил концепцию регулирования рынка криптовалюты // Информационное агентство ТАСС, 2022. <https://tass.ru/ekonomika/13518467> (дата обращения: 30.08.2023 г.).

Автор разделяет позицию Министерства финансов РФ. Криптовалюты и их майнинг следует регулировать. Первое, с чего начинается регулирование любой деятельности, – это законодательное закрепление основных понятий: «криптовалюта», «майнинг», «блокчейн», «майнер», «майнинговая ферма» и др. Ввиду технологических особенностей, отсутствия близких законодательно урегулированных процессов и особого интереса со стороны общества, наиболее логично сделать это в виде отдельного нормативно-правового акта – закона.

В целях создания регулирующей канвы для майнинга криптовалюты в Российской Федерации необходимо дополнить ОКВЭД¹⁶ соответствующим видом деятельности – «Майнинг криптовалюты». Предлагается включить такую деятельность в раздел «Обрабатывающие производства»¹⁷ в силу ее высокой энергоемкости и зависимости скорости получения новой единицы от вычислительной мощности оборудования. Это будет означать признание существования данного явления и его легализацию в качестве процесса хозяйствования. Предъявление дополнительных требований к такому виду деятельности или его лицензирование нецелесообразно, так как потребует дополнительных процедур от потенциальных «майнеров». Как следствие, усложнение входа в правовое поле и снижение мотивации к «обелению», ведь в противном случае жесткая системная санкционная политика отсутствует.

Желающие заниматься майнингом смогут зарегистрироваться в качестве одной из организационно-правовых форм (ОПФ) и выбрать режим налогообложения¹⁸, учитывая ограничения. Рассмотрим варианты встраивания майнинга в действующую систему права без внесения существенных изменений (создания отдельной ОПФ, особого режима налогообложения), что позволит сократить временные и административные издержки, связанные с разработкой и введением в действие таковых. В таблице 4 представлены варианты законодательно определенных в России наиболее распространенных организационно-правовых форм и режимов налогообложения, которые возможно использовать для организации и налогового регулирования майнинговой деятельности.

¹⁶ ОК 028-2012. Общероссийский классификатор организационно-правовых форм [Электронный ресурс]: утвержден Приказом Росстандарта от 16.10.2012 №505-ст // СПС «КонсультантПлюс», 2022. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139192/ (дата обращения: 03.05.2023 г.).

¹⁷ Монетный уклад: майнинг предложили признать отраслью промышленности // Известия, 2023. <https://iz.ru/1565404/mariia-kolobova/monetnyi-uklad-maining-predlozhili-priznat-otrasliu-promyshlennosti> (дата обращения: 03.09.2023 г.).

¹⁸ Выбор подходящего режима налогообложения // ФНС России, 2022. <https://www.nalog.gov.ru/rn77/service/mp/> (дата обращения: 03.05.2023 г.).

Таблица 4

Варианты налогового регулирования майнинга криптовалюты

Статус	Режим налогообложения		
	налог на профессиональный доход (НПД)	упрощенная система налогообложения (УСН)	общая система налогообложения (ОСН)
С регистрацией по ОКОПФ			
Индивидуальный предприниматель (ИП) (%)	6	6 или 15	13
Общество с ограниченной ответственностью (ООО) (%)	–	6 или 15	20
Акционерное общество (АО) (%)	–	6 или 15	20
Без регистрации по ОКОПФ			
Физическое лицо (%)	4	–	13

Источник: составлено автором.

Для осуществления майнинга возможно использование и других ОПФ, например, коммерческих корпоративных юридических лиц (полных товариществ, товариществ на вере, производственных кооперативов), или без прав юридического лица (простых товариществ). Ввиду того, что по своей сути майнинг не нацелен на достижение культурных, научных, социальных и иных целей некоммерческого характера, а скорее предполагает получение прибыли, регистрация в одной из ОПФ некоммерческого корпоративного юридического лица не представляется возможной.

Немаловажным является определение первого налогооблагаемого события. Событие «реализация добытой криптовалюты», относится в большей степени к операциям с криптовалютами, нежели к самому процессу майнинга. Кроме того эта реализация может быть сильно удалена во времени от момента ее получения, что существенно повлияет на налогооблагаемую базу по причине высокой волатильности курсов криптовалюты¹⁹. Следовательно, данное событие отвергается. По опыту большинства стран²⁰ и ввиду большей состоятельности будем использовать событие «получение новой криптовалюты в результате

¹⁹ Так с 2013 по 2017 г. волатильность Bitcoin в разные периоды времени составляла от 7% до 140% (Крылов и др., 2018).

²⁰ «Как регулировать майнинг в России?» // ЦСР, 2022. <https://www.csr.ru/upload/iblock/fe5/is5zwilpf79vf70lrdep9ol7xjck2jiz.pdf> (дата обращения: 25.08.2023 г.).

майнинга». В таком случае налогооблагаемый доход – это рыночная стоимость единицы криптовалюты на дату ее получения.

Наиболее неподходящим вариантом является физическое лицо, уплачивающее налог на профессиональный доход. По данным на конец февраля 2024 г. курс одного биткоина составляет почти 60 тыс. долл. США, при курсе 92 руб. за один доллар США. Получается, что доход от продажи одного биткоина равен порядка 5,5 млн руб., тогда как предельный уровень дохода для данного налогового режима составляет только 2,4 млн руб.

Упрощенная система налогообложения как для ИП, так и для АО и ООО предполагает ограничение доходов – не более 150 млн руб. в год. Следовательно, возможности майнинга будут ограничены 27 биткоинами.

Логичным со стороны органов власти представляется запретить индивидуальным предпринимателям и физическим лицам заниматься таким видом деятельности ввиду его высокой цифровизации и технологичности, а также неурегулированности вопросов установления тарифов на электрическую энергию для таких категорий потребителей. Кроме того, такие субъекты не смогут учитывать расходы²¹ для целей налогообложения.

Наиболее оптимальным вариантом для старта в данной сфере представляется вариант регистрации в качестве общества с ограниченной ответственностью на общей системе налогообложения. Учреждение организации с такой ОПФ проще формально по сравнению с акционерным обществом, но экономические субъекты не лишены возможности предпочесть последнее исходя из внутренних соображений. Правовой статус таких юридических лиц реализуется в полном объеме согласно действующему законодательству.

Предлагаемая модель ориентирована на оперативное регулирование майнинга криптовалюты, создание системы «на пустом месте». Ее апробация, накопленные опыт и данные для анализа создадут более качественный фундамент для совершенствования системы организации, регулирования и налогообложения майнинга в будущем.

Заключение

Тема майнинга криптовалюты за почти 15 лет своего существования прошла серьезный эволюционный путь: от современной узкоспециализированной технологии с ограниченным кругом заинтере-

²¹ Амортизация оборудования, стоимость электроэнергии и другие. Первые два пункта расходов являются обязательными для всех, кто занимается майнингом, и имеют наибольший вес в структуре, отсутствие возможности их учета – серьезный недостаток.

сованных лиц до объекта массового притяжения. Сегодня заниматься майнингом криптовалюты может любой желающий, необходимо лишь оборудование и электрическая энергия. Однако исследования по вопросам регулирования и налогообложения майнинга не получили широкого распространения. Часть стран уже урегулировала правовое положение такой деятельности. В Российской Федерации правовое поле отсутствует, однако признается существование бизнеса в этой области, что говорит о необходимости комплексного решения данного вопроса.

В работе предложена модель организации, регулирования и налогообложения майнинга криптовалюты в РФ, согласно которой их концептуальные основы закреплены отдельным нормативно-правовым актом – законом. Раздел С ОКВЭД дополнен видом деятельности «Майнинг криптовалюты». Физическим лицам и индивидуальным предпринимателям запрещено заниматься таковым. Государственная регистрация осуществляется в форме общества с ограниченной ответственностью на общей системе налогообложения.

Данное исследование адресовано органам власти в целях совершенствования организации, регулирования и налогообложения майнинга криптовалюты в Российской Федерации, противодействию теневой экономике и снижению рисков уклонения от уплаты налогов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеевко А.П.* Правовое регулирование использования криптовалюты: опыт иностранных государств // Экономика. Налоги. Право. 2021. Т. 14. № 5. С. 139–146. DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-5-139-146. EDN: AHRDAD.
2. *Армашова-Тельник Г.С.* К вопросу об инструментарии цифровой экономики // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2020. Т. 82. № 2(84). С. 243–250. DOI: 10.20914/2310-1202-2020-2-243-250. EDN: PPRGQU.
3. *Деревцова И.В., Грязнов А.Н., Семенцов К.В., Чалов Е.Е.* Майнинг как угроза обеспечения экономической безопасности Иркутской области // Baikal Research Journal. 2022. Т. 13. № 2. DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(2).29. EDN: FTGJDG.
4. *Егорова М.А., Белицкая А.В.* Майнинг криптовалюты в России и в мире: понятие и правовое регулирование. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 4 (68). С. 129–136. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.68.4.129-136. EDN: BDTXWL.
5. *Ершова И.В., Трофимова Е.В.* Майнинг и предпринимательская деятельность: в поисках соотношения // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 73–82. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.103.6.073-082. EDN: XUZEAL.
6. *Кинсбургская В.А.* О налогообложении доходов, полученных в результате операций по созданию и использованию криптовалют // Налоги и налогообложение. 2019. № 6. С.22–32. DOI: 10.7256/2454-065X.2019.6.30303. EDN: LSLVHJ.

7. Колесниченко Д.А., Колесниченко О.В. Налогообложение майнинга криптовалют в Российской Федерации: существует ли экономическое основание для взимания НДФЛ? // *Налоги и налогообложение*. 2020. № 6. С. 35–46. DOI: 10.7256/2454-065X.2020.6.33198. EDN: TYVQLU.
8. Кочергин Д.А., Покровская Н.В. Интерпретация криптоактивов и особенности их налогообложения в развитых странах и России // *Вестник Московского университета*. Серия 6. Экономика. 2020. № 5. С. 182–216. DOI: 10.38050/01300105202059. EDN: WVN CZJ.
9. Кочергин Д.А., Покровская Н.В. Международный опыт налогообложения криптоактивов // *Экономический журнал ВШЭ*. 2020. Т. 24. № 1. С. 53–84. DOI: 10.17323/1813-8691-2020-24-1-53-84. EDN: PJBHVW.
10. Кочергин Д.А., Покровская Н.В., Достов В.Л. Налоговое регулирование обращения виртуальных валют: опыт зарубежных стран и перспективы для России // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Экономика. 2020. Т. 36. № 1. С. 49–76. DOI: 10.21638/spbu05.2020.103. EDN: EZUMMT.
11. Майнинг. Криптовалюта. Право : монография / Р.Ю. Колобов, А.Н. Огородов, М.Г. Тирских, Р.Ю. Хертуев. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2023. DOI: 10.26516/978-5-9624-2185-8.2023.1-107.
12. Максуров А.А. Майнинг как юридическая и информационная категория. Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12. № 2. С. 256–265. DOI: 10.21202/1993-047X.12.2018.2.256-265. EDN: XQVSN.
13. Обухова Е.А. ICO как современный способ финансирования высокотехнологичных проектов // *ЭКО*. 2018. Т. 48. № 3. С. 181–192. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-3-181-192. EDN: YWNKJN.
14. Пестунов А.И. Криптовалюты и блокчейн: потенциальные применения в государстве и бизнесе // *ЭКО*. 2018. Т. 48. № 8. С. 78–92. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-8-78-92. EDN: LXMOBN.
15. Пинская М.Р., Цаган-Манджиева К.Н. Налогообложение доходов от деятельности, связанной с криптовалютами // *Экономика. Налоги. Право*. 2018. Т. 11. № 2. С. 138–148. DOI: 10.26794/1999-849X-2018-11-2-138-148. EDN: YXKMKR.
16. Самольсов П.В. Правовое регулирование майнинга криптовалют. Право и цифровая экономика. 2020. № 3 (09). С. 13–20. DOI: 10.17803/2618-8198.2020.09.3.013-020. EDN: VOEXSD.
17. Тимошенко А.А., Фейзов В.Р., Чернов И.В. Сценарный подход к исследованию направлений регулирования сферы криптовалют в Российской Федерации. *Российский журнал правовых исследований*. 2023. Т. 10. № 2. С. 21–30. DOI: 10.17816/RJLS397536. EDN: H CJLBE.
18. Тихонова А.В. Криптовалюта и блокчейн: сфера применения в налоговом поле России. *Налоги и налогообложение*. 2020. № 4. С. 1–9. DOI: 10.7256/2454-065X.2020.4.33130. EDN: EIXXYR.
19. Тюриков А.Г., Марков Д.И., Мишин К.Ю. Оценка налоговых рисков государства в области косвенного налогообложения в условиях цифровизации российской экономики // *Экономика. Налоги. Право*. 2021. Т. 14. № 1. С. 112–122. DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-1-112-122. EDN: NLQVIE.
20. Цветков В.А., Шутьков А.А., Дудин М.Н., Лясников Н.В. Криптовалюты (электронная наличность) как новая финансовая институция. *Вестник Московского университета*. Серия 6. Экономика. 2018. Т. 6. С. 79–96. DOI: 10.38050/01300105201865. EDN: YWJTML.

21. Черкасов В.Ю. Вопросы регулирования виртуальных валют // Экономическая политика. 2022. Т. 17. № 4. С. 100–127. DOI: 10.18288/1994-5124-2022-4-100-127. EDN: GWLCJI.
22. Baeta Neves M.B. Cryptoactives taxation and legal limitations of the economic power. Singular // Sociais e Humanidades. 2023. Vol. 1. No. 4. Pp. 34–40. DOI: 10.33911/singularsh.v1i4.144.
23. Basson R. An analysis of issues relating to the taxation of cryptocurrencies as financial instruments // Journal of Economic and Financial Sciences. 2020. Vol. 13. No. 1. a487. DOI: 10.4102/jef.v13i1.487.
24. Bouri E., Jalkh N., Molnar P., Roubaud D. Bitcoin for energy commodities before and after the December 2013 crash: diversifier, hedge or safe haven? Applied Economics. 2017. Vol. 49. No. 50. Pp. 5063–5073. DOI: 10.1080/00036846.2017.1299102.
25. Budkin V., Budkin O. Legal regulation of cryptocurrencies in Russia and foreign countries: problems and solutions. E3S Web of Conferences. 2023. Vol. 420. 08003. DOI: 10.1051/e3sconf/202342008003.
26. Ehrke-Rabel T., Eisenberger I., Hödl E., Zechner L. Bitcoin-Miner Als Prosumer: Eine Frage Staatlicher Regulierung? Dargestellt Am Beispiel Des Glücksspielrechts (Legal and Regulatory Aspects of Bitcoin Mining as a Form of Prosuming) // Austrian Law Journal. 2017. Pp. 188–223. DOI: 10.2139/ssrn.3036322.
27. Ferniss J. Taxation of bitcoins and similar cryptoassets in Scandinavia with special focus on Danish law. Intertax. 2023. Vol. 51. No. 1. Pp. 63–83. DOI: 10.54648/taxi2023007.
28. Hajiaghapour-Moghami M., Azimi Hosseini K., Hajipour E., Vakilian M. An approach to targeting cryptocurrency mining loads for energy efficiency enhancement. IET Generation, Transmission & Distribution. 2022. Vol. 16. No. 23. Pp. 4775–4790. DOI: 10.1049/gtd2.12640.
29. Harit P. Cryptocurrency and social justice: a study of Indian taxation laws on emerging virtual challenges. 2020. DOI: 10.2139/ssrn.3615059.
30. Kufeoglu S., Ozkuran M. Energy Consumption of Bitcoin Mining. Cambridge Working Papers in Economics 1948. Faculty of Economics, University of Cambridge. 2019.
31. Kusuma A.C.D.C., Negara T.A.S., Susmayanti R. Legal framework for regulation of income tax on cryptocurrency transactions based on the principle of justice: comparative legal study with Canada // International Journal of Environmental, Sustainability, and Social Sciences. 2022. Vol. 3. No. 3. Pp. 556–563. DOI: 10.38142/ijess.v3i3.241.
32. Martinčević I., Sesar V., Buntak K. Implications of accounting and tax treatment of cryptocurrencies. ENTRENOVA – ENTERPRISE RESEARCH INNOVATION. 2021. Vol. 7. No. 1. Pp. 376–388. DOI: 10.54820/EDFK8186.
33. Mohammadi A., Soltanifard J., Ranjbar H., Pahlevani M.E. The compliance evaluation of cryptocurrency mining with Ja'aleh // Journal of Fiqh. 2022. Vol. 29. No. 111. Pp. 67–96. DOI: 10.22081/jf.2022.62736.2429.
34. Muradyan S.V., Mikhaylenko N., Skachko A.V., Ivanova Y., Rogachev E., Alimamedov E. Mining of Cryptocurrencies: Analysis of Law Enforcement Practice and Problem Solving in Legal Regulation // Jurnal Cita Hukum. 2023. Vol. 11. No. 1. Pp. 21–32. DOI: 10.15408/jch.v11i1.31161.
35. Nanez Alonso S.L. Activities and operations with cryptocurrencies and their taxation implications: the Spanish case // Laws. 2019. Vol. 8. No. 3. DOI: 10.3390/laws8030016.

36. *Nanez Alonso S.L., Jorge-Vazquez J., Echarte Fernandez M.A., Reier Forradellas R.F.* Cryptocurrency Mining from an Economic and Environmental Perspective. Analysis of the Most and Least Sustainable Countries // *Energies*. 2021. Vol. 14. No. 14. DOI: 10.3390/en14144254.
37. *Pachina A., Popova A.* The review of 'mining' in Russian media. *World of Media // Journal of Russian Media and Journalism Studies*. 2019. No. 2. Pp. 29–44. DOI: 10.30547/worldofmedia.2.2019.2. EDN: ONWXHW.
38. *Santoso S., Nita S., Koto Z.* Legal Protection and Tax Collection Mechanism for Investors Using Cryptocurrency Exchange in Indonesia // *International Journal of Multicultural and Multireligious Understanding*. 2022. Vol. 9. No. 6. Pp. 339–350. DOI: 10.18415/ijmmu.v9i6.3849.
39. *Slezak J., Cermakova I.* Taxation and Accounting of Cryptocurrencies from The Point of View of the Czech And Slovak Republic // *Hradec Economic Days*. 2023. Pp. 620–628. DOI: 10.36689/uhk/hed/2023-01-059.
40. *Song Yo-Der, Aste T.* The Cost of Bitcoin Mining Has Never Really Increased. *Frontiers in Blockchain*. 2020. Vol. 3. 565497. DOI: 10.3389/fbloc.2020.565497.
41. *Sun W., Jin H., Jin F., Kong L., Peng Y., Dai Z.* Spatial analysis of global Bitcoin mining // *Scientific Reports*. 2022. Vol. 12. 10694. DOI: 10.1038/s41598-022-14987-0.
42. *Thomson J.* Tragedy of the Energy Commons: How Government Regulation Can Help Mitigate the Environmental and Public Health Consequences of Cryptocurrency Mining // *Seattle Journal of Technology, Environmental & Innovation Law*. 2020. Vol. 11. No. 1. Pp. 77–111.
43. *Toda K., Kuze N., Ushio T.* Dynamics of miners' decision making under taxation in blockchain. *Nonlinear Theory and Its Applications, IEICE*. 2022. Vol. 13. No. 2. Pp. 233–238. DOI: 10.1587/nolta.13.233.
44. *Zengin B., Kocoglu S.* Cryptocurrency Market and Tax Regulations in Turkey: an Analysis in the European Emerging Economy // *Finanse I Prawo Finansowe*. 2022. Vol. 3. No. 35. Pp. 83–106. DOI: 10.18778/2391-6478.3.35.06.

REFERENCES

1. *Alekseyenko A.P.* Legal regulation of the use of cryptocurrency: the experience of foreign countries // *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2021. Vol. 14. No. 5. Pp. 139–146. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-5-139-146. EDN: AHRDAD.
2. *Armashova-Telnik G.S.* On the issue of digital economy tools // *Proceedings of the Voronezh State University of Engineering Technologies*. 2020. Vol. 82. No. 2 (84). Pp. 243–250. (In Russ.). DOI: 10.20914/2310-1202-2020-2-243-250. EDN: PPRGQU.
3. *Derevtsova I.V., Gryaznov A.N., Sementsov K.V., Chalov E.E.* Mining as a threat to ensure the economic security of the Irkutsk region. *Baikal Research Journal*. 2022. Vol. 13. No. 2. (In Russ.). DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(2).29. EDN: FTGJDG.
4. *Yegorova M.A., Belitskaya A.V.* Cryptocurrency mining in Russia and around the world: concept and legal regulation. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2020. No. 4(68). Pp. 129–136. (In Russ.). DOI: 10.17803/2311-5998.2020.68.4.129-136. EDN: BDTXWL.
5. *Ershova I. V., Trofimova E. V.* Mining and business activities: in search of the balance. *Actual Problems of Russian Law*. 2019. No. 6 (103). Pp. 73–82. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2019.103.6.073-082. EDN: XUZEAL.

6. *Kinsburskaya V.A.* Regarding taxation of revenues resulting from creation and use of cryptocurrency. *Taxes and Taxation*. 2019. No. 6. Pp. 22–32. (In Russ.). DOI: 10.7256/2454-065X.2019.6.30303. EDN: LSLVHJ.
7. *Kolesnichenko D.A., Kolesnichenko O.V.* Taxation of cryptocurrency mining in the Russian Federation: whether there is an economic basis for collecting personal income tax? *Taxes and Taxation*. 2020. No. 6. Pp. 35–46. (In Russ.). DOI: 10.7256/2454-065X.2020.6.33198. EDN: TYVQLU.
8. *Kochergin D.A., Pokrovskaya N.V.* Interpretation of crypto-assets and taxation specificity of digital assets in developed countries and Russia. *Moscow University Economics Bulletin*. 2020. No. 5. Pp. 182–216. (In Russ.). DOI: 10.38050/01300105202059. EDN: WVNZCJ.
9. *Kochergin D.A., Pokrovskaya N.V.* International Experience of Taxation of Crypto-assets // *HSE Economic Journal*. 2020. Vol. 24. No. 1. Pp. 53–84. (In Russ.). DOI: 10.17323/1813-8691-2020-24-1-53-84. EDN: PJBHVW.
10. *Kochergin D., Pokrovskaya N., Dostov V.* Tax regulation of virtual currencies circulation: Foreign countries experience and prospects for Russia. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*. 2020. Vol. 36. No. 1. Pp. 49–76. (In Russ.). DOI: 10.21638/spbu05.2020.103. EDN: EZUMMT.
11. Mining. Cryptocurrency. Law: monograph. / R.Yu. Kolobov, A.N. Ogorodov, M.G. Tirsikh, R.Yu. Khertuev. – Irkutsk: ISU Publishing House, 2023. (In Russ.). DOI: 10.26516/978-5-9624-2185-8.2023.1-107.
12. *Makurov A.A.* Mining as juridical and information category // *Actual Problems of Economics and Law*. 2018. Vol. 12. No. 2. Pp. 256–265. (In Russ.). DOI: 10.21202/1993-047X.12.2018.2.256-265. EDN: XQVSZN.
13. *Obukhova E.A.* ICO, as a Modern Method of High-Tech Projects Financing // *ECO*. 2018. Vol. 48. No. 3. Pp. 181–192. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-3-181-192. EDN: YWVKJN.
14. *Pestunov A.I.* “Blockchain” Distributed Secure Ledger and Cryptocurrencies: Potential Using in Business and Government // *ECO*. 2018. Vol. 48. No. 8. Pp. 78–92. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-8-78-92. EDN: LXMOBN.
15. *Pinskaya M.R., Tsagan-Mandzhieva K.N.* Taxation of income from cryptocurrency-related activities // *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2018. Vol. 11. No. 2. Pp. 138–148. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2018-11-2-138-148. EDN: YXKMKR.
16. *Samolysov P.V.* Legal regulation of cryptocurrency mining // *Law and Digital Economy*. 2020. No. 3(09). Pp. 13–20. (In Russ.). DOI: 10.17803/2618-8198.2020.09.3.013-020. EDN: VOEXSD.
17. *Tymoshenko A.A., Feyzov V.R., Chernov I.V.* Scenario approach to the study of the directions of regulation of the sphere of cryptocurrencies in the Russian Federation // *Russian journal of legal studies*. 2023. Vol. 10. No. 2. Pp. 21–30. (In Russ.). DOI: 10.17816/RJLS397536. EDN: HCJLBE.
18. *Tikhonova A.V.* Cryptocurrency and blockchain: sphere of application in tax field of the Russian Federation // *Taxes and Taxation*. 2020. No. 4. Pp. 1–9. (In Russ.). DOI: 10.7256/2454-065X.2020.4.33130. EDN: EIXXYR.
19. *Tyurikov A.G., Markov D.I., Mishin K.Y.* Assessment of the state’s tax risks in the field of indirect taxation in the context of digitalization of the Russian economy // *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2021. Vol. 14. No. 1. Pp. 112–122. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-1-112-122. EDN: NLQVIE.

20. *Cvetkov V.A., Shut'kov A.A., Dudin M.N., Ljasnikov N.V.* Cryptocurrency (electronic cash) as new financial institution // Moscow University Economics Bulletin. 2018. Vol. 6. Pp. 79–96. (In Russ.). DOI: 10.38050/01300105201865. EDN: YWJTML.
21. *Cherkasov V.* Issues of regulation of virtual currencies // Economic policy. 2022. Vol. 17. No. 4. Pp. 100–127. (In Russ.). DOI: 10.18288/1994-5124-2022-4-100-127. EDN: GWLCJI.
22. *Baeta Neves M.B.* Cryptoactives taxation and legal limitations of the economic power. Singular. Sociais e Humanidades. 2023. Vol. 1. No. 4. Pp. 34–40. DOI: 10.33911/singularsh.v1i4.144.
23. *Basson R.* An analysis of issues relating to the taxation of cryptocurrencies as financial instruments. Journal of Economic and Financial Sciences. 2020. Vol. 13. No. 1. a487. DOI: 10.4102/jef.v13i1.487.
24. *Bouri E., Jalkh N., Molnar P., Roubaud D.* Bitcoin for energy commodities before and after the December 2013 crash: diversifier, hedge or safe haven? Applied Economics. 2017. Vol. 49. No. 50. Pp. 5063–5073. DOI: 10.1080/00036846.2017.1299102.
25. *Budkin V., Budkin O.* Legal regulation of cryptocurrencies in Russia and foreign countries: problems and solutions. E3S Web of Conferences. 2023. Vol. 420. 08003. DOI: 10.1051/e3sconf/202342008003.
26. *Ehrke-Rabel T., Eisenberger I., Hödl E., Zechner L.* Bitcoin-Miner Als Prosumer: Eine Frage Staatlicher Regulierung? Dargestellt Am Beispiel Des Glücksspielrechts (Legal and Regulatory Aspects of Bitcoin Mining as a Form of Prosuming) // Austrian Law Journal. 2017. Pp. 188–223. DOI: 10.2139/ssrn.3036322.
27. *Ferniss J.* Taxation of bitcoins and similar cryptoassets in Scandinavia with special focus on Danish law. Intertax. 2023. Vol. 51. No. 1. Pp. 63–83. DOI: 10.54648/taxi2023007.
28. *Hajiaghapour-Moghipi M., Azimi Hosseini K., Hajipour E., Vakilian M.* An approach to targeting cryptocurrency mining loads for energy efficiency enhancement. IET Generation, Transmission & Distribution. 2022. Vol. 16. No. 23. Pp. 4775–4790. DOI: 10.1049/gtd2.12640.
29. *Harit P.* Cryptocurrency and social justice: a study of Indian taxation laws on emerging virtual challenges. 2020. DOI: 10.2139/ssrn.3615059.
30. *Kufeoglu S., Ozkuran M.* Energy Consumption of Bitcoin Mining. Cambridge Working Papers in Economics 1948. Faculty of Economics, University of Cambridge. 2019.
31. *Kusuma A. C. D. C., Negara T. A. S., Susmayanti R.* Legal framework for regulation of income tax on cryptocurrency transactions based on the principle of justice: comparative legal study with Canada // International Journal of Environmental, Sustainability, and Social Sciences. 2022. Vol. 3. No. 3. Pp. 556–563. DOI: 10.38142/ijess.v3i3.241.
32. *Martinčević I., Sesar V., Buntak K.* Implications of accounting and tax treatment of cryptocurrency // ENTRENOVA – ENTerprise REsearch InNOVAtion. 2021. Vol. 7. No. 1. Pp. 376–388. DOI: 10.54820/EDFK8186.
33. *Mohammadi A., Soltanifard J., Ranjbar H., Pahlevani M.E.* The compliance evaluation of cryptocurrency mining with Ja'aleh // Journal of Fiqh. 2022. Vol. 29. No. 111. Pp. 67–96. DOI: 10.22081/jf.2022.62736.2429.
34. *Muradyan S.V., Mikhaylenko N., Skachko A.V., Ivanova Y., Rogachev E., Alimamedov E.* Mining of Cryptocurrencies: Analysis of Law Enforcement Practice and Problem Solving in Legal Regulation // Jurnal Cita Hukum. 2023. Vol. 11. No. 1. Pp. 21–32. DOI: 10.15408/jch.v11i1.31161.

35. *Nanez Alonso S.L.* Activities and operations with cryptocurrencies and their taxation implications: the Spanish case // *Laws*. 2019. Vol. 8. No. 3. DOI: 10.3390/laws8030016.
36. *Nanez Alonso S.L., Jorge-Vazquez J., Echarte Fernandez M.A., Reier Forradellas R.F.* Cryptocurrency Mining from an Economic and Environmental Perspective. Analysis of the Most and Least Sustainable Countries // *Energies*. 2021. Vol. 14. No. 14. DOI: 10.3390/en14144254.
37. *Pachina A., Popova A.* The review of 'mining' in Russian media. *World of Media // Journal of Russian Media and Journalism Studies*. 2019. No. 2. Pp. 29–44. DOI: 10.30547/worldofmedia.2.2019.2. EDN: ONWXHW.
38. *Santoso S., Nita S., Koto Z.* Legal Protection and Tax Collection Mechanism for Investors Using Cryptocurrency Exchange in Indonesia // *International Journal of Multicultural and Multireligious Understanding*. 2022. Vol. 9. No. 6. Pp. 339–350. DOI: 10.18415/ijmmu.v9i6.3849.
39. *Slezak J., Cermakova I.* Taxation and Accounting of Cryptocurrencies from The Point of View of the Czech And Slovak Republic // *Hradec Economic Days*. 2023. Pp. 620–628. DOI: 10.36689/uhk/hed/2023-01-059.
40. *Song Yo-Der, Aste T.* The Cost of Bitcoin Mining Has Never Really Increased. *Frontiers in Blockchain*. 2020. Vol. 3. 565497. DOI: 10.3389/fbloc.2020.565497.
41. *Sun W., Jin H., Jin F., Kong L., Peng Y., Dai Z.* Spatial analysis of global Bitcoin mining // *Scientific Reports*. 2022. Vol. 12. 10694. DOI: 10.1038/s41598-022-14987-0.
42. *Thomson J.* Tragedy of the Energy Commons: How Government Regulation Can Help Mitigate the Environmental and Public Health Consequences of Cryptocurrency Mining // *Seattle Journal of Technology, Environmental & Innovation Law*. 2020. Vol. 11. No. 1. Pp. 77–111.
43. *Toda K., Kuze N., Ushio T.* Dynamics of miners' decision making under taxation in blockchain // *Nonlinear Theory and Its Applications, IEICE*. 2022. Vol. 13. No. 2. Pp. 233–238. DOI: 10.1587/nolta.13.233.
44. *Zengin B., Kocoglu S.* Cryptocurrency Market and Tax Regulations in Turkey: an Analysis in the European Emerging Economy // *Finanse I Prawo Finansowe*. 2022. Vol. 3. No. 35. Pp. 83–106. DOI: 10.18778/2391-6478.3.35.06.

Дата поступления рукописи: 03.03.2024 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Осадченко Елена Алексеевна – аспирант, ассистент кафедры финансов и управления рисками Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия
ORCID: 0000-0003-2792-4652
eaosadchenko@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Elena A. Osadchenko – postgraduate student, assistant of the Department of Finance and Risk Management of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
ORCID: 0000-0003-2792-4652
eaosadchenko@mail.ru

PROSPECTS FOR THE ORGANIZATION, REGULATION AND TAXATION
OF MINING IN RUSSIA

Cryptocurrency mining in Russia is not regulated by current legislation today, but the authorities recognize the existence of a business in this area that needs to be legalized. According to the scientific analysis, a low level of development of cryptocurrency mining organization, regulation and taxation issues was revealed. The international experience in this area has been summarized, such activities are generally prohibited, but there are countries where both regulation and taxation are carried out. The author has developed a model for the organization, regulation and taxation of cryptocurrency mining in the Russian Federation using the example of the first cryptocurrency – bitcoin, which involves embedding it into the current legal system without making significant changes in order to reduce time and administrative costs.

Keywords: *mining regulation, mining taxation, taxation, cryptocurrency, bitcoin, mining, crypto assets.*

JEL: G18, H25, K34.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

И.В. МЕДВЕДЕВ

младший научный сотрудник Центра постсоветских исследований
ФГБУН Институт экономики РАН

ЕВРАЗИЙСКИЙ ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Цифровизация и инновационное развитие занимают важное место в повестке стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Всеобъемлющие санкции в отношении России и изменение товаропотоков, вызванные нестабильной геополитической обстановкой, обусловили очевидную необходимость инноваций и цифровых технологий в сфере финансов, транспорта, таможенного контроля, в том числе и цифровизации интеграционных процессов. Целью исследования является определение инновационного потенциала ЕАЭС в контексте развития цифровой инфраструктуры и технологий четвертой промышленной революции. В исследовании проводится сравнение инновационных потенциалов ЕАЭС и ряда других региональных интеграционных объединений. В ходе исследования делается вывод о том, что при наличии в достаточной степени развитой цифровой инфраструктуры, дальнейшее развитие инновационного потенциала ЕАЭС будет осложнено санкциями, затрагивающими доступ к зарубежным технологиям, и во многом будет зависеть от эффективности применяемой в России политики импортозамещения.

Ключевые слова: ЕАЭС, цифровизация интеграции, цифровая экономика, цифровая инфраструктура, патентная активность.

УДК: 339.9

EDN: YSWLKN

DOI: 10.52180/2073-6487_2024_2_137_157

Введение

Внедрение цифровых технологий, рассматриваемое в узком смысле, изменило форму взаимодействия бизнеса и промышленности путем решения проблемы физической удаленности. В широком смысле цифровые технологии повысили устойчивость и способствовали развитию инновационных глобальных цепочек стоимости (ГЦС), что сыграло большую роль в восстановлении ряда экономик после

пандемии, равно как и увеличило связанность и взаимозависимость национальных государств. Учитывая современные тренды развития передовых технологий, для того чтобы компаниям России развиваться и конкурировать на мировом рынке, им необходимо иметь доступ к широкому кругу поставщиков и рынков. Наличие сильной обратной и вертикальной интеграции, которая обозначается в зарубежной литературе как *backward and forward integration*, также предполагает доступ к новейшим технологиям и инновациям для модернизации и подключения к ГЦС с наибольшим потенциалом роста [1]. По этой причине во многих научных публикациях делается вывод, что страны все больше полагаются на ГЦС, основанные на цифровых платформах, которые обеспечивают присоединение компаний к глобальной производственной и инновационной экосистеме. Вместе с этим в научных докладах можно встретить тезис, что сама тема влияния инноваций и цифровых технологий на связанность и интеграцию между странами остается сравнительно малоизученной [2].

Первый раздел статьи посвящен краткому обзору влияния технологий и инфраструктуры на интеграцию и связанность между национальными экономиками. Во втором разделе анализируются основные показатели, которые помогут дать представление об инновационном потенциале ЕАЭС, экономической связанности участников и об уровне развития цифровой инфраструктуры.

Роль инфраструктуры, технологий и ГЦС в обеспечении экономической связанности интеграции в рамках четвертой промышленной революции

Региональная интеграция не происходит в вакууме: обменные операции между странами не могут происходить без физической и институциональной инфраструктуры, которую часто называют связанностью. Стоит подчеркнуть, что под связанностью часто подразумевается именно экономическая связанность, которая относится к различным формам экономических отношений между государствами или группами государств в таких областях, как, например, торговля, финансы, технологии и миграция. В этом смысле интеграционные объединения потенциально могут стать стартовой площадкой для использования возможностей, предоставляемых глобализованной мировой экономикой, одновременно защищая страны-члены от колебаний и рисков глобальных рынков.

В научной литературе различают три типа интеграции, среди которых отдельно выделяют:

- экономическую и торговую интеграцию, включающую различные этапы и стадии (преференциальные торговые соглашения;

- зоны свободной торговли; таможенные союзы; общий рынок; экономические и валютные союзы);
- политическую интеграцию, которая предполагает большую глубину, координацию и гармонизацию действий национальных правительств, развитую институциональную сферу;
 - физическую (пространственную) интеграцию, в которой главными компонентами являются инфраструктура и услуги, которые она предоставляет¹.

Первые два типа интеграции (экономическая/торговая и политическая) широко анализировались в различных исследованиях и научных работах, которые проводились в рамках теорий международной экономической интеграции, но не будут являться предметом данного обзора, несмотря на их бесспорную важность. Третья (пространственная) форма интеграции представлена не так широко, и именно ей будет уделено особое внимание. В некоторых исследованиях пространственную интеграцию называют «тихой» [3]. Появление данного термина было обусловлено тем, что в то время, когда политическая и экономическая интеграции начинают давать сбои или практически останавливаются, пространственная интеграция продолжает работать ввиду ее особенностей, которые будут приведены далее.

В концепции физической интеграции экономические интеграционные процессы состоят из трех элементов. Первый относится к физической инфраструктуре (в зарубежной научной литературе обозначается как *hard infrastructure*, или «жесткая инфраструктура»), охватывающей развитие региональных транспортных, энергетических, телекоммуникационных сетей и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Отдельной составляющей физической инфраструктуры является создание институциональных механизмов для управления и обслуживания этих объектов.

Второй составляющей является нематериальная инфраструктура (в зарубежной научной литературе обозначается как *soft infrastructure*, или «мягкая инфраструктура»). Она связана с устранением нематериальных барьеров на пути свободного движения товаров, капитала, услуг и рабочей силы, а также с созданием институциональных рамок для усиления интеграции национальных рынков. К ним относят: устранение препятствий и барьеров внутри рыночной торговли; гармонизацию политики содействия внутрирегиональной торговле

¹ Infrastructure Development and Regional Integration: What Challenges for Africa? https://au.int/sites/default/files/newsevents/workingdocuments/12582-wd-infrastructure_development_and_regional_integration_what_challenges_for_africa_0.pdf (дата обращения: 25.02.2024 г.).

и инвестициям; создание институтов управления трансграничными рынками; улучшение делового климата в регионе.

Последняя составляющая связана с совместными действиями по решению трансграничных проблем регионального или континентального характера, таких как управление водными ресурсами, адаптация к изменению климата, трансграничные проблемы здравоохранения и т. д. Для обобщения на рисунках 1 и 2 показаны компоненты, составляющие жесткую (рис. 1) и мягкую (рис. 2) инфраструктуру.

Инфраструктура оказывает большое влияние как на экономическую, так и на социальную сферу. По мере развития инфраструктуры экономики становятся более взаимосвязанными, стоимость реализации продукции снижается, конкурентоспособность повышается, привлекаются новые инвестиции и открываются новые рынки. Инфраструктура является неотъемлемой частью производственной системы, облегчая распределение товаров, и оказывает существенное влияние на доходы компаний и на экономику в целом. Необходимо подчеркнуть, что если «жесткая» инфраструктура видна и осязаема, то «мягкая» инфраструктура состоит из нематериальных элементов, которые формируют экономические и социальные взаимодействия (см. рис. 2).

Источник: составлено автором по: [4].

Рис. 1. Компоненты физической (жесткой) инфраструктуры

Источник: составлено автором по: [4].

Рис. 2. Компоненты мягкой (нематериальной) инфраструктуры

Определяя роль мягкой инфраструктуры в экономической связанности, можно выделить работу Е. Прейгермана, посвященную инфраструктурной связанности в Евразии, где институциональное обеспечение развития инфраструктурных проектов хотя и является необходимым условием, но его одного недостаточно: для согласования и успешной реализации масштабного инфраструктурного проекта требуются в качестве минимальных условий доверие и эффективная коммуникация между участвующими странами. Здесь важно выделить разграничение понятий «связанность» и «совместимость». Совместимость имеет более широкий смысл и включает в себя связанность институ-

ционально-договорную, а также общественно-политические условия, необходимые для реализации сотрудничества [5].

В ряде научных публикаций и докладов основным препятствием для расширения торговли и связанности называют высокую стоимость транспортировки товаров (из-за больших расстояний), высокие эксплуатационные расходы транспортных средств, высокие затраты на перевалку, сложность процедур пересечения границ². Последнее, в частности, является гораздо более серьезным препятствием для торговли, чем недостаточная развитость физической инфраструктуры.

Здесь можно выделить исследование связанности стран Индокитая с применением модели географической симуляции (IDE-GSM) по оценке долгосрочных эффектов развития инфраструктуры. Хотя при физическом отсутствии дорог, портов и аэропортов торговля в принципе невозможна, моделирование показывает, что простого соединения регионов автомагистралями недостаточно для облегчения международной торговли товарами. Даже единичный производственный процесс международного уровня требует пересечения национальных границ как минимум до четырех раз, что опосредует возникновение различных накладных расходов как явного характера (тарифы), так и неявных затрат (временные издержки таможенного оформления).

Снижение этих торговых издержек является серьезной проблемой, поскольку условия по транспортировке различных товаров и меры по содействию торговле весьма разнообразны по сложности и требованиям к ресурсам, а их эффективность зависит от уровня инфраструктуры, качества бизнес-климата и уровня развития нормативно-правового регулирования. Одним из основных выводов, показанных в модели IDE-GSM, является то, что издержки, возникающие при процедуре пересечения границы, влияют на географическое распределение населения и производства сильнее, чем ожидалось [6].

Чтобы оптимизировать и упростить торговые процедуры, страны все больше полагаются на электронный обмен данными, что проявляется в создании национальных электронных «единых окон», через которые участники ВЭД могут предоставлять необходимую документацию, оплачивать пошлины и т.д.³. Однако для того чтобы преимущества цифровизации процесса интеграции были реализованы в полной мере, электронные базы данных и нормативно-правовая документация должны быть приняты всеми странами-участницами регионального объединения, что, в свою очередь, требует разработки международной правовой базы с целью создания единой инфраструктуры,

² ASEAN connectivity. <https://connectivity.asean.org/> (дата обращения: 25.02.2024 г.).

³ В ЕАЭС совершенствуется механизм «единого окна». <https://eec.eaunion.org/news/v-eaes-sovershenstvuet-sya-mekhanizm-edinogo-okna-/> (дата обращения: 25.02.2024 г.).

которой должен предшествовать определенный технологический и инновационный ландшафт.

Для того чтобы определить составляющие этого ландшафта, необходимо сделать небольшое отступление и отдельно выделить термин «четвертая промышленная революция» (далее 4IR), под которым подразумевается интеграция цифровых технологий в различных отраслях экономики для повышения ее эффективности. Европейское патентное ведомство разделяет продукцию 4IR на три основных компонента: основные (базовые) технологии; вспомогательные (обеспечивающие) технологии; и приложения. В табл. 1 приводится краткий обзор классификации продукции высоких технологий 4IR.

Таблица 1

Продукция и технологии четвертой промышленной революции

Компонент	Сектор	Определение	Примеры
Основные (базовые) технологии	Аппаратное обеспечение	Материальные компоненты компьютерного и цифрового оборудования	Сенсоры, процессоры, дисплеи
	Программное обеспечение	Программы и другая операционная информация, используемая оборудованием	Облачные хранилища и вычислительные системы, операционные системы, технологии блокчейна
	Связь	Способность компьютера, программы, устройства или системы подключаться к Интернету, к другому компьютеру и т. д.	Сетевые протоколы для массово подключенных устройств, адаптивные беспроводные системы передачи данных
Вспомогательные (обеспечивающие) технологии	Управление данными	Технологические средства создания ценности из данных	Диагностические и аналитические системы для больших объемов данных; методы предсказания и прогнозирования; системы планирования и контроля
	Пользовательский интерфейс	Возможность отображения и ввода информации	Виртуальная реальность, дополненная реальность, распознавание и синтез речи
	Искусственный интеллект	Моделирование процессов человеческого интеллекта с помощью компьютера	Машинное обучение, нейронные сети

Компонент	Сектор	Определение	Примеры
Вспомогательные (обеспечивающие) технологии	Геолокация	Возможность определения положения объектов	Спутниковая навигация, относительное и абсолютное позиционирование между устройствами
	Источник питания	Обеспечение функционирования оборудования и устройств, в т.ч. с использованием «умных» технологий	Ситуационные системы зарядки оборудования, энергии, интеллектуальное управление энергосбережением
	Защита данных	Обеспечение защиты цифровых данных	Адаптивные системы безопасности устройств, сервисов и передачи данных
	Безопасность	Обеспечение защиты физических объектов	Интеллектуальные системы безопасности для предотвращения краж и сбоев
	Аддитивные 3D технологии	Использование моделируемых 3D-систем	3D-принтеры и сканеры для производства деталей, автоматизированное 3D-проектирование и моделирование
Приложения	Индивидуальные товары	Приложения для индивидуального использования	Устройства для индивидуального контроля за состоянием здоровья, умные носимые устройства, умные развлекательные и спортивные устройства, умные игрушки и текстиль.
	Дом	Приложения для управления домом	Умный дом, интеллектуальное освещение и отопление, бытовая робототехника, системы климат-контроля
	Транспорт	Приложения, обеспечивающие движение транспортных средств	Автономное вождение, навигационные устройства автопарка

Компонент	Сектор	Определение	Примеры
Приложения	Услуги	Приложения для бизнеса	Электронные платежи, системы лояльности, умные офисы
	Промышленность	Приложения для управления производством	Умные заводы, робототехника, энергосбережение
	Инфраструктура	Приложения для управления инфраструктурой	Интеллектуальные сети распределения энергии, интеллектуальные транспортные сети, интеллектуальные системы освещения и отопления
	Здравоохранение	Приложения для медицинских целей	Интеллектуальные системы здравоохранения и постановки диагноза, роботизированная хирургия
	Сельское хозяйство	Приложения для сельского хозяйства	Системы мониторинга климата, автоматизация теплиц, умное управление растениеводством и животноводством, умное земледелие

Источник: составлено автором по: [7].

Первый компонент, или основные (базовые) технологии, представляет собой основание, на котором строятся технологии 4IR. Эти технологии включают в себя три устоявшиеся сектора информационных технологий, которые представлены аппаратным обеспечением, программным обеспечением и связью. Второй компонент включает в себя передовые технологии, которые основываются на базовых технологиях в различных секторах и дополняют их (например, пользовательские интерфейсы, искусственный интеллект (ИИ) и т. д.). Третий компонент представлен приложениями, которые включают в себя применение технологий 4IR в различных отраслях экономики (например, интернет плюс эффективная логистика и т.д.). Эти передовые технологии потенциально являются катализаторами структурной трансформации цепочек создания стоимости в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

В этом контексте развитие цифровой инфраструктуры как компонента физической инфраструктуры является необходимым условием обеспечения связанности между национальными экономиками. В данном случае ГЦС выступают одновременно как форма торговли промежуточными товарами сферы высоких технологий между транснациональными компаниями, так и каналом передачи знаний, ноу-хау и инноваций.

Таким образом, можно согласиться с тезисом о том, что промышленная политика, ориентированная на интеграцию в ГЦС, идет дальше, чем промышленная политика, ориентированная на импортозамещение, поскольку ГЦС-политика направлена на создание отдельных звеньев в рамках ГЦС, которые способны приносить стране большую долю или объем добавленной стоимости, а также нацелена на установление связей между зарубежными и локальными игроками в цепочке стоимости в рамках международных производственных систем [8]. В этом отношении выстраивание высокотехнологичных ГЦС обусловлено развитием цифровой экономики и цифровизации интеграции как одних из ключевых факторов создания физической инфраструктуры и увеличения связанности между странами.

Технологический и инновационный ландшафт региональной интеграции ЕАЭС

Рассматривая связанность и цифровую трансформацию стран ЕАЭС, важно учитывать, что для постсоветского пространства факторы политического доверия и совместимости являются существенными условиями, что отмечается во многих публикациях, где можно выделить тезис о том, что «высокий уровень связанности и очевидное превосходство России в объеме экономики над соседями должны были конвертироваться во влияние. Однако политики постсоветских стран старались уравновесить этот факт, сохраняя дистанцию в отношениях с Россией, избегая широкого проникновения инвестиций и пытаясь диверсифицировать внешнюю торговлю прежде всего за счет стран ЕС» [9, с. 141].

Наряду с политическими противоречиями отдельным пунктом стоит выделить наличие транспортно-логистических проблем, которые играют существенную роль в трансграничной кооперации и соотносятся с тезисом о том, что режим свободной торговли (СТ) не всегда ведет к возникновению торговых отношений, равно как и физическая удаленность и техническая ненадежность взаимных коммуникаций вызывают рост «трения расстояния» и ослабляют ход регионализации на одних ее направлениях и усиливают на других, что проявляется в конкуренции на постсоветском пространстве глобальных и регио-

нальных центров экономического притяжения в лице США, Евросоюза, Китая и Турции [10].

Обращаясь к отечественным научным трудам, посвященным проблеме развития физической инфраструктуры, можно выделить исследования ИЭ РАН по определению и измерению связанности между Россией и странами «пояса соседства» на основе предложенного коэффициента торгово-экономической связанности (КТЭС) [11], где можно увидеть, что развитие крупных инфраструктурных проектов в регионах, обладающих транзитным потенциалом, является неотъемлемой составляющей улучшения региональной связанности [12].

Современный тренд на усиление связанности в рамках цифровизации евразийской интеграции как компонента физической инфраструктуры остается актуальным и приоритетным направлением развития региональной интеграции ЕАЭС. Здесь следует сделать небольшое уточнение, заключающееся в том, что региональная интеграция представляет собой сложную, многоаспектную концепцию, которая определяется на основе междисциплинарных исследований. Международные организации обычно прибегают к широким определениям этой концепции для того, чтобы измерить интеграцию посредством взаимодействия, сотрудничества и переплетения экономик с помощью различных способов [13]. Например, Экономическая комиссия ООН по странам Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК) определяет региональную интеграцию как процесс, посредством которого различные национальные экономики стремятся к взаимной выгоде, все больше дополняя друг друга [14]. В этом отношении свободное движение цифровых товаров, услуг и продуктов ИКТ рассматривается как один из наиболее быстрых способов сокращения разрыва в цифровом потенциале между экономиками.

Поднимая проблему измерения цифровой интеграции и инновационного потенциала регионального объединения, можно выделить доклад Экономической и социальной комиссии для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО) от 2020 г., который был посвящен исследованию влияния цифровизации на региональную интеграцию по семи основным категориям (торговля и инвестиции, финансы, региональные цепочки стоимости, инфраструктура, движение рабочей силы, регуляторное взаимодействие и цифровая экономика)⁴. Важно подчеркнуть, что хотя на сегодняшний день не существует общепринятого определения «цифровой экономики», тем не менее в широком смысле цифровая экономика включает в себя всю экономическую деятельность, зависящую от

⁴ Regional Integration for Sustainable Development in Asia and the Pacific: ESCAP Digital and Sustainable Regional Integration Index and Indicator Framework DigiSRII 1.0. <https://www.unescap.org/resources/DigiSRII> (дата обращения: 25.02.2024 г.).

использования цифровых ресурсов, включая цифровые технологии, цифровую инфраструктуру, цифровые услуги и данные⁵. В упрощенном варианте к основным показателям цифровизации интеграции и инновационного потенциала регионального объединения относят:

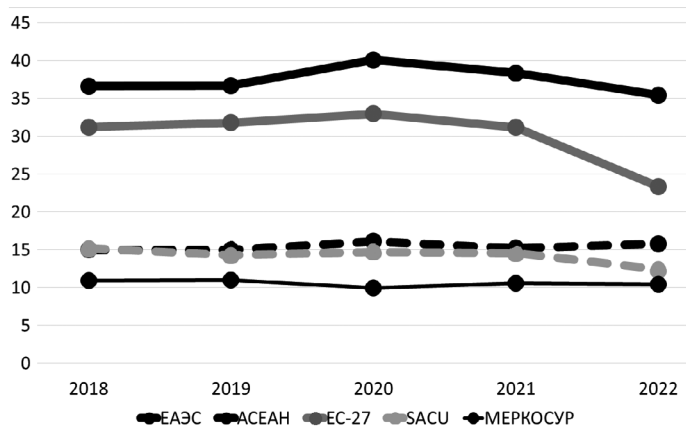
- долю высокотехнологичных товаров во внутрирегиональной торговле;
- среднюю долю домохозяйств, имеющих доступ в Интернет;
- среднее количество защищенных интернет-серверов на 1 млн населения.

Согласно определению, которое дает АО «Российский экспортный центр», высокотехнологичная продукция определяется как совокупность товаров следующих отраслей: авиатехника, приборы, ядерное топливо, электроника, лекарства; входит в классификацию верхнего передела (машиностроительная продукция, продукты питания, тонкая химия, ширпотреб)⁶. Схожим образом определяет высокотехнологичные товары Международная стандартная торговая классификация (МСТК), которая относит к продукции высоких технологий аэрокосмическую промышленность, компьютеры, офисное оборудование, электронику и телекоммуникации, фармацевтику, научные приборы, электрические машины, химическую промышленность, неэлектрические машины, вооружение [15]. Таким образом, при соотнесении продукции высоких технологий с определением 4IR, наибольший интерес представляет внутрирегиональная торговля по группам ТН ВЭД 30, 84, 85, 88 и 90. На базе этих товарных групп рассмотрена доля высокотехнологичных товаров во внутрирегиональной торговле ЕАЭС в сравнении с другими региональными объединениями (рис. 3).

Из приведенных данных можно увидеть, что доля высокотехнологичных товаров во взаимной торговле ЕАЭС в сравнении с АСЕАН и ЕС невелика и сопоставима с долей взаимной торговли в Южноафриканском таможенном союзе. Стоит выделить наличие тренда на увеличение доли высокотехнологичной продукции во взаимной торговле ЕАЭС, что объясняется как общей цифровизацией в странах ЕАЭС, так и реэкспортом высокотехнологичных товаров, ввезенных на территорию ЕАЭС с помощью параллельного импорта. Исследуя общую цифровизацию в странах ЕАЭС, важно отметить, что она демонстрирует устойчивую динамику роста и обусловлена как увеличением доли населения, имеющего доступ в Интернет (рис. 4), так и развитием цифровой инфраструктуры.

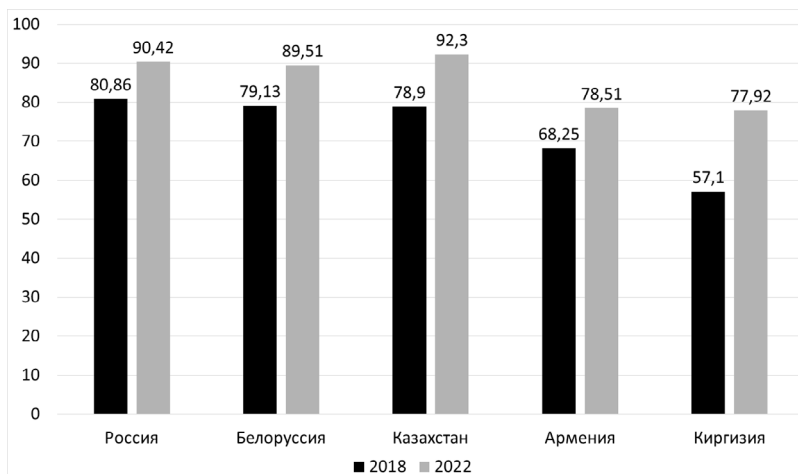
⁵ Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2017). Digital trade. The impact of digitalisation on trade. <https://www.oecd.org/trade/topics/digital-trade/> (дата обращения: 25.02.2024 г.).

⁶ Классификация экспортных товаров // Российский экспортный центр. https://www.exportcenter.ru/international_markets/classification/ (дата обращения: 25.02.2024 г.).

Источник: составлено и рассчитано автором по: данные ИТС Trademap, ЕЭК.

Рис. 3. Доля высокотехнологичных товаров (ТН ВЭД 30, 84, 85, 88 и 90) во взаимной торговле внутрирегиональных объединений за 2018–2022 гг. (%)

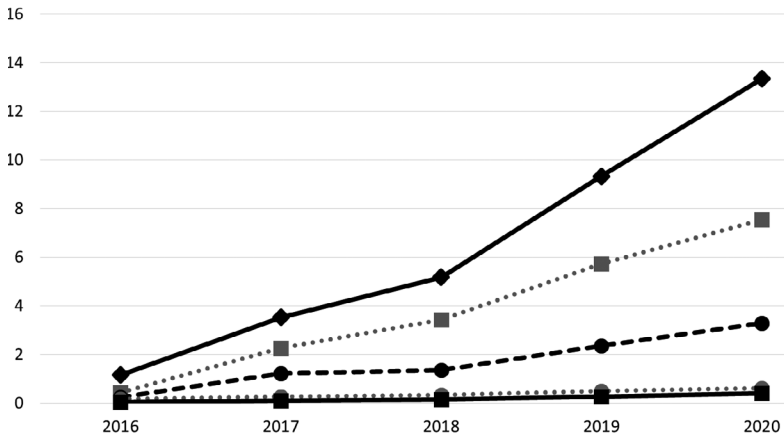

Источник: составлено автором по: данные The Global Economy.

Рис. 4. Доля населения с доступом к Интернету в странах ЕАЭС (%)

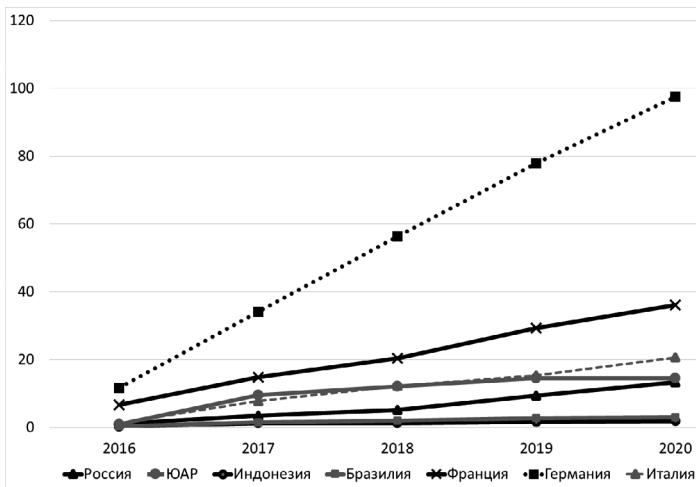
При сопоставимой доле населения, которая имеет доступ к Интернету, ситуация с количеством защищенных интернет-серверов иная (рис. 5).

По данным, приведенным на рис. 5, можно наблюдать стремительный рост количества защищенных интернет-серверов в большой тройке стран ЕАЭС, представленных Россией, Беларуссией и Казахстаном, при незначительном, хотя и устойчивом росте в Армении и Киргизии. Однако в сравнении с крупнейшими региональными экономиками, в разбивке по различным интеграционным объединениям, показатели оснащенности России в соотношении с другими региональными лидерами (в рамках отдельного интеграционного объеди-

Источник: составлено автором по: данные Всемирного банка.

Рис. 5. Защищенные интернет-серверы на 1 млн населения в странах ЕАЭС за 2016–2020 гг. (в тыс.)

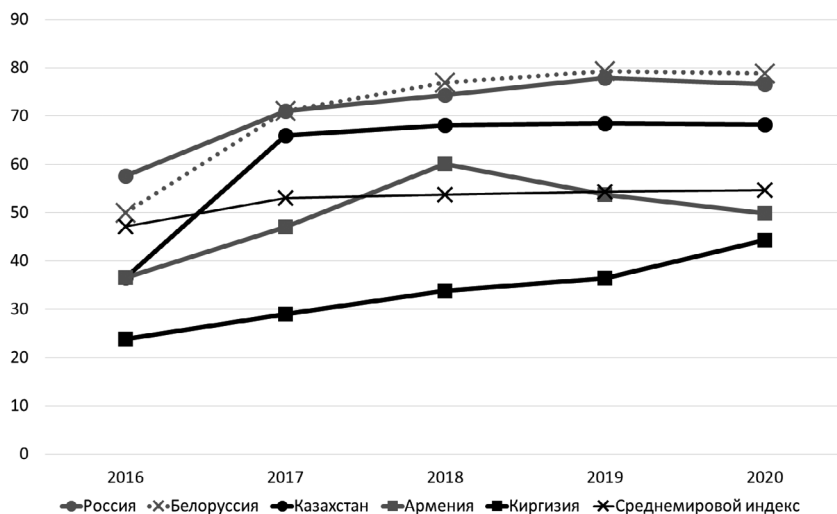
Источник: составлено автором по: данные Всемирного банка.

Рис. 6. Защищенные интернет-серверы на 1 млн населения в крупнейших региональных экономиках за 2016–2020 гг. (в тыс.)

нения) сопоставимы с ЮАР и намного отстают от Германии и Франции (рис. 6).

В качестве промежуточного вывода можно привести исследование Министерства экономического развития РФ, которое было посвящено цифровизации в странах АСЕАН и в России. Основной тезис заключается в решающей роли ИКТ-инфраструктуры в ускорении цифровой трансформации, где Интернет является основным носителем данных и информации. Качественное и доступное подключение к Интернету

обуславливает развитие электронной торговли⁷. Рассматривая развитие электронной коммерции и сопутствующей инфраструктуры в странах ЕАЭС, можно наблюдать постепенное наращивание торговли с применением передовых цифровых технологий и интернета вещей (рис. 7).

Источник: составлено автором по: данные Всемирного банка.

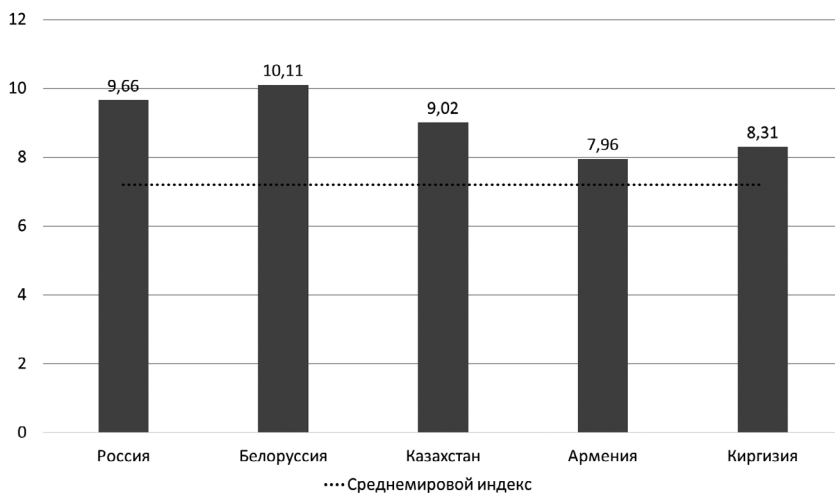
Рис. 7. Индекс развития электронной коммерции ЮНКТАД за 2016–2020 гг. (0–100)

Уверенный рост электронной торговли демонстрируют Россия, Беларусь, Казахстан и Киргизия. Развитие электронной коммерции в Армении показывало существенный темп роста до 2018 г. – до начавшегося спада, связанного как с политической нестабильностью внутри страны (Бархатная революция 2018 г.)⁸, так и с последствиями пандемии COVID-19, которая затронула почти все страны ЕАЭС за исключением Киргизии. После периода восстановления электронная торговля продолжает активно развиваться. Темпы ее роста превышают мировые; наибольший рост в 2022 г. зафиксирован на уровне 30% в Республике Казахстан и в Российской Федерации⁹. Одновременно с этим важно обратить внимание на то, что уровень развития ИКТ-инфраструктуры во всех странах ЕАЭС в 2022 г. превысил среднемировой (рис. 8).

⁷ Цифровизация ММСП в России и странах АСЕАН. https://economy.gov.ru/material/file/b261c8ad088c0dc63e28d37a5aa47524/cifrovizaciya_mmsp_v_rossii_i_stranah_asean.pdf (дата обращения: 25.02.2024 г.).

⁸ Основные тенденции интеграционного развития Армении в 2019 г. https://eabr.org/upload/iblock/bc9/EABR_RA_06_2020_RU.pdf (дата обращения: 25.02.2024 г.).

⁹ Использование передовых цифровых технологий и Интернета вещей задает новое направление развития интеллектуальной собственности. <https://eec.eaeunion.org/> (дата обращения: 25.02.2024 г.).

Источник: составлено автором по: данные Всемирного банка.

Рис. 8. Индекс развития ИКТ-инфраструктуры ООН (2022 г.)

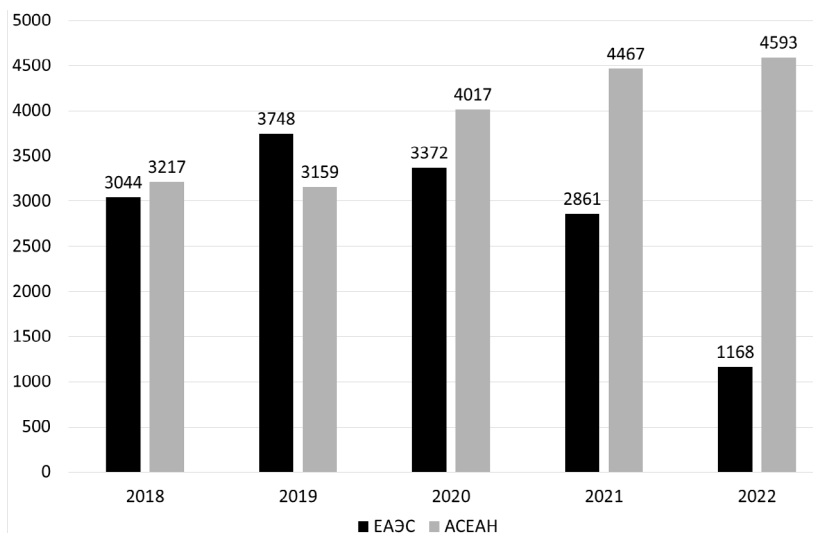
Возвращаясь к проблеме измерения инновационного потенциала ЕАЭС, нужно учитывать, что наличие развитой инфраструктуры не является единственным условием превращения регионального объединения в центр инновационного развития. Наглядным примером в данном случае выступает опыт стран АСЕАН, которые имеют существенные различия в уровне развития цифровой инфраструктуры. При этом цифровизация является ключевой составляющей регионального сотрудничества, что должно быть отражено как в комплексных планах, так и в стратегических документах по конкретным направлениям цифровизации [16].

Для определения инновационного потенциала ЕАЭС в качестве индикатора будут использоваться количественные показатели патентных семейств по различным категориям 4IR технологий с использованием базы данных ВОИС¹⁰. Здесь важно отметить, что не все запатентованные изобретения имеют соизмеримую силу и приводят к реальным инновациям. Довольно часто многие патенты не воплощаются в дорогостоящие приложения и продукцию, но тем не менее количественные показатели патентов в сфере технологий 4IR остаются актуальным показателем инновационного потенциала и возможностей каждой экономики, равно как и потенциала регионального объединения.

В качестве базы для сравнения было выбрано региональное объединение АСЕАН, как лидер по внутрирегиональной торговле высо-

¹⁰ Центр статистических данных ВОИС по ИС. <https://www3.wipo.int/ipstats/key-search/indicator> (дата обращения: 25.02.2024 г.).

котехнологичными товарам. На рис. 9 приводится совокупное количество патентов, подпадающих под категорию 4IR технологий, в странах ЕАЭС и АСЕАН.

Источник: составлено и рассчитано автором по: данные ВОИС.

Рис. 9. Количество патентов, опубликованных патенты в странах ЕАЭС и АСЕАН в сфере 4IR технологий

При анализе патентной активности по опубликованным патентам использовалась статистика ВОИС с разбивкой по областям техники, наиболее соответствующей технологиям 4IR, куда вошли следующие категории: (электрическая техника, оборудование, энергетика, аудиовизуальное оборудование, связь, цифровые средства связи, основные процессы связи, компьютерная техника, ИТ-методы организации и управления. По приведенным данным можно увидеть, что ЕАЭС и АСЕАН имели сопоставимые показатели по количеству опубликованных патентов. В обоих случаях инновационные разработки представлены преимущественно одной страной (95% опубликованных патентов за Россией и 88% за Сингапуром). В 2022 г. произошел резкий спад патентной активности, что связано с введенными санкциями, которые в том числе ограничили доступ России к зарубежным технологиям. Одновременно с этим произошла активизация в сфере цифровизации евразийского пространства, что можно наблюдать как на примере увеличения заявок в Едином реестре евразийского программного обеспечения¹¹, так и в планах по созданию интегрирован-

¹¹ Единый реестр евразийского ПО. <https://eac-reestr.digital.gov.ru/> (дата обращения: 25.02.2024 г.).

ной цифровой платформы ЕАЭС¹² и в других нормативных документах по реализации цифровой повестки ЕАЭС [17].

Заключение

Развитие цифровой инфраструктуры, электронной торговли и генерация инноваций являются ключевыми составляющими обеспечения конкурентоспособности ЕАЭС. Несмотря на имеющиеся вызовы, обусловленные оттоком инвестиций, ограничением сотрудничества и закрытием доступа к зарубежным технологиям, в странах ЕАЭС была сформирована в достаточной степени адекватная цифровая инфраструктура. Дальнейшее развитие и состояние технологического и инновационного ландшафта зависит от множества факторов, таких, например, как расходы на НИОКР в странах ЕАЭС, преодоление «фрагментации» в политике импортозамещения России [18] и встраивание стран ЕАЭС в глобальные цепочки стоимости. В этом отношении процессы модернизации национальных экономик могут пойти нелинейным путем, переходя на более высокие стадии развития технологий за счет стратегических инвестиций в НИОКР и повышения квалификации рабочей силы. Однако с учетом имеющегося потенциала ЕАЭС можно выдвинуть предположение, что более предпочтительным является постепенный, линейный путь модернизации, который может быть достигнут за счет специализации, при которой экономики смогут постепенно наращивать свои технологии и производственные возможности по мере продвижения вверх по цепочкам создания стоимости в рамках взаимодействия с открытыми к сотрудничеству странами, региональными и нерегionalными интеграционными объединениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Del Prete D., Rungi A.* Backward and Forward Integration Along Global Value Chains // Review of Industrial Organisation. 2020. No. 57. Pp. 263–283. <https://doi.org/10.1007/s11151-020-09774-y>
2. *Wang Y.C., Nguyen T. Q., Bayhaqi A.* Digital Technology and Global Integration: Opportunities for Innovative Growth // APEC Policy Support Unit POLICY BRIEF.2022. September. No. 49. Pp. 1–16.
3. *Middlebrook Kevin J.* The Ties That Bind: “Silent Integration” and Conflict Regulation in U.S.- Mexican Relations // Latin American Research Review. 1991. Vol. 26. Pp. 261–275.

¹² Решение Евразийского межправительственного совета от 21 октября 2022 г. № 2 «О Целевой программе развития интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза до 2027 года» // СПС Гарант. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405447175/> (дата обращения: 25.02.2024 г.).

4. *Portugal-Perez A. and Wilson J.* Export Performance and Trade Facilitation Reform: Hard and Soft Infrastructure // World Development. 2012. Vol. 40. Iss. 7. Pp. 1295–1307.
5. *Прейгерман Е.* Инфраструктурная связность и политическая стабильность в Евразии // Валдайские записки. 2018. № 85. <https://globalaffairs.ru/articles/infrastrukturnaya-svyaznost-i-politicheskaya-stabilnost-v-evrazii/> (дата обращения: 14.02.2024 г.).
6. *Satoru K., Toshitaka G., Ikumo I., Souknilanh K.* Predicting Long-Term Effects of Infrastructure Development Projects in Continental South East Asia: IDE Geographical Simulation Model // Economic Research Institute for ASEAN and East Asia, Papers. 2008. Pp. 1–34.
7. *Pose-Rodriguez Javier & Ménière Yann & Philpot Jeremy & Rudykllja & Weweg Shaun & Wienold Norbert (2020).* Patents and the Fourth Industrial Revolution: The global technology trends enabling the data-driven economy. https://www.researchgate.net/publication/353637878_Patents_and_the_Fourth_Industrial_Revolution_The_global_technology_trends_enabling_the_data-driven_economy (дата обращения: 14.02.2024).
8. *Волгина Н.А.* Глобальные цепочки стоимости, индустриализация и промышленная политика //ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2017. № 6. С. 23–31. EDN: YKVAKR.
9. *Сушенцов А. А., Офицеров-Бельский Д. В.* Инструменты политической стратегии России в Восточной Европе: экономическая взаимозависимость // Современная Европа. 2019. №3 (88). С 139–150. DOI: 10.15211/soveurope32019139149.
10. Постсоветские страны в процессах международной регионализации в 2010–2020 гг.: ожидания, итоги, новые тенденции: Коллективный научный доклад / Под ред. Л.Б. Вардомского. М.: ИЭ РАН, 2021.
11. *Пылин А.Г.* Проблемы повышения связанности постсоветской Евразийской интеграции // Общество и экономика. 2019. № 11. С. 57–69. DOI: 10.31857/S020736760007589-6.
12. Каспийский регион в процессах регионализации Евразии: Коллективный научный доклад / Отв. ред. Л.Б. Вардомский. М.: ИЭ РАН, 2023.
13. *Anukoonwattaka W., Romao P., Bhogal P., Bentze T., Lobo R., Vaishnav A.* Digital economy integration in Asia and the Pacific: Insights from DigiSRII 1.0 // Asia-Pacific Sustainable Development Journal. 2022. Vol. 28. Iss. 2. Pp. 113–148.
14. *Tomassian G. C.* Physical infrastructure and regional integration // FAL Bulletin. 2009. Vol. 12. No. 280. Pp. 1–4.
15. *Спицина Д. В.* Оценка экспорта высокотехнологичной продукции Российской Федерации в страны БРИКС и ЕАЭС // Вестник ГУУ. 2023. №1. С. 160–169. DOI: 10.26425/1816-4277-2023-1-161-169. EDN: RKDBEV.
16. *Васина А. Н., Демина Ю. А.* Политика в целях развития цифровой экономики в плановых и стратегических документах АСЕАН // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24. № 4. С. 49–68. EDN: ВНМТХW.
17. *Еременко М.Ю.* Цифровизация как драйвер экономической интеграции стран Евразийского Экономического Союза // Вестник ГУУ. 2021. №3. С.32–37. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-3-32-37. EDN: JVAVAY.
18. *Шалденкова Т.Ю.* Догоняющее развитие: опыт стран АСЕАН и Российская политика импортозамещения // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. № 3. С. 539–554. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-539-554. EDN: ZEWETP.

REFERENCES

1. *Del Prete D., Rungi A.* Backward and Forward Integration Along Global Value Chains // Review of Industrial Organisation. 2020. No. 57. Pp. 263–283. <https://doi.org/10.1007/s11151-020-09774-y>
2. *Wang Y.C., Nguyen T. Q., Bayhaqi A.* Digital Technology and Global Integration: Opportunities for Innovative Growth // APEC Policy Support Unit POLICY BRIEF. 2022. September. No. 49. Pp. 1–16.
3. *Middlebrook Kevin J.* The Ties That Bind: “Silent Integration” and Conflict Regulation in U.S. – Mexican Relations // Latin American Research Review. 1991. Vol. 26. Pp. 261–275.
4. *Portugal-Perez A. and Wilson J.* Export Performance and Trade Facilitation Reform: Hard and Soft Infrastructure // World Development. 2012. Vol. 40. Iss. 7. Pp 1295–1307.
5. *Preygerman E.* Infrastructural connectivity and political stability in Eurasia // Valdai Notes. 2018. № 85. [electronic resource]. Access mode: <https://globalaffairs.ru/articles/infrastrukturnaya-svyaznost-i-politicheskaya-stabilnost-v-evrazii/> (accessed: 14.02.2024). (In Russ.).
6. *Satoru K., Toshitaka G., Ikumo I., Souknilanh K.* Predicting Long-Term Effects of Infrastructure Development Projects in Continental South East Asia: IDE Geographical Simulation Model // Economic Research Institute for ASEAN and East Asia, Papers. 2008. Pp. 1–34.
7. *Pose-Rodriguez Javier & Ménière Yann & Philpot Jeremy & Rudyk Ilya & Weweg Shaan & Wienold Norbert (2020).* [electronic resource]. Access mode: Patents and the Fourth Industrial Revolution: The global technology trends enabling the data-driven economy. https://www.researchgate.net/publication/353637878_Patents_and_the_Fourth_Industrial_Revolution_The_global_technology_trends_enabling_the_data-driven_economy (accessed: 14.02.2024).
8. *Volgina N.A.* Global value chains, industrialization and industrial policy // ETAP: economic theory, analysis, practice. 2017. No. 6. Pp. 23–31. (In Russ.). EDN: YKVAKR.
9. *Sushentsov A. A., Ofitserov-Belsky D. V.* Instruments of Russia’s political strategy in Eastern Europe: economic interdependence // Modern Europe. 2019. No. 3 (88). Pp. 139–150. (In Russ.). DOI: 10.15211/soveurope32019139149.
10. Post-Soviet countries in the processes of international regionalization in 2010–2020: expectations, results, new trends: Collective scientific report / Ed. L.B. Vardomsky. M.: Institute of Economics RAS, 2021. (In Russ.).
11. *Pylin A.G.* Problems of increasing the connectivity of post-Soviet Eurasian integration // Society and Economy. 2019. No. 11. Pp. 57–69. (In Russ.). DOI: 10.31857/S020736760007589-6.
12. The Caspian region in the processes of regionalization of Eurasia: Collective scientific report / Responsible. ed. L.B. Vardomsky. M.: Institute of Economics RAS. 2023. (In Russ.).
13. *Anukoonwattaka W., Romao P., Bhogal P., Bentze T., Lobo R., Vaishnav A.* Digital economy integration in Asia and the Pacific: Insights from Digi SRII 1.0 // Asia-Pacific Sustainable Development Journal. 2022. Vol. 28. Iss. 2. Pp. 113–148.
14. *Tomassian G. C.* Physical infrastructure and regional integration // FAL Bulletin. 2009. Vol. 12. No. 280. Pp. 1–4.
15. *Spitsina D.V.* Assessment of exports of high-tech products of the Russian Federation to the BRICS and EAEU countries // Vestnik Universiteta. 2023. No. 1. Pp. 160–169. (In Russ.). DOI: 10.26425/1816-4277-2023-1-161-169. EDN: RKDBEV.

16. *Vasina A. N., Demina Yu. A.* Policy for the development of the digital economy in ASEAN planning and strategic documents // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24. No. 4. Pp. 49–68. (In Russ.). EDN BHMTXW.
17. *Eremenko M. Yu.* Digitalization as a driver of economic integration of the countries of the Eurasian Economic Union // Vestnik Universiteta. 2021. No. 3. Pp. 32–37. (In Russ.). DOI: 10.26425/1816-4277-2021-3-32-37. EDN: JVAVAY.
18. *Shaldenkova T. Yu.* Catch-up development: the experience of ASEAN countries and the Russian policy of import substitution // Vestnik RUDN. International Relations. 2017. No. 3. Pp. 539–554. (In Russ.). DOI 10.22363/2313-0660-2017-17-3-539-554. EDN: ZEWETP.

Дата поступления рукописи: 28.02.2024 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Медведев Илья Витальевич – младший научный сотрудник Центра постсоветских исследований ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-3754-0409
ilya13092@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ilya V. Medvedev – Junior Researcher of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Center for post-Soviet Studies, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-3754-0409
ilya13092@yandex.ru

EURASIAN INTEGRATION PROJECT IN THE DIGITAL TRANSFORMATION FRAMEWORK OF THE RUSSIAN ECONOMY

Digitalization and innovative development occupy an important place on the agenda of the countries of the Eurasian Economic Union (EAEU). Comprehensive sanctions against Russia and changes in trade flows caused by the unstable geopolitical situation have created an obvious need for innovation and digital technologies in finance, transport, customs control, including digital integration. The purpose of the study is to determine the innovative potential of the EAEU in the context of digital infrastructure development and the fourth industrial revolution technologies. The study compares the innovation potential of the EAEU with other regional integration association. It is concluded that if there is a well-developed digital infrastructure, the further growth of the innovative potential of the EAEU will be complicated by sanctions preventing access to foreign technologies, and will largely depend on the effectiveness of the import policy in Russia.

Keywords: *EAEU, digitalization of integration, digital economy, digital infrastructure, patent activity.*

JEL: F13, F15, F53.

К 300-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

М.И. ВОЕЙКОВ

доктор экономических наук,
главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

РОЛЬ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ АН СССР В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ РЕФОРМЫ 1965 ГОДА

В статье раскрывается роль и место Института экономики АН СССР в ходе разработки теоретических проблем косыгинской реформы 1965 г. и в процессе их обсуждения между советскими экономистами того времени. На многих материалах показывается, что Институт экономики, по существу, являлся научным штабом этой реформы, ведущие ученые Института уже с конца 1950-х годов высказывали мысли и положения, которые впоследствии легли в основу проводимой хозяйственной реформы. Суть этих положений сводилась к необходимости развития рыночных отношений в советской экономике того времени и усиления действенности закона стоимости. В статье также говорится о том, что в начале 1970-х годов Институт экономики подвергся жесткой критике со стороны партийных органов, результатом которой стала реорганизация Института.

Ключевые слова: *товарно-денежные отношения, рынок, закон стоимости, планирование, показатели работы предприятий, прибыль, рентабельность, материальное стимулирование, ученые, институты.*

УДК: 330.84, 330.86

EDN: KBVALD

DOI: 10.52180/2073-6487_2024_2_158_171

Хозяйственная реформа 1965 г. явилась заметным явлением в экономической жизни СССР. Так, Я.А. Кронрод, который в то время был активным участником разработки теоретических проблем реформы, в 1967 г. писал, что экономическая реформа была «направлена на эффективное использование товарно-денежных отношений с учетом их специфического содержания в экономике социализма» [13, с. 86]. В целом хозяйственная реформа 1965 г. имела положительный эффект, но, как оказалось, не очень длительный. Р.А. Белоусов, который на цифрах

проанализировал ход и результаты реформы, отмечал: «как свидетельствуют... данные, наибольший импульс ускорения промышленности получила в год наиболее активного внедрения новых форм хозяйствования – 1967-й. Затем их воздействие стало ослабевать» [2, с. 320]. Тем не менее, по мнению В.Д. Белкина, «Несмотря на неудачи реформы 1965–1967 гг., ее значение недооценивается. Предоставление предприятиям пусть даже и ограниченной самостоятельности развязало инициативу их руководителей, а затем и рядовых работников, позволило им почувствовать себя личностями, хоть в какой-то мере влияющими на ход событий, а не винтиками государственной машины. И наконец, следует отметить, что широкое обсуждение проблем реформы-65 в печати и других средствах массовой информации, на разного рода совещаниях, собраниях и конференциях пробудило в обществе небывалый прежде интерес к экономике – науке и практике» [1, с. 73]. И действительно, с того времени начались широкие дискуссии экономистов по достаточно острым теоретическим и актуальным практическим проблемам экономики, сформировались различные школы и направления в экономической науке, т. е. экономика стала наукой.

Эту реформу обычно называют косыгинской, хотя, справедливо-сти ради, надо сказать, что ее инициатором выступил Н.С. Хрущев, который был Первым секретарем ЦК КПСС с 1953 по 1964 г. и одновременно – председателем Совета министров СССР (с 1958 по 1964 г.). А.Н. Косыгин при Хрущеве был Первым заместителем председателя Совета министров СССР (1960–1964 гг.). И только после отстранения Хрущева от власти А.Н. Косыгин в 1964 г. стал председателем Совета министров СССР, который он возглавлял вплоть до 1980 г. Об этом напоминает В.Д. Белкин: «Реформу 1965–1967 гг. называют Косыгинской – по фамилии тогдашнего председателя Совмина А.Н. Косыгина, хотя подготовлена она была вопреки Косыгину, который поначалу оказывал этому активное противодействие. Программа реформы разрабатывалась по поручению Н.С. Хрущева» [1, с. 342].

Действительно, в докладе на ноябрьском Пленуме ЦК КПСС в 1962 г. Н.С. Хрущев говорил: «За последнее время в «Правде», «Известиях», «Экономической газете» развернулась серьезная дискуссия по широкому кругу экономических вопросов. В ней участвовало много специалистов промышленности и строительства, хозяйственников и ученых-экономистов. В ходе дискуссии и в письмах, поступивших непосредственно в ЦК КПСС, внесено много ценных предложений. Надо поручить плановым органам, Институту экономики Академии наук СССР внимательно изучить эти предложения, все дельное, разумное использовать для улучшения планирования» [24, с. 65]. Хотелось бы специально выделить, что уже здесь содержалось прямое задание Институту экономики АН СССР организовать работу по обобщению

нию поступивших предложений. Институт развернул очень большую работу по подготовке этой реформы, что широко отмечалось в научной литературе. Так, Ф.С. Веселков писал в те времена: «Институт экономики АН СССР, Госплан СССР, Госкомитет по вопросам труда и заработной платы и другие научные и хозяйственные организации в 1963 г. подвели итоги экономической дискуссии 1962 г.» [3, с. 87].

Об этой реформе много говорили и писали – и не всегда правильно. Так, в одной современной статье читаем: «Кульминацией обсуждений стала опубликованная в 1962 г. в газете «Правда» статья Е. Либермана «План, прибыль, премия», усилившая широкую дискуссию по проблемам совершенствования (слово «реформа» тогда не употреблялось) управления, планирования и экономического стимулирования» [11, с. 299]. Конечно, статья Е. Либермана была впечатляющей, яркой и умной. Но надо быть крайне наивным, чтобы считать, что эта статья подвигла ЦК КПСС провести специальный Пленум ЦК КПСС в сентябре 1965 г.

Проблемы, которые должна была разрешить экономическая реформа 1965 г., накапливались уже давно. В послевоенный период в советской теории воспроизводства, и не только в ней, господствовал так называемый натурально-вещественный подход, когда во главу угла ставилось «достижение определенных натуральных и трудовых пропорций», а стоимостная форма понималась как некоторое второстепенное средство решения поставленных задач (см.: [15, с. 67]). Но в реальной экономике товарно-денежные или рыночные отношения существовали и давали о себе знать почти на каждом шагу: это необходимость соизмерения затрат и результатов, стремление предприятий производить меньше и получать больше, важность материального стимулирования работников и т. п. Этот момент нашел отражение в исторической литературе. Так, О.В. Хлевнюк пишет: «В советской плановой экономике, в идеале предполагавшей распределение ресурсов и средств между предприятиями из единого центра, на самом деле действовали квазирыночные корректирующие элементы, прежде всего ограниченные и, как правило, нелегальные товарно-денежные отношения» [23, с. 75].

В работах ведущих ученых-экономистов встречался реалистический подход к вопросу о существовании рыночных отношений в плановой экономике. Некоторые советские экономисты подходили к проблемам народно-хозяйственных пропорций более широко, т.е. натурально-вещественный подход дополняли, а по сути, замещали стоимостным. Хотя некоторые экономисты, как, например, Я.А. Кронрод, в 1950-е годы в целом фразеологически не выпадали из господствующей парадигмы ограниченности действий закона стоимости при социализме. Так, в книге «Социалистическое воспроизводство» (1955 г.) Я.А. Кронрод писал: «Итак, закон стоимости, будучи законом, сфера действия которого ограничена общественной собственностью,

планированием и всей хозяйственной политикой социалистического государства, не регулируя производства, оказывает свое действие в процессе социалистического воспроизводства, служит осуществлению требований экономических законов социализма» [12, с. 98]. По тем временам и одного этого высказывания было уже немало. Таким образом, речь шла о действенности товарно-денежных отношений, а по сути дела, о легализации рынка в тех условиях (подробнее см.: [5]).

В послевоенный период общий настрой в экономической науке сводился к натурально-вещественным отношениям и закону плановости как главному экономическому закону, а экономическая реформа 1965 г. была призвана сломать эту парадигму.

Реформе 1965 г. предшествовали многие события в научной жизни, центром которых был Институт экономики АН СССР. Так, например, Р.А. Белоусов пишет: «Еще в мае 1957 г. на научном совещании в Институте экономики АН СССР по вопросу о законе стоимости и его использовании в народном хозяйстве СССР было достигнуто известное продвижение вперед в разработке теории товарно-денежных отношений... Было подвергнуто критике положение о том, что средства производства якобы не являются товарами по существу, а имеют лишь внешне товарную оболочку» [2, с. 306–307]. Действительно, в мае 1957 г. в Институте экономики АН СССР состоялось большое совещание ведущих ученых страны по проблемам использования закона стоимости в народном хозяйстве. Основные доклады и выступления участников были опубликованы в издательстве Госполитиздат в 1959 г. в книге, вышедшей под грифом Института экономики АН СССР [7].

Так, в основном докладе, представленном академиком К.В. Островитяновым, говорилось о том, что «Товарное производство и обращение при социализме охватывает всю массу предметов потребления, производимых государственными предприятиями и колхозами с целью продажи городскому и сельскому населению» [17, с. 17]. И далее, в другом месте: «Поскольку при социализме существует товарное производство, постольку продолжает действовать и закон стоимости» [17, с. 25].

В докладе Л.М. Гатовского также указывалось, что нужна такая система хозяйствования, «чтобы тот, кто снижает индивидуальные затраты по сравнению с общественно необходимыми, получал определенные преимущества» [6, с. 37]. Л.М. Гатовский утверждал, что «Рентабельность служит одним из основных (хотя и не единственным) экономических показателей при оценке работы предприятия и отрасли» [6, с. 40]. И наконец, такая мысль Л.М. Гатовского: «Требуется поднять роль прибыли предприятия, в большей степени использовать на каждом предприятии его прибыль для расширения производства, увеличения оборотных средств, для финансирования капитального строительства, совершенствования производства, премирования работ-

ников, обеспечения их жильем, для подготовки кадров» [6, с. 55]. По решению сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1965 г. на предприятиях из прибыли были образованы три фонда: фонд развития производства, фонд материального поощрения, фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства.

Таким образом, какими бы новаторскими не воспринимались тогда некоторые положения статьи Е. Либермана 1962 г., все они были озвучены учеными Института экономики АН СССР еще на 5 лет раньше. Можно также указать на статью Р.Г. Карагедова «Прибыль как экономическая категория социалистического хозяйства» в сборнике, опубликованном в 1960 г. под грифом Института экономики АН СССР [9], где более основательно, чем в статье Е. Либермана, рассматривались основные характеристики прибыли.

Более того, в ноябрьском номере журнала «Вопросы экономики» за 1962 г. опубликован большой материал «Проблемы экономического стимулирования предприятий», подготовленный по результатам совещания в Институте экономики АН СССР, где выступили многие ученые Института экономики по вопросам хозяйственного реформирования, в том числе и по поводу статьи Е. Либермана. Так, в выступлении К. Н. Плотнокова, который в то время был директором Института экономики, говорилось: «В ходе нашей дискуссии было внесено много конкретных предложений, в их числе есть рекомендации, диаметрально противоположные позиции тов. Либермана... К сожалению, в предложениях ряда авторов, в том числе и тов. Либермана, многие рекомендации, по нашему мнению, неудачны. Вопрос о планировании решается в отрыве от всего народного хозяйства, с нарушением связи между количественными и качественными показателями плана» [18, с. 112–113]. Последнее слово в этой дискуссии все-таки осталось за Институтом экономики АН СССР.

Институт экономики АН СССР в то время занимал ведущее положение в экономической науке, собирая в своем коллективе и привлекая к совместной работе лучших экономистов страны. Как вспоминала академик Т.И. Заславская, работавшая в Институте экономики с 1950 по 1963 г.: «Институт экономики АН СССР, в который я поступила по окончании МГУ, по праву считался «цитаделью» экономической науки, во всяком случае – лучшим ее представителем» [8, с. 231]. Также и В.Д. Белкин пишет: «Институт экономики АН СССР, согласно своему писаному и неписаному статусу, считался головным по отношению ко всем исследовательским экономическим учреждениям АН СССР, разбросанным по огромной стране» [1, с. 84]. В подтверждение этому приведем слова из экономического ежегодника «Экономическая наука и хозяйственная практика» (Вып. 1965 г., издательство «Экономика»): «Институт экономики АН СССР является одним из ведущих научно-исследовательских

учреждений в стране. ... Большие задачи поставлены перед институтом в 1965 г. Предстоит обобщить опыт внедрения новых показателей плана и оценки работы промышленных предприятий; перед учеными стоит важная задача – разработать рекомендации по созданию более совершенной хозрасчетной системы» [26, с. 183–184].

Институт экономики АН СССР подготовил и выпустил ряд сборников и монографий, в которых обсуждались проблемы хозяйственной реформы 1965 г. И в них почти нигде в то время не упоминалось имя Е. Либермана – все это было известно и до него. Так, в сборнике под названием «Теория и практика хозяйственной реформы», вышедшем под грифом Института экономики в 1967 г., в статье Т.С. Хачатурова было сказано: «Институт экономики АН СССР совместно с Институтами Госплана СССР и Госстроя СССР разработал проект второго издания Типовой методики определения экономической эффективности капитальных вложений в народное хозяйство СССР» [22, с. 150]. Или возьмем книгу академика В.С. Немчинова «О дальнейшем совершенствовании планирования и управления народным хозяйством» (1963 г.), работавшего некоторое время в Институте экономики АН СССР и возглавившего в начале 1940 г. впервые учрежденный в институте сектор статистики. Основные тезисы этой книги таковы: «Внедрять экономические методы руководства», «Главный критерий – прибыль», «Премии – в зависимости от результатов работы», «Преодолеть концепцию бесплатности основных фондов», «Приблизить цены к стоимостному уровню» и др. [14]. Про Е. Либермана – ни слова, все предложения разрабатывали ученые Института экономики АН СССР совместно с учеными других институтов.

В январе 1965 г. сотрудниками Института экономики был подготовлен доклад «О назревших мероприятиях по совершенствованию системы хозяйственного руководства отраслями материального производства в СССР (управление, централизованное планирование, хозяйственный расчет, товарно-денежный оборот, экономические стимулы)», где обсуждались все основные вопросы хозяйственной реформы 1965 г. В написании доклада участвовали Я.А. Кронрод, Л.П. Евстигнеева, И.В. Можайскова, Л.В. Никифоров, Б.В. Ракитский и др. В дискуссии по докладу приняли участие более 25 человек, в том числе С.Г. Струмилин, К.В. Островитянов, К.Н. Плотников, В.П. Дьяченко, Т.С. Хачатуров, Д.А. Аллахвердян, И.В. Маевский, И.А. Анчишкин, А.Д. Курский и др. [21, с. 133]. Вот эти ученые Института экономики АН СССР и были основными теоретиками косыгинской реформы 1965 г.

Возвращаясь к 1960-м годам в советской жизни, надо сказать, что именно в этот период появилась целая когорта российских интеллектуалов и, надо думать, были заложены научные основы позднейшей

модификации общества. Косыгинская реформа 1965 г. всколыхнула экономистов, дала повод говорить во весь голос не только о товарно-денежных отношениях «при социализме», но и о товарном производстве, рыночных отношениях, деньгах, прибыли, материальном стимулировании и т.п. реальных категориях рыночной экономики. Хотя, справедливости ради, можно сказать словами очевидца и активного деятеля всех этих событий В.М. Иванченко, которые он сказал на заседании круглого стола в Институте экономики РАН в 2009 г., что «косыгинские реформы как целостная система интеграции плана и рынка, интеграции регулирующих механизмов государства и рынка не были завершены» [20, с. 151].

Тем не менее это был наиболее интересный период в развитии общественной мысли в нашей стране, когда, казалось бы, тоталитарный режим уже ослаб и творческая мысль вроде бы пробивалась на свет, но судьбы ученых продолжало что-то надламывать. Особенно это стало чувствоваться в конце 1960-х и позже. То были знаменитые шестидесятые, которые, к сожалению, быстро кончились.

Осенью 1969 г. в Институте было проведено заседание Ученого совета по обсуждению, как тогда утверждали, программы II этапа экономической реформы. Сейчас становится понятным, что экономическая реформа 1965 г. в целом «не пошла» не только потому, что в ней было много изъянов, но прежде всего потому, что она не была нужна тогдашнему политическому руководству страны. Но в печати продолжали обсуждать реформистские мероприятия, некоторые экономисты мечтали о развитии и углублении реформы. Институт экономики еще продолжал играть ведущую роль в разработке идеологии экономической реформы. Об этом есть свидетельства современников, свободных от излишних симпатий, как к тому политическому режиму, так, думается, и к Институту экономики АН СССР. А. Каценелинбойген, бывший сотрудник ЦЭМИ АН СССР, затем уехавший в США, писал в 1977 г.: «Институт экономики долгие годы занимался преимущественно идеологией. Однако в середине 60-х годов работники Института приняли активное участие в проводимой в стране экономической реформе. Ряд ведущих деятелей аппарата ЦК КПСС поддерживал Институт. Не будет преувеличением, если я скажу, что Институт был теоретическим штабом этой реформы ...В начале 70-х годов, когда реформа была существенно свернута, Институт экономики был подвергнут резкой критике в постановлении ЦК КПСС» [10, с. 195].

Однако в середине 1960-х годов, да и в их конце, многие ученые-экономисты думали о легализации рыночных отношений, об углублении хозрасчета, даже о развертывании экономического соревнования (т.е. конкуренции) между предприятиями. Наверное, к таким «мечтателям»

можно отнести многих сотрудников Института экономики АН СССР. В 1968 г. группой сотрудников Института экономики был подготовлен доклад о развитии реформы (II этап) для обсуждения на Ученом совете Института с целью выработать предложения по дальнейшей работе над реформой и послать эти предложения в ЦК КПСС и правительство (как тогда говорили, в директивные органы) (см.: [21, с. 138]).

Эти самые «директивные органы» предложения ученых Института экономики, как и других реформаторов, положили «под сукно», но порекомендовали дирекции Института обсудить эти предложения «как следует». К тому времени политический курс выявился уже более четко – это был курс на свертывание всяческих реформ, на укрепление тоталитаризма, возрастание роли КПСС и т. п. В целом цикле работ сотрудников Института экономики, посвященных экономической реформе, наибольший интерес и ценность представляет теоретическое обоснование проводимой тогда реформы. Среди них можно выделить такие положения, как необходимость развития товарно-денежных отношений, функционирования закона стоимости, определенной свободы хозяйствования предприятий.

Чтобы лучше представить себе роль и место Института экономики АН СССР в дискуссиях того времени, надо вспомнить расстановку теоретических сил в экономической науке. В Москве были три наиболее крупные и известные школы в политической экономии социализма. Ядро их составляли: в МГУ им. М.В. Ломоносова – кафедра политической экономии экономического факультета под руководством Н.А. Цаголова, в Академии общественных наук при ЦК КПСС – кафедра экономических наук под руководством И.И. Кузьминова и в Институте экономики АН СССР – сектор общих проблем политической экономии социализма под руководством Я.А. Кронрода.

Если выделять самое главное или крупное разделение этих школ, как впрочем и всех советских экономистов того времени, то следует назвать отношение к «рыночному социализму», разделение на товарников и антитоварников. Конечно, прямо выражать симпатии рыночному социализму осмеливались очень немногие: сформировавшаяся школа или направление в экономической теории в целом не могла брать на свои знамена рыночный социализм. Так вот, школы И.И. Кузьминова и Н.А. Цаголова к «рыночному социализму» относились явно отрицательно. Б.В. Ракитский, вспоминая те времена, пишет даже так: «Сверху, от ЦК КПСС, пошел политический заказ: найти и изобличить у нас в СССР зловерный «рыночный социализм». Две самые реакционные школы в политической экономии СССР – кузьминовская (Академия общественных наук при ЦК КПСС) и цаголовская (экономический факультет МГУ) – взялись исполнять этот заказ тоталитарной власти» [19, с. 100]. Другое положение сложилось в Инсти-

туте экономики АН СССР. Например, Ю.Ф. Воробьев вспоминал, что «когда в «Индустриальной газете» была опубликована статья по поводу рыночных устремлений Б. Ракитского, в Институте экономики создали комиссию по защите ученого» [20, с. 153].

Вернемся к реформе 1965 г. Как уже говорилось, в Институте экономики АН СССР в 1968–1969 гг. готовились документы по второму этапу реформы, который был бы более глубоким и последовательным в разворачивании рыночной экономики. Однако случились чешские события (Пражская весна 1968 г.), и все осталось по-прежнему, как было, даже намечился явный поворот к восстановлению сталинизма.

В Институте экономики партийные власти устроили форменный погром. 21 декабря 1971 г. ЦК КПСС принял специальное решение «О работе партийной организации Института экономики Академии наук СССР по выполнению постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве», где указывалось, что «в работе дирекции Института экономики имеют место существенные недостатки и упущения». В частности: «Институт не сумел квалифицированно возглавить проходившие дискуссии по экономическим вопросам, имеющим актуальное значение для современного развития народного хозяйства», «планирование научно-исследовательской работы в Институте нередко основывается на индивидуальных интересах научных сотрудников, а не на потребностях комплексной разработки актуальных проблем... Недостаточно ведется работа по разоблачению научной несостоятельности буржуазных и реформистских «теорий» в области экономики» и т.п. [16, с. 3-4]. В итоге Институт был полностью реорганизован. Тогда, конечно, уже не сажали и не расстреливали, но погром был. Сменили директора, несколько человек ходили с партийными выговорами, были понижены в должности. Все это было (подробнее см.: [4]).

Никакое другое направление в экономической теории столь определенно не возразало против «безрыночного социализма», а некоторые представители университетского направления сами активно выступали его сторонниками. Следует добавить, что экономико-математическое направление в лице группировки СОФЭ чуть ли не официально взяло на вооружение концепцию «безрыночного социализма». Трудно удержаться, чтобы не процитировать многочисленные сочинения антирыночных сторонников СОФЭ, сотрудников ЦЭМИ АН СССР. К примеру, возьмем С.С. Шаталина, который писал в своей фундаментальной работе: «На наш взгляд, неправильными являются утверждения о том, что социалистические предприятия являются товаропроизводителями, а все поступающие в обмен и реализуемые через куплю-продажу средства производства и предметы

потребления являются товарами по существу» [25, с. 234]. И наконец, последняя характерная цитата: «Марксистской теорией строго установлено, какие экономические отношения в политической экономии характеризуются как специфический строй товарного производства, товарно-денежных отношений. Подвергать сомнению эти выводы политической экономии у нас нет никаких оснований. Прежде всего это относится к одному из важнейших теоретико-методологических положений марксистско-ленинской политической экономии о взаимоисключении планомерности как общей формы развития социалистических производственных отношений и товарных отношений, как исторической формы стихийного регулирования общественного производства» [25, с. 242].

В научной же школе Института экономики АН СССР находились отдельные ученые, смело высказывающие свои рыночные симпатии (И. Буздалов, В. Венжер, Я. Кронрод, Е. Маневич, Б. Ракицкий, Л. Никифоров и др.).

Кроме того, а может быть, это главное, для модернизации экономики России была объективно неизбежной очень существенная роль государства в управлении экономикой. Было необходимо, как говорится, огосударствление экономики. И это огосударствление было не чьей-то ошибкой или гримасой сталинизма, а объективно необходимой мерой осуществления догоняющего развития, т.е. нужна была мобилизационная экономика. Многие страны второго эшелона экономического развития проходили этот этап. И естественно, что в этот период механизм рыночного саморегулирования отодвигался мерами прямого государственного регулирования на задний план или дополнялся (уж как там получится) «непосредственно-планомерным» регулированием, т.е. плановым началом. В теории догоняющего развития это составляет центральное звено.

На мой взгляд, эти две формы экономического регулирования отражают потребности не только первоначального этапа становления индустриальной системы в технологически отсталой стране, но и реальности современного экономического мира вообще, и имеют мало связи с идеологией социализма или капитализма. Если уж говорить с предельной обобщенностью, то советское общество 1960-х годов, скорее всего, должно было в существенно большей мере регулироваться именно рыночными механизмами, что, говоря объективно, и было. Но это был, по существу, квазирынок, который постоянно наталкивался на прямое планомерное регулирование. Конфликт этих двух форм экономического регулирования держал в некотором напряжении не только экономику, но и политическое руководство страны. Ученые Института экономики АН СССР все это достаточно хорошо понимали и предлагали адекватный выход из создавшегося положения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белкин В.Д. Тернистый путь экономиста // Избранные труды: в 3 т. Т. 3. М.: ЦЭМИ РАН, 2015.
2. Белоусов Р.А. Исторический опыт планового управления экономикой СССР. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Мысль, 1987.
3. Веселков Ф.С. Стимулы высоких плановых заданий. М.: Наука, 1968.
4. Воейков М.И. Дихотомия политэкономии социализма 1960–1970 гг.: между планом и рынком // *AlterEconomics*. 2022. Т. 19. № 2. С. 391–406.
5. Воейков М.И. Я.А. Кронрод и дилеммы советской политэкономии // *TerraEconomics*. 2012. Т. 10. № 2. С. 55–66.
6. Гатовский Л.М. Роль закона стоимости в народном хозяйстве СССР // Закон стоимости и его использование в народном хозяйстве СССР / Под ред. Я.А. Кронрода. М.: Госполитиздат, 1959. С. 31–64.
7. Закон стоимости и его использование в народном хозяйстве СССР / Под ред. Я.А. Кронрода. М.: Госполитиздат, 1959.
8. Заславская Т.И. Институт экономики АН СССР: контрасты среды // Экономическая теория: феномен Я.А. Кронрода. К 100-летию со дня рождения / сост. Т.Е. Кузнецова. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 231–242.
9. Карагедов Р.Г. Прибыль как экономическая категория социалистического хозяйства // Проблемы политической экономии социализма. Вып. 1960 г. / Под ред. Я.А. Кронрода. М.: Госполитиздат, 1960. С. 64–88.
10. Каценелинбойген А. Советская политика и экономика. Кн. 2. Vermont: Chalidze Publications, 1988.
11. Костромина Г.Г. Экономические реформы в СССР 1960-х гг. // Экономические реформы: уроки истории. Сборник статей. М.: Институт экономики РАН. 2013. С. 298–302.
12. Кронрод Я.А. Социалистическое воспроизводство. М.: Госполитиздат, 1955.
13. Кронрод Я.А. О некоторых теоретических основах хозяйственной реформы // Совершенствование планирования и управления народным хозяйством. М.: Наука, 1967. С. 66–86.
14. Немчинов В.С. О дальнейшем совершенствовании планирования и управления народным хозяйством. М.: Экономиздат, 1963.
15. Ноткин А.И. Очерки теории социалистического воспроизводства. М.: Госполитиздат, 1948.
16. О работе партийной организации Института экономики АН СССР по выполнению постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» // Вопросы экономики. 1972. № 2. С. 3–5.
17. Островитянов К.В. Товарное производство и его особенности в условиях социализма // Закон стоимости и его использование в народном хозяйстве СССР / Под ред. Я.А. Кронрода. М.: Госполитиздат, 1959. С. 7–30.
18. Плотников К.В. чем прав и неправ Е.Г. Либман // Вопросы экономики. 1962. № 11. С. 112–114.
19. Ракитский Б.В. Быль о том, как официальная политэкономия СССР выдумала идейного врага – «рыночный социализм» – и как с ним боролась. // Социализм после социализма. Новый интеллектуальный вектор. / Под ред. М.И. Воейкова. СПб.: Алетейя, 2011. С. 93–107.

20. Соболев Э.Н. Косыгинские реформы – невыученный урок истории // Вопросы экономики. 2009. № 8. С. 149–154.
21. Судьба ученого и трагедия науки (К 80-летию со дня рождения Я.А. Кронрода). М.: Наука, 1992.
22. Хачатуров Т.С. Экономическая эффективность капитальных вложений // Теория и практика хозяйственной реформы. М.: Экономика», 1967. С. 142–158.
23. Хлевнюк О.В. Сталинский период советской истории. Исторические тенденции и нерешенные проблемы. // Уральский исторический вестник. 2017. С. 71–80.
24. Хрущев Н.С. Развитие экономики СССР и партийное руководство народным хозяйством. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 19 ноября 1962 года. М.: Госполитиздат, 1962.
25. Шаталин С.С. Функционирование экономики развитого социализма. М.: Изд-во МГУ, 1982.
26. Экономическая наука и хозяйственная практика // Ежегодник. Вып. 1965 г. М.: «Экономика», 1965.

REFERENCES

1. Belkin V.D. Selected works: in 3 volumes. The thorny path of an economist. Т. 3. М.: CEMI RAS, 2015. (In Russ.).
2. Belousov R.A. Historical experience of planned management of the USSR economy. 2nd ed. reworked and additional. М.: Mysl, 1987. (In Russ.).
3. Veselkov F.S. Incentives for high target targets. М.: Science, 1968. (In Russ.).
4. Voikov M.I. The dichotomy of the political economy of socialism 1960–1970: between plan and market // AlterEconomics. 2022. Vol. 19. No. 2. Pp. 391–406. (In Russ.).
5. Voikov M.I. Ya.A. Kronrod and the dilemmas of Soviet political economy // Terra Economics. 2012. Т. 10. No. 2. Pp. 55–66. (In Russ.).
6. Gatovsky L.M. The role of the law of value in the national economy of the USSR. // The law of value and its use in the national economy of the USSR / Ed. Ya.A. Kronroda. М.: Gospolitizdat, 1959. Pp. 31–64. (In Russ.).
7. The law of value and its use in the national economy of the USSR / Ed. Ya.A. Kronroda. М.: Gospolitizdat, 1959. (In Russ.).
8. Zaslavskaya T.I. Institute of Economics of the USSR Academy of Sciences: environmental contrasts. // Economic theory: phenomenon Ya.A. Kronroda. To the 100th anniversary of his birth. / comp. T.E. Kuznetsova. St. Petersburg: Nestor-History. 2012. Pp. 231–242. (In Russ.).
9. Karagedov R.G. Profit as an economic category of a socialist economy. // Problems of the political economy of socialism. Vol. 1960 / Ed. Ya.A. Kronroda. М.: Gospolitizdat. 1960. Pp. 64–88. (In Russ.).
10. Katsenelinboygen A. Soviet politics and economics. Book 2 // Vermont: Chalidze Publications, 1988. (In Russ.).
11. Kostromina G.G. Economic reforms in the USSR in the 1960s. // Economic reforms: lessons from history. Digest of articles // Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2013. Pp. 298–302. (In Russ.).
12. Kronrod Ya.A. Socialist reproduction. М.: Gospolitizdat, 1955. (In Russ.).
13. Kronrod Ya.A. On some theoretical foundations of economic reform // Improving planning and management of the national economy. М.: Science. 1967. Pp. 66–86. (In Russ.).

14. *Nemchinov V.S.* On further improvement of planning and management of the national economy. M.: Economizdat, 1963. (In Russ.).
15. *Notkin A.I.* Essays on the theory of socialist reproduction. M.: Gospolitizdat, 1948. (In Russ.).
16. On the work of the party organization of the Institute of Economics of the USSR Academy of Sciences in implementing the resolution of the CPSU Central Committee "On measures for the further development of social sciences and increasing their role in communist construction." // Questions of Economics. 1972. No. 2. Pp. 3–5. (In Russ.).
17. *Ostrovityanov K.V.* Commodity production and its features under socialism // The law of value and its use in the national economy of the USSR. Ed. Ya.A. Kronroda. M.: Gospolitizdat. 1959. Pp. 7–30. (In Russ.).
18. *Plotnikov K.* What is E.G. right and wrong? Lieberman // Questions of Economics. 1962. No. 11. Pp. 112–114. (In Russ.).
19. *Rakitsky B.V.* The story is about how the official political economy of the USSR invented an ideological enemy – “market socialism” – and how it fought against it. // Socialism after socialism. New intelligent vector / Ed. M.I. Voeykova. St. Petersburg: Aletheya. 2011. Pp. 93–107. (In Russ.).
20. *Sobolev E.N.* Kosygin’s reforms are an unlearned lesson from history // Questions of Economics. 2009. No. 8. Pp. 149–154. (In Russ.).
21. The fate of a scientist and the tragedy of science (To the 80th anniversary of the birth of Ya.A. Kronrod). M.: Nauka, 1992. (In Russ.).
22. *Khachaturov T.S.* Economic efficiency of capital investments. // Theory and practice of economic reform. M.: “Economy”. 1967. Pp. 142–158. (In Russ.).
23. *Khlevnyuk O.V.* Stalinist period of Soviet history. Historical trends and unresolved problems. // Ural Historical Bulletin. 2017. Pp. 71–80. (In Russ.).
24. *Khrushchev N.S.* Development of the USSR economy and party leadership of the national economy. Report at the Plenum of the CPSU Central Committee on November 19, 1962. M.: Gospolitizdat, 1962. (In Russ.).
25. *Shatalin S.S.* The functioning of the economy of developed socialism. M.: Moscow State University Publishing House, 1982. (In Russ.).
26. Economic science and economic practice. Yearbook. Vol. 1965. M.: Economy, 1965. (In Russ.).

Дата поступления рукописи: 31.03.2024 г.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Воейков Михаил Илларионович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-3873-8276
mvok1943@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Mikhail I. Voeykov – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-3873-8276
mvok1943@mail.ru

THE ROLE OF THE INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES IN THE IMPLEMENTATION OF THE ECONOMIC REFORM OF 1965

The article shows the role and place of the Institute of Economics of the USSR Academy of Sciences in the course of developing theoretical problems of the Kosygin reform of 1965 followed by the discussion with the soviet economists. A number of studies reveal that the Institute of Economics was in fact the scientific headquarters of this reform. Since the late 1950s leading scientists of the Institute expressed thoughts and positions that subsequently formed the basis for the ongoing economic reform. The essence of these ideas came down to the need to develop market relations in the Soviet economy of that time and to strengthen the effectiveness of the law of value. The article also shows that in the early 1970s. the Institute of Economics was subjected to severe criticism by party authorities, which resulted in a serious reorganization of the institution.

Keywords: *commodity-money relations, market, law of value, planning, enterprise performance indicators, profit, profitability, material incentives, scientists, institution.*

JEL: B31.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Л.В. ЗЕЛЕНОБОРСКАЯ

кандидат экономических наук, ученый секретарь
ФГБУН Институт экономики РАН

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В 2023 ГОДУ

EDN: ELTDPC

DOI: 10.52180/2073-6487_2024_2_172_182

В 2023 г. Институт экономики Российской академии наук проводил научно-исследовательскую деятельность в соответствии с Программой фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 гг.).

Основные результаты научной деятельности

Монография О.Б. Кошовец «Образы экономической реальности в науке, политике и публичном пространстве: тенденции XXI века» (М.: ИЭ РАН, 2023) посвящена осмыслению эволюции понятий экономической реальности в контексте изменения общих представлений о научном знании при переходе от естественнонаучного стандарта к математизированному (в рамках маржиналистской революции), дальнейшей структуралистской трансформации и отказу от субстантивных онтологий. Дана попытка интерпретации причин формирования (не) реальных экономических моделей.

Коллективная монография «Институциональные основы новой стратегии пространственного развития российской экономики» (Отв. ред. Е.М. Бухвальд, А.Е. Виленский // М.: ИЭ РАН, 2023) посвящена современным проблемам стратегирования пространственного развития российской экономики. Обоснованы основные стратегические задачи в сфере пространственного регулирования и пути их решения, вклю-

чая наиболее важные из этих задач – обеспечение единого экономического пространства и сокращение межрегиональной дифференциации. В связи с предстоящим обновлением Стратегии пространственного развития выделен ряд подлежащих корректировке недочетов в данном документе, включая неадекватность целеполагания, слабый институционально-инструментальный аппарат, а также экономическое обеспечение стратегии. Обозначены пути развития институциональных основ пространственного стратегирования, с акцентом на совершенствовании экономико-правовых основ федеративных отношений и российского местного самоуправления. Раскрыты возможности усиления взаимосвязи федерального стратегического планирования с практикой планирования и территориального управления в субъектах Российской Федерации.

В коллективной монографии «*Экономическая безопасность России – 2023: теоретическое обоснование и методы регулирования*» (Под общ. ред. А.Е. Городецкого, И.В. Караваевой // М.: ИЭ РАН, 2023) представлено комплексное исследование произошедших за последние два десятилетия изменений в системе вызовов, рисков и угроз национальной безопасности РФ в бюджетно-финансовой сфере. Особое внимание уделено теоретическому обоснованию причин формирования новых вызовов и угроз экономической безопасности России в результате ужесточения внешнего санкционного давления и гибридного противостояния России и стран Запада. Проанализировано возрастание значения социального и социально-политического факторов в стратегии экономической безопасности суверенного государства, охарактеризованы основные проявления, тенденции и противоречия данного процесса в аспекте бюджетно-финансового регулирования. Показаны противоречия и риски государственной финансово-бюджетной политики, сдерживающие реализацию национальных стратегических приоритетов, приведена специфика рисков бюджетной политики в условиях современного системного кризиса.

Экономическим отношениям России со странами Центрально-Восточной Европы, ранее входившими в СЭВ и относившимися к важным экономическим партнерам СССР, посвящена коллективная монография «*Проблемы экономических отношений России со странами Центрально-Восточной Европы в условиях евроинтеграции*» (Отв. ред. Н.В. Куликова // М.: ИЭ РАН, 2023). Объясняются причины длительного и почти непрерывного ослабления торговых связей и инвестиционного сотрудничества России со странами региона. Проведен анализ новейших тенденций, складывающихся в экономическом взаимодействии со странами ЦВЕ под влиянием объявленной Западом санкционной войны против России. Определены экономические последствия разрушения экономических связей с Россией для стран ЦВЕ и дана оценка возможностей

и препятствий для их восстановления в условиях евроинтеграции этих стран и неблагоприятной геополитической ситуации.

В сборнике научных трудов «Воспроизводство национального человеческого потенциала в условиях глобальных вызовов» (Отв. ред. И.В. Соболева, Т.В. Чубарова // М.: ИЭ РАН, 2023) обоснована точка зрения, согласно которой национальные вызовы для воспроизводства человеческого потенциала являются преломлением глобальных вызовов в специфических условиях конкретной страны и с учетом изменившегося контекста социально-экономического развития. Система вызовов, с которыми сталкивается сегодня воспроизводство человеческого потенциала национальной экономики, рассматривается в разрезе важнейших звеньев, ответственных за его воспроизводство: сферы труда и ключевых отраслей социальной сферы (образования и здравоохранения).

В ежегоднике «Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2022 год» (Отв. ред. В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина. Вып. 1(202) // М.: ИЭ РАН, 2023) представлены результаты исследования по итогам 2022 г.: проанализированы сформировавшиеся тенденции показателей уровня и качества жизни населения; исследовано состояние рынка труда; дан анализ покупательной способности населения, его потребительского поведения, уровня государственной социальной поддержки. Дана оценка социально-экономического расслоения населения по разработанным по авторским методикам социальным стандартам доходов и жилищной обеспеченности. Проведен сравнительный анализ уровня и качества жизни населения субъектов Российской Федерации. Дан краткосрочный прогноз основных индикаторов уровня жизни. По результатам исследования представлены выводы и рекомендации, направленные на решение накопившихся проблем в уровне и качестве жизни населения.

В коллективном научном докладе «Экономика России в условиях новых вызовов: от адаптации к развитию» (Отв. ред. М.Ю. Головин, Е.Б. Ленчук // М.: ИЭ РАН, серия «Научные доклады ИЭ РАН», 2023) анализируется влияние на российскую экономику и отдельные ее сферы новых условий, в которых она функционирует с момента введения беспрецедентных экономических санкций начиная с февраля 2022 г., а также меняющейся конъюнктуры в мировой экономике. Дается оценка мер экономической политики, принимавшихся правительством и Центральным Банком Российской Федерации в ответ на новые вызовы. Сформулированы основные риски для развития российской экономики в среднесрочной и долгосрочной перспективе и предложены изменения в экономической политике для стимулирования экономического роста и проведения структурной трансформации в новых условиях.

Сотрудничеству прикаспийских государств посвящен коллективный научный доклад «Каспийский регион в процессах регионализации Евра-

зии (Отв. ред. Л.Б. Вардомский // М.: ИЭ РАН, серия «Научные доклады ИЭ РАН», 2023). В докладе проанализированы особенности формирования Каспийского региона в контексте интересов прикаспийских и внерегиональных государств; дана оценка каспийского проекта в ряду действующих региональных объединений и проектов в Евразии; обоснован субрегиональный характер данного региона; рассмотрены экологические проблемы как фактор формирования международного региона; исследована роль России в развитии каспийского сотрудничества.

В коллективном научном докладе «Институциональные основы политики пространственного развития: российский федерализм и местное самоуправление» (Отв. ред. Е.М. Бухвальд // М.: ИЭ РАН, серия «Научные доклады ИЭ РАН», 2023) исследуются федеративные отношения и отношения местного самоуправления, формирующие основу пространственной организации Российской Федерации и ее экономики. Совершенствование федеративных отношений и местного самоуправления рассматривается как необходимая предпосылка достижения стратегических целей в сфере пространственного регулирования и регионального развития, главными из которых являются сохранение единого экономического пространства страны и сокращение межрегиональной и внутрирегиональной социально-экономической дифференциации. Акцент делается на формировании в сфере федеративных отношений и местного самоуправления условий и стимулов саморазвития регионов и муниципальных образований всех видов.

Пространственный аспект становления и развития преференциальных экономических зон (ПЭЗ) рассмотрен в коллективном научном докладе «Преференциальные экономические зоны как институт пространственного развития России» (Отв. ред. А.В. Виленский // М.: ИЭ РАН, серия «Научные доклады ИЭ РАН», 2023). На основе анализа отечественного и мирового опыта обоснован тезис о необходимости включения ПЭЗ в систему пространственного стратегического планирования. Выделены этапы становления ПЭЗ в России, отмечен характерный для современного этапа дифференцированный подход к их нормативно-законодательному регулированию. Характеристика потенциальных возможностей преференциальных зон сопровождается анализом их места в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. и в субфедеральных стратегиях социально-экономического развития. Сформулированы и обоснованы приоритетные направления развития преференциальных экономических зон в системе пространственного стратегического планирования Российской Федерации.

В научном докладе Н.А. Николаева «Дуализм экономической стратегии России в условиях внешних ограничений» (М.: ИЭ РАН, серия «Научные

доклады ИЭ РАН», 2023) обосновывается необходимость и возможность выбора экономической стратегии России в условиях санкционных ограничений. Показано, что сам выбор в такой период весьма ограничен: это или стратегия развития, или стратегия выживания (сохранения). В качестве основы последней рассматривается теория экономической сложности (economic complexity), которую предложено трактовать более широко. Обосновывается вывод, что реализация стратегии развития, несмотря на кажущуюся однозначную предпочтительность, не является реалистичной в условиях сильнейшего санкционного давления на российскую экономику.

В докладе П.А. Ореховского «Историко-экономические основы дискурсов общественного развития СССР и Российской Федерации и их влияния на хозяйственные реформы (вторая половина XX в.)» (М.: ИЭ РАН, серия «Научные доклады ИЭ РАН», 2023) в научный оборот экономической теории вводятся понятия когнитивной структуры, дискурсов, слепых пятен, реификации, темпоральности. Автор выделяет три дискурса, соответствующих разным когнитивным структурам, в рамках которых организовывалось понимание социализма: либерально-демократический, марксистско-радикальный и марксистско-ревизионистский (конвергенции). В работе выдвигаются три гипотезы: во-первых, предполагается, что дисциплина политэкономии социализма развивалась как вариант гражданской религии и поэтому выполняла идеологические, а не научные задачи; во-вторых, что дискурс политэкономов социализма и соответствующая ему логика использовались руководителями партии и советского государства для принятия решений о реформах 1965 и 1986–1989 гг.; в-третьих, что предложенные политэкономии-товарищескими и осуществленные политическим руководством реформистские мероприятия по развитию демократизации, расширению прав предприятий и переходу к экономическим методам управления способствовали углублению социально-экономического кризиса и распаду СССР.

В научном докладе Б.А. Хейфеца «Новая модель международной экономической интеграции» (М.: ИЭ РАН, серия «Научные доклады ИЭ РАН», 2023) обосновывается целесообразность введения в научный и практический оборот нового понятия – «накопительная экономическая интеграция». Автор показывает, что классическая методология лишь частично подходит для изучения разнообразных форм интеграции на современном этапе. Применение же понятия накопительной интеграции позволит учесть весь комплекс связей, ведущих к экономическому сближению группы заинтересованных государств, не используя традиционные формы интеграционных объединений. Дан анализ конкретных примеров накопительной интеграции в рамках инициативы «Пояс и Путь», АТЭС, БРИКС и Индо-Тихоокеанской экономической структуры.

Результаты анализа цифровой трансформации российской промышленности в контексте процессов, происходящих в цифровом сегменте мировой экономики, отражены в научном докладе В.В. Доржиевой «Цифровая трансформация промышленности в условиях внешних ограничений (на примере фармацевтической промышленности)» (М.: ИЭ РАН, серия «Научные доклады ИЭ РАН», 2023). В работе рассматриваются новые ключевые технологии Индустрии 4.0, применяемые в фармацевтической индустрии и способствующие созданию производств будущего. Обоснован вывод о том, что реализация политики импортозамещения в условиях внешних ограничений является необходимой, однако требует более продуманных решений для обеспечения технологической независимости цифровой модернизации фармацевтической промышленности.

В научном докладе С.А. Ильиной «Технологический суверенитет в полупроводниковой промышленности: миф или реальность? (на примере сегмента оборудования для производства полупроводников)» (М.: ИЭ РАН, серия «Научные доклады ИЭ РАН», 2023) предпринята попытка ответить на вопрос о существовании принципиальной возможности развития национальной полупроводниковой промышленности до состояния, соответствующего критериям технологического суверенитета. Исследование сфокусировано на наиболее «узком месте» глобальной цепочки создания стоимости полупроводников – сегменте оборудования для их производства. Автором изучен подход двух стран – Китая и России – к развитию национального сегмента полупроводникового оборудования в условиях санкционных ограничений; проведено сравнение механизмов реализации мер государственной поддержки, определены успешные практики и выявлен потенциал укрепления и расширения сотрудничества между рассматриваемыми странами.

В научном докладе Н.М. Плискевич «Институциональная структура современной России как источник вызовов человеческому потенциалу» (М.: ИЭ РАН, серия «Научные доклады ИЭ РАН», 2023) автор показывает, что в обществах, проходивших через ряд модернизационных рывков мобилизационного типа, как это происходило в России, формируется институциональная структура, отличающаяся от той, которая характерна для стран эволюционного развития. В процессе этих рывков, вызванных потребностью ускоренного освоения новых технологий, возникают разрывы между институтами, адекватными им, и социокультурным состоянием большинства населения. Решение проблемы видится в развитии образовательной системы общества и общем подъеме его культурного уровня.

В научном докладе И.А. Колпаковой «Возможности государственного регулирования цен как фактора снижения угроз социально-экономической безопасности России» (М.: ИЭ РАН, серия «Научные доклады ИЭ РАН»,

2023) государственное регулирование цен рассматривается как важный элемент системы бюджетно-финансового регулирования экономики, непосредственно влияющий на снижение актуальных вызовов и угроз социально-экономической безопасности России. Показано, что данное направление государственного регулирования экономики объединяет как нацеленность на улучшение перспектив и результатов экономической деятельности, так и на сохранение и повышение качества и уровня жизни населения в России. Для укрепления социально-экономической безопасности России предлагается использовать государственное регулирование цен для выстраивания структуры цен, опирающейся на учет внутренних затрат и способствующей формированию высокотехнологичной отраслевой структуры экономики.

Вопросы производственного травматизма и профессиональной заболеваемости как отражение условий труда и фактор, характеризующий качество человеческого потенциала, рассмотрены в *научном докладе Е.С. Кубишин «Условия труда и новые формы нестандартной занятости в контексте развития человеческого потенциала России»* (М.: ИЭ РАН, серия «Научные доклады ИЭ РАН», 2023). Особое внимание уделено состоянию условий труда занятых в новых формах нестандартной трудовой деятельности. Рассмотрены некоторые вопросы состояния нормативного регулирования условий труда, его безопасности и охраны в современной России, предложены направления дальнейшего совершенствования данной деятельности с учетом необходимости охвата ею работающих в новых формах нестандартной занятости.

В *научном докладе Ю.В. Вологовой, А.Б. Соколова, О.Е. Назаровой «Формирование инструментов, мер и механизмов поддержки российского ИКТ-сектора в условиях нестабильности внешней среды»* (Под науч. рук. С.А. Ильиной // М.: ИЭ РАН, серия «Научные доклады ИЭ РАН», 2023) рассмотрены актуальные проблемы ИКТ-сектора в России, препятствующие достижению национальных интересов и реализации стратегических целей развития отечественной экономики. Сделан акцент на нестабильности внешних торгово-экономических условий деятельности в кратко- и среднесрочной перспективе. Особое внимание уделено роли государства в процессе трансформационных изменений ИКТ-сектора. С одной стороны, проанализированы государственные меры, направленные на стимулирование частных инвестиций, предпринимательского сектора, на поддержку ресурсобеспечения и планирование развития отрасли, с другой стороны, на примере ГК «Ростех» исследовано прямое государственное участие в ИКТ-секторе. Предложены механизмы поддержки ИКТ-сектора в России в условиях нестабильности внешней среды.

Влияние западных санкций на динамику основных показателей торговли России со странами «поояса соседства» машиностроительной

продукцией анализируется в научном докладе А.В. Голубкина, О.М. Малютиной, Ф.М. Чернецкого «Современные проблемы торговли машиностроительной продукцией между Россией и странами «пояса соседства» (на примере стран Центрально-Восточной Европы и Восточной Азии)» (М.: ИЭ РАН, серия «Научные доклады ИЭ РАН», 2023). Авторы отмечают, что в складывающихся геополитических условиях Россия теряет рынки сбыта в Центрально-Восточной Европе (ЦВЕ); дальнейшее развитие торгово-экономических связей России со странами ЦВЕ в новых условиях значительно осложнено введенными Европейским союзом антироссийскими экономическими санкциями. В настоящее время перспективным направлением внешнеторговой политики России является сотрудничество с некоторыми странами Восточной Азии (ВА): отмечается увеличение объемов товарооборота с КНР и Монголией, тогда как экономические отношения с остальными странами ВА осложняются введенными с их стороны торговыми ограничениями против России.

В научном докладе Н.В. Смородинской, Д.Д. Катукова, В.Е. Малыгина «Проблема экономической устойчивости в условиях санкций: опыт Ирана и риски для России» (М.: ИЭ РАН, серия «Научные доклады ИЭ РАН», 2023) исследуются возможности поддержания устойчивого экономического роста в странах, подвергающихся санкционному давлению. Дано концептуальное осмысление феномена санкций в современной экономической литературе и рассмотрен долгосрочный опыт пребывания под санкциями нефтедобывающего Ирана, включая иранскую доктрину «экономики сопротивления». Проанализирован коллективный эксперимент санкционирования России как крупной экономики и «большой страны», представлены его макрофинансовые итоги в первый и второй годы санкций, описаны проблемы восстановительного роста в российской экономике после первоначального санкционного спада. С учетом иранского и российского опыта реагирования на санкции сформулированы закономерности протекания санкционного кризиса в странах-нефтеэкспортерах и выявлены уязвимости модели роста, которые при этом могут возникать.

В 2023 г. сотрудниками ИЭ РАН опубликовано более 400 научных статей в рецензируемых научных журналах, индексируемых в российских и зарубежных информационно-аналитических системах научного цитирования.

Научно-организационная деятельность ИЭ РАН

В целях координации научных исследований и активизации внедрения результатов научно-исследовательских разработок в практику Институтом экономики в 2023 г. был проведен ряд научно-организационных мероприятий:

Конференции и симпозиумы:

- Всероссийская научно-практическая конференция «VII Сенчаговские чтения: «Экономическая безопасность России: реакции на новые вызовы» (Москва, 23–24 марта);
- Российско-китайская научная конференция «Российско-китайская торговля в условиях меняющегося миропорядка» (30 марта; совместно с Институтом России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук);
- Международная научно-практическая конференция «Россия и Таджикистан в условиях меняющейся мировой экономики» (Москва, 18 мая; совместно с Центром стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан);
- XV Пуштинский симпозиум по эволюционной экономике «Экономика России и мира в эпоху смены мирохозяйственных укладов: теория, методология, практика» (Звенигород, 25–27 мая; совместно с МГУ имени М.В. Ломоносова);
- Российский экономический конгресс (РЭК-2023, Екатеринбург, 11–15 сентября; совместно с Новой экономической ассоциацией, Уральским государственным экономическим университетом, Институтом экономики УрО РАН, Уральским государственным горным университетом, Уральским институтом управления, Центральным экономико-математическим институтом РАН, экономическим факультетом МГУ имени М.В. Ломоносова);
- Международная конференция «Союзное государство в современных экономических и геополитических условиях: вопросы эффективного использования новых возможностей» (Смоленск, 10–11 октября; совместно с Институтом экономики Национальной академии наук Беларуси и Смоленским государственным университетом);
- Ежегодная всероссийская конференция молодых ученых «Экономическая теория: встреча с реальностью. Экономика в меняющемся мире» (Москва, 25 октября);
- Международная российско-монгольская конференция «Россия – Монголия: история взаимоотношений. Прошлое, настоящее, будущее» (Москва, 14 декабря; совместно с ИНИОН РАН, Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Евразийским информационно-аналитическим консорциумом);
- V Международная научная конференция по проблемам теоретической экономики «Экономическая теория и эмпирические исследования: эволюция взаимоотношений» (Москва, 14–15 декабря; совместно с Журналом Новой экономической ассоциации и НИУ ВШЭ).

Круглые столы:

- Круглый стол, посвященный памяти и научному наследию д.э.н., профессора А.Г. Зельднера (Москва, 14 февраля);
- Российская экономика в условиях новых вызовов: динамика, трансформация институтов и структурные изменения (Москва, 14 марта);
- Современное состояние мировой экономики: глобализация или деглобализация (Москва, 21 февраля);
- Стратегическое планирование в условиях внешних вызовов: задачи, возможности, инструменты (Москва, апрель; совместно с РЭУ им. Г.В. Плеханова);
- Воспроизводство национального человеческого потенциала в условиях глобальных вызовов (Москва, 27 июня);
- Перспективы использования цифровых валют для повышения эффективности расчетов в странах БРИКС (Москва, 19 октября; совместно с Новой экономической ассоциацией);
- Круглый стол памяти Р.М. Нуреева «Исторические судьбы власти-собственности на Востоке» (Москва, 28 ноября).

В отчетный период продолжали работу научные семинары Института экономики РАН: «Теоретическая экономика» (рук. – д.ф.н. А.Я. Рубинштейн); «Цифровые финансы» (рук. – член-корреспондент РАН М.Ю. Головин); «Теория и моделирование воспроизводственных процессов в экономике» (рук. – академик РАН В.И. Маевский).

Экспертная деятельность

В 2023 г. Институт экономики сотрудничал в области экспертной деятельности с органами исполнительной и законодательной власти, министерствами и ведомствами: Советом Федерации ФС РФ, Государственной Думой ФС РФ, Советом безопасности РФ, Министерством науки и высшего образования РФ и др.

В 2023 г. начал работу Научно-экспертный совет ИЭ РАН по проблемам управления (НЭС). Совет создан как постоянно действующий независимый научный и экспертный орган для обсуждения и выработки эффективных решений в сфере государственного и корпоративного управления экономикой.

Издательская деятельность

В 2023 г. Институт экономики издавал научные журналы: «Вестник Института экономики Российской академии наук», «Вопросы теоретической экономики», «Мир перемен», «Уровень жизни населения регионов России».

Международное сотрудничество

В 2023 г. Институт экономики продолжал работу по поддержанию международных связей на основе двусторонних соглашений о сотрудничестве с партнерами из зарубежных стран (Беларусь, Вьетнам, Китай, Таджикистан). Ученые ИЭ РАН приняли участие в международных научных мероприятиях.

Дата поступления рукописи: 22.02.2024 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Зеленоборская Лариса Викторовна – кандидат экономических наук, ученый секретарь ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
lvz@inecon.ru

ABOUT THE AUTHOR

Larisa V. Zelenoborskaya – Cand. Sci. (Econ.), Academic Secretary of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
lvz@inecon.ru

THE INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES IN 2023